

# РОМАНОВЫ

ДИНАСТИЯ В РОМАНАХ



ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

**А. Н. Сахаров (редактор)**  
**Елизавета Петровна**  
Серия «Романовы. Династия  
в романах», книга 11

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=159088](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159088)*

*Елизавета Петровна: АРМАДА; Москва; 1994*

*ISBN 5-87994-059-4*

### **Аннотация**

Восемнадцатый век, полный таинств, секретности, и по сию пору остаётся во многом загадкой для современного человека. Особенно мало изучен период «царства Женщин».

Понять, глубже разобраться в этом далёком от нас времени помогают замечательные русские романисты Николай Гейнце и Евгений Маурин.

Под их пером оживают события давно минувших лет.

Живая картина давних событий в романе Н. Гейнце захватывает читателя с первых страниц.

Маурин, скрупулёзный в отборе исторических фактов, скорее историк, нежели писатель, по-новому заставляет современного читателя посмотреть на главные события, происходившие в сороковых годах XVIII века.

Оба романа весьма полно раскрывают время царствования дочери Петра Первого – Елизаветы Петровны.

В книгу входят романы:

Е. И. Маурин

ЛЮДОВИК И ЕЛИЗАВЕТА

Н. Э. Гейнце

ДОЧЬ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

# Содержание

Е. И. Маурин	20
ПРЕДИСЛОВИЕ	20
I	20
II	24
III	26
IV	29
V	31
VI	38
VII	41
VIII	47
IX	49
Часть первая	52
I	52
II	61
III	73
IV	82
V	98
VI	111
VII	130
VIII	155
IX	194
X	211
XI	240

XII	259
Часть вторая	288
I	288
Конец ознакомительного фрагмента.	291

# А. Сахаров (редактор)

## ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

### *(Романовы. Династия в романах – 11)*

Елизавета Петровна – русская императрица (1741 – 24 дек. 1761), дочь Петра Великого и Екатерины I (р. 18 дек. 1709 г.). Со дня смерти Екатерины I великая княжна Елизавета Петровна прошла тяжёлую школу. Особенно опасно было её положение при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, которых постоянно пугала приверженность гвардии к Елизавете Петровне. От пострижения в монахини её спасло существование за границей её племянника принца Голштинского; при жизни его всякая крутая мера с Елизаветой Петровной была бы бесполезной жестокостью. Иностранные дипломаты, французский посол Шетарди и шведский – барон Нолькен, решились из политических видов их дворов воспользоваться настроением гвардии и возвести Елизавету Петровну на престол. Посредником между послами и Елизаветой Петровной был лейб-медик Лесток. Но Елизавета Петровна обошлась и без их содействия. Шведы объявили правительству Анны Леопольдовны войну под предлогом освобождения России от ига иноземцев. Полкам гвардии велено

было выступить в поход. Перед выступлением солдаты гренадёрской роты Преображенского полка, у большей части которых Елизавета Петровна крестила детей, выразили ей опасение: безопасна ли она будет среди врагов? Елизавета Петровна решилась действовать. В 2 часа ночи на 25 нояб. 1741 г. Елизавета Петровна явилась в казармы Преображенского полка и, напомнив, чья она дочь, велела солдатам следовать за собою, воспретив им употреблять в дело оружие, ибо солдаты грозились всех перебить. Ночью случился переворот, и 25 ноября издан был краткий манифест о вступлении Елизаветы Петровны на престол, составленный в очень неопределённых выражениях. О незаконности прав Иоанна Антоновича не было сказано ни слова. Перед гвардейцами Елизавета Петровна выказывала большую нежность к Иоанну. Совсем в другом тоне был написан подробный манифест от 28 ноября, напоминавший о порядке престолонаследия, установленном Екатериною I и утверждённом общею присягою. В манифесте сказано, что престол, уже по смерти Петра II, следовал Елизавете Петровне. Составители его забыли, что, по завещанию Екатерины, после смерти Петра II престол должен был достаться сыну Анны Петровны и герцога Голштинского, родившемуся в 1728 г. В обвинениях, направленных против немецких временщиков и друзей их, им было вменено в вину многое, в чём они виноваты не были: это объясняется тем, что Елизавета Петровна была сильно раздражена отношением к ней людей, возвышенных

её отцом, – Миниха, Остермана и др. Общественное мнение не думало, впрочем, входить в разбор степени виновности тех или других лиц; раздражение против немецких временщиков было так сильно, что в жестокой казни, им определённой, видели возмездие за мучительную казнь Долгоруких и Волынского. Остерману и Миниху определена была смертная казнь четвертованием; Левенвольду, Менгдену, Головкину – просто смертная казнь. Смертная казнь всем заменена ссылкой. Замечательно, что Миниха обвиняли и в назначении Бирона регентом, а самого Бирона не только не тронули, но даже облегчили его судьбу: из Пельма он переведён был на местожительство в Ярославль (так как сам Бирон не теснил Елизавету Петровну).

В первые годы царствования Елизаветы Петровны то и дело отыскивали заговоры; отсюда возникло, между прочим, мрачное дело Лопухиных. Дела, подобные лопухинскому, возникали из двух причин: 1) из преувеличенного страха перед приверженцами Брауншвейгской династии, число которых было крайне ограничено, и 2) из интриг лиц, стоявших близко к Елизавете Петровне, например из подкопов Лестока и других против Бестужева-Рюмина. Лесток был приверженцем союза с Францией, Бестужев-Рюмин – союза с Австрией; поэтому в домашнюю интригу вмешались иностранные дипломаты. Наталья Фёдоровна Лопухина, жена генерал-поручика, славилась выдающейся красотой, образованием и любезностью. Говорили, что при

Анне Иоанновне, на придворных балах, она затмевала Елизавету Петровну и что это соперничество поселило в Елизавете Петровне вражду к Лопухиной, у которой в то время был уже сын офицер. Она была дружна с Анной Гавриловной Бестужевой-Рюминой, урождённой Головкиной, женою брата вице-канцлера. Лопухина, бывшая в связи с Левенвольдом, послала ему поклон с одним офицером, сказав, чтобы он не падал духом и надеялся на лучшие времена, а Бестужева послала поклон брату, графу Головкину, также сосланному по так называемому делу Остермана и Миниха. Обе были знакомы с маркизом Ботта, австрийским посланником в Петербурге. Ботта, не стеснясь, высказывал у своих знакомых дам ни на чём не основанное предположение, что Брауншвейгская династия вскоре опять воцарится. Переведённый в Берлин, он и там повторял те же предположения. Вся эта пустая болтовня подала Лестоку повод сочинить заговор, посредством которого он хотел нанести удар вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину, защитнику австрийского союза. Расследование дела поручено было генерал-прокурору князю Трубецкому, Лестоку и генерал-аншефу Ушакову. Трубецкой ненавидел Бестужева-Рюмина столько же, как и Лесток, но самого Лестока ненавидел ещё более; он принадлежал к олигархической партии, которая, по свержении немецких временщиков, надеялась захватить власть в свои руки и возобновить попытку верховников. От людей, которые не скрывали сожаления к сосланным,

легко было добиться признания в дерзких речах против императрицы и в порицании её частной жизни. В дело была пущена пытка – и при всём том успели привлечь к суду только восемь человек. Приговор был ужасен: Лопухину с мужем и сыном, вырезав языки, колесовать. Елизавета Петровна отменила смертную казнь: Лопухину с мужем и сыном, по вырезании языков, велено было бить кнутом, прочих – только бить кнутом. В манифесте, в котором Россия извещалась о деле Лопухиных, снова говорилось о незаконности предыдущего царствования. Всё это вызвало резкие нарекания на Елизавету Петровну и не принесло желанного интригою результата – низвержения Бестужевых. Значение вице-канцлера не только не уменьшилось, но ещё возросло; через несколько времени он получил сан канцлера. Незадолго до начала дела Лопухиной Бестужев стоял за увольнение Анны Леопольдовны, с семейством, за границу; но дело Лопухиных и отказ Анны Леопольдовны отречься, за своих детей, от прав на русский престол были причиною печальной судьбы Брауншвейгской семьи. Чтобы успокоить умы, Елизавета Петровна поспешила вызвать в Петербург племянника своего Карла-Петра-Ульриха, сына Анны Петровны и герцога Голштинского. 7 ноября 1742 г., перед самым объявлением о деле Лопухиных, он провозглашён был наследником престола. Перед тем он принял православие, и в церковных возглашениях при его имени велено было добавлять: внука Петра Первого.

Обеспечив за собою власть, Елизавета Петровна спешила вознаградить людей, которые способствовали вступлению её на престол или вообще были ей преданы. Гренадёрская рота Преображенского полка получила название лейб-компании. Солдаты не из дворян зачислены в дворяне; им даны поместья. Офицеры роты приравнены к генеральским чинам, Разумовский и Воронцов назначены поручиками, в чине генерал-лейтенанта, Шуваловы – подпоручиками, в чине генерал-майора. Сержанты стали полковниками, капралы – капитанами. Буйство солдат в первые дни вступления Елизаветы на престол доходило до крайностей и вызывало кровавые столкновения. Алексей Разумовский, сын простого казака, осыпанный орденами, в 1744 году был уже графом Римской империи и морганатическим супругом Елизаветы Петровны. Его брат Кирилл назначен был президентом Академии наук и гетманом Малороссии. Так много хлопотавшему за Елизавету Петровну Лестоку пожалован был титул графа. Тогда же началось возвышение братьев Шуваловых, Александра и Петра Ивановичей, с их двоюродным братом Иваном Ивановичем. Наибольшим доверием Елизаветы Петровны пользовался начальник Тайной канцелярии, Александр Иванович. Он оставил по себе самую ненавистную память. За Шуваловыми следовал Воронцов, назначенный вице-канцлером, после назначения графа Бестужева-Рюмина канцлером. До Семилетней войны самым, сильным влиянием

пользовался канцлер Бестужев-Рюмин, которого хотел погубить Лесток, но который сам погубил Лестока. Он дешифровал письма французского посла Шетарди, друга Лестока, и нашёл в письмах резкие выражения о Елизавете Петровне. Имена Лестока были конфискованы, он сослан был в Устюг.

В иностранной политике Бестужев умел поставить Россию в такое положение, что все державы искали её союза. Фридрих II говорит, что Бестужев брал деньги с иностранных дворов; это вероятно, ибо деньги брали все советники Елизаветы Петровны – кто с Швеции, кто с Дании, кто с Франции, кто с Англии, кто с Австрии или Пруссии. Все это знали, но об этом щекотливом вопросе молчали, пока, как над Лестоком, не разразилась гроза по какому-нибудь другому поводу. Когда Елизавета Петровна вступила на престол, то можно было ожидать мира с Швецией; но шведское правительство потребовало возвращения завоеваний Петра Великого, что и повело к возобновлению войны. Шведы потерпели поражение, и по миру в Або, в 1743 г., должны были сделать России новые территориальные уступки (часть Финляндии, по р. Кюмень). В том же году решён был вопрос о престолонаследии в Швеции, колебавший эту страну с 1741 г., со дня смерти Ульрики-Елеоноры. По совету Бестужева, послана была вооружённая помощь партии Голштинской, и наследником престола объявлен был Адольф-Фридрих, дядя наследника Елизаветы Петровны. Война за австрийское наследство

также окончена была при содействии России. Англия, союзница Австрии, будучи не в силах удержать за своей союзницей Австрийские Нидерланды, просила помощи у России. Появление корпуса русских войск на берегах реки Рейна помогло прекращению войны и заключению Ахенского мира (1748). Влияние канцлера всё усиливалось; Елизавета Петровна стала на его сторону даже в споре его с наследником престола по вопросу о Шлезвиге, который великий князь хотел, вопреки воле императрицы, удержать за своим домом. В будущем этот раздор грозил неприятностями Бестужеву-Рюмину, но он тогда же сумел привлечь на свою сторону великую княгиню Екатерину Алексеевну. Только во время Семилетней войны врагам канцлера удалось, наконец, его сломить. Над канцлером наряжен был суд, он лишён был чинов и сослан.

Важные дела совершались при Елизавете Петровне на окраинах России; там мог вспыхнуть одновременно весьма опасный пожар. В Малороссии управление малороссийской коллегии оставило за собою страшное неудовольствие. Елизавета Петровна, посетив Киев в 1744 году, успокоила край и дозволила избрать гетмана в лице брата своего любимца, Кирилла Разумовского. Но Разумовский сам понимал, что время гетманства миновало. По его ходатайству дела из малороссийской коллегии переданы были сенату, от которого непосредственно зависел город Киев. Приближался конец и Запорожью, ибо степи, со времени Анны Иоанновны, заселялись

всё более и более. В царствование Елизаветы Петровны призваны новые поселенцы; в 1750 г. в нынешних уездах Александрийском и Бобринецком Херсонской губернии поселены были сербы, из которых сформировано было два гусарских полка. Поселения эти названы Новой Сербией. Позже, в нынешней Екатеринославской губернии, в уездах Славяносербском и Бахмутском, поселены новые сербские переселенцы (Славяносербия). Около крепости св. Елизаветы, в верховьях Ингула, образовались из польских выходцев-малороссиян, молдаван и раскольников поселения, давшие начало Новослободской линии. Так Запорожье почти со всех сторон было стеснено уже формировавшейся второю Новороссией. В первой Новороссии, то есть в Оренбургском крае, в 1744 г., вследствие серьёзных волнений башкиров, учреждена была Оренбургская губерния, губернатору которой подчинена была Уфимская провинция и Ставропольский уезд нынешней Самарской губернии. Оренбургским губернатором назначен был Неплюев. Он застал башкирский бунт; башкиры легко могли соединиться с другими инородцами; войск у Неплюева было мало – но против башкир он поднял киргизов, тептярей, мещеряков, и бунт был усмирён. Много ему помогло то обстоятельство, что вследствие малочисленности русского элемента в крае заводы при Анне Иоанновне строились там как крепости. Всеобщее неудовольствие и раздражение инородцев сказались

и на отдалённом северо-востоке: чукчи и коряки в Охотске грозили истреблением русскому населению. Особенное ожесточение оказали коряки, засевшие в деревянном остроге: они сожглись добровольно, только бы не сдать русским.

Через несколько недель по вступлении на престол Елизавета Петровна издала именной указ о том, что государыня императрица усмотрела нарушение порядка государственного управления, установленного её родителем: «происками некоторых (лиц) изобретён Верховный Тайный Совет, потом сочинён кабинет в равной силе, как был Верховный Тайный Совет, только имя переменено, от чего произошло немало упущение дел, а правосудие и совсем в слабость пришло». Сенат при Елизавете Петровне получил силу, какой он ни прежде, ни после не имел. Число сенаторов было увеличено. Сенат прекратил вопиющие безурядицы как в коллегиях, так и в провинциальных учреждениях. Архангельский прокурор, например, доносил, что секретари ходят в должность, когда хотят, отчего колодников держат подолгу. Особенно важную услугу сенат оказал в один из годов, когда бедному люду в Москве грозила опасность остаться без соли. Благодаря распорядительности сената, соль была доставлена и соляной налог, один из важных доходов казны, был приведён в порядок. С 1747 г., когда открыта была эльтонская соль, соляной вопрос не обострялся уже до такой степени. В 1754 г., по предложению Петра Ивановича Шувалова, отменены

внутренние таможи и заставы. По словам С. М. Соловьёва, этот акт довершил объединение Восточной России, уничтожив следы удельного деления. По проектам того же Шувалова: 1) Россия, ради облегчения тяжести рекрутских наборов, разделена была на 5 полос; в каждой полосе набор приходился через 5 лет; 2) учреждены коммерческий и дворянский банки. Но заслуги Шувалова не всеми были поняты, а результаты его корыстолюбия у всех были налицо. Он обратил в свою монополию тюленьи и рыбные промыслы на Белом и на Каспийском морях; заведая переделкой медной монеты, он частным образом отдавал деньги под проценты. Разумовские, самые близкие люди к Елизавете Петровне, в государственные дела не вступались; их влияние было велико только в области церковного управления. Оба Разумовские проникнуты были беспредельным уважением к памяти Стефана Яворского и враждой к памяти Феофана Прокоповича. Поэтому на высшие ступени иерархии стали возводиться лица, ненавидевшие просветительные стремления Прокоповича. Самый брак Елизаветы Петровны с Разумовским внушён был её духовником. Освобождение России от немецких временщиков, обострив и без того тогда сильный дух религиозной нетерпимости, обошлось России дорого. Проповеди в этом направлении не щадили не только немцев, но и европейскую науку. В Минихе и Остермане усматривали эмиссаров сатаны, посланных губить православную веру. Настоятель Свяжского монастыря,

Димитрий Сеченов, называл своих противников пророками антихриста, которые заставляли молчать проповедников Христова слова. Амвросий Юшкевич обвинял немцев в том, что они нарочно замедляли ход просвещения в России, гнали русских учеников Петра Великого – обвинение веское, поддержанное Ломоносовым, который, однако, одинаково в том же мраколюбии обвинял и немецких академиков, и духовенство. Получив в свои руки цензуру, синод начал с того, что подал в 1743 г. к подписи указ о запрещении ввозить в Россию книги без предварительного просмотра. Против проекта этого указа восстал канцлер граф Бестужев-Рюмин. Он убеждал Елизавету Петровну, что не только запрещение, но и задержка иностранных книг в цензуре вредно повлияют на просвещение. Он советовал освободить от цензуры книги исторические, философские, просматривал только книги богословские. Но совет канцлера не остановил ревности к запрещению книг. Так, запрещена была книга Фонтенеля «О множестве миров». В 1749 г. велено было отбирать книгу, напечатанную при Петре Великом – «Феатрон, или Позор исторический», переведённую Гавриилом Бужанским. В самой церкви обнаруживались явления, которые указывали на необходимость более широкого образования для самого духовенства: когда между раскольниками усилились фанатические самосожигания, пастыри наши не умели словом остановить дикие проявления фанатизма и зывали о помощи к светской власти. Но представители

духовенства вооружались даже против церковных школ. Архангельский архиепископ Варсонофий выражал неудовольствие на большую школу, построенную в Архангельске: *школы-де любили архиереи черкасшики*, т. е. малороссияне. Не мудрено, что людям такого образа мыслей приходилось сталкиваться в государственных и законодательных вопросах с сенатом. Елизавета Петровна, по личному её характеру, значительно смягчила уголовное законодательство наше, отменив смертную казнь, а также пыку по корчемным делам. Сенат представил доклад, чтобы малолетние до семнадцати лет совсем освобождены были от пытки. Синод и тут восстал против смягчения, доказывая, что малолетство, по учению св. отца, считается только до 12-ти лет. При этом было забыто, что постановления, на которые ссылался синод, изданы были для южных стран, где в 11–12 лет начинается половая зрелость девушек. В начале царствования Елизаветы Петровны обер-прокурором в синод назначен был князь Яков Петрович Шаховской, человек односторонний, самолюбивый, но честный. Он потребовал регламент, инструкции обер-прокурору и реестр нерешённых дел; ему доставили только регламент; инструкции были затеряны и только потом доставлены ему генерал-прокурором князем Трубецким. За разговоры в церкви велено было брать штрафы. Штраф собирали офицеры, жившие при монастырях; синод стал доказывать, что собирать штраф следует причту. Такое препирательство яснее

всего указывало на необходимость образования. Но при общей почти ненависти к просвещению требовалась могучая энергия, чтобы отстаивать его необходимость. Поэтому достойна глубочайшего почтения память Ивана Ивановича Шувалова и Ломоносова, которые связали свои имена с полезнейшим делом царствования Елизаветы Петровны. По их проекту, в 1755 г., основан был Московский университет, возникли гимназии в Москве и Казани и потом основана была Академия художеств в Петербурге. По личному характеру Елизавета Петровна была чужда политического честолюбия; весьма вероятно, что если бы она при Анне Иоанновне не была преследуема, то и не подумала бы о политической роли. В молодости её только и занимали танцы, а под старость – удовольствия стола. Любовь к *far niente* усиливалась в ней с каждым годом. Так она два года не могла собраться отвечать на письмо французского короля. Источники: П.С.З.; мемуары; особенно важны записки князя Шаховского, Болотова, Дашкова и др. История Елизаветы Петровны подробно изложена С. М. Соловьёвым. Заслуживает также внимания очерк царствования императрицы Елизаветы Петровны Ешевского.

*Энциклопедический словарь,*

*Изд. Брокгауза и Ефрона,*

*т. ХІВ*

*СПб., 1894.*

# Е. И. Маурин

# ЛЮДОВИК И ЕЛИЗАВЕТА

# РОМАН

## ПРЕДИСЛОВИЕ

### I

В XVIII веке идея самодержавного единовластия не пользовалась симпатиями «верхов» русского общества. Требуя от народа слепого, рабского подчинения, не допуская даже и мысли о возможности влияния «подлой черни» на ход государственных дел, дворянство для себя лично домогалось права на руководящую роль в управлении страной, и вся русская история XVIII века по существу своему является историей борьбы между олигархическими аппетитами русской аристократии и стремлениями монархов прочно внедрить абсолютное признание своей единой воли. Конечно, ввиду полной разобщённости монарха с народом дворянство неизбежно оставалось бы победителем в этой борьбе, если бы его притязания покоились на идейной, а не на корыстной почве. Но «верхи» в погоне за благами земными разбивались на

партии, и стоило одной кучке взять верх, как другая немедленно начинала вести подкоп против неё.

Немудрено, что при таком положении вещей период от Петра Великого до восшествия на престол Александра I<sup>1</sup> был столь богат так называемыми «дворцовыми революциями». Особенностью последних были их крайняя изолированность и однообразие рецептов. Не только народ в широком смысле этого слова, но даже ближайшие придворные не всегда знали, просыпаясь утром, что вчерашний монарх уже свержен и сегодня царит новый. А рецепт употреблялся всегда один и тот же: брали роту солдат и арестовывали венценосца – только и всего; простота, которой не встретишь в истории переворотов всех других стран.

Пётр Великий всю жизнь работал над освобождением трона от олигархических притязаний дворянства. Для противовеса родовому дворянству он вызвал к жизни дворянство служилое, где недостаток происхождения с лихвой восполнялся талантами и работоспособностью. Именно при нём и даже в его присутствии вельможа из бывших пирожников Меншиков сказал убогому разумом князьку Рюриковичу, кичившемуся своим происхождением: «Ты, батюшка, потомок, ну а я – предок!» Если бы Петру I было дано жить два

---

<sup>1</sup> Александр I Павлович, император и самодержец всероссийский, сын императора Павла Первого от второго брака с принцессой Софией-Доротеей-Августой-Луизой Вюртенберг-Штутгартской, в православии императрицей Марией Фёдоровной. Родился в Петербурге 12 декабря 1777 года, вступил на престол 12 марта 1801 года. Умер в Таганроге 19 ноября 1825 г.

века или если бы ему наследовал достойный его, преобразователя, монарх, то самодержавная власть, опираясь на новое служилое дворянство, была бы упрочена. Но Пётр Великий умер, не завершив своего дела и даже не назначив себе наследника. Это сразу поставило трон в зависимость от партий.

В то время были две партии: одна хотела видеть Екатерину I русской государыней, другая настаивала на правах внука Петра, сына царевича Алексея (Петра II), и соглашалась только на регентство Екатерины. Верх взяла первая партия, Пётр II был объявлен наследником.

Царствование Екатерины I и Петра II вполне подходило под мерку олигархических претензий дворянства. Екатерина I не имела никаких данных для сознательного правления, Пётр II был слишком юн для этого. Это разожгло аппетиты: после смерти Петра II дворянство самовольно обошло права цесаревны Елизаветы и призвало на трон племянницу Петра Великого, герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну.

Призывая её на трон, знать поставила весьма немалые условия, а именно: ограничение самодержавия. Согласно им императрица ровно ничего не могла делать своею властью без согласия тех восьми персон, из которых состоял Верховный Тайный Совет. Анна Иоанновна согласилась на эти условия, которые давали большой вес партии князей Долгоруких и Голицыных. Зато возмутились Головкины, Трубецкие, Бярятинские, Черкасские и др. На сцену была выдвинута вершительница судеб многих последующих монархов –

«рота солдат». И вот, опираясь на армию, императрица разорвала подписанную ею олигархическую конституцию и стала править «самодержавно».

Анна Иоанновна призвала ко двору дочь своей старшей сестры Екатерины Иоанновны – принцессу Мекленбург-Шверинскую Елизавету-Екатерину-Христину, во крещении – Анну Леопольдовну. От брака Анны Леопольдовны с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским родился принц Иоанн. Умирая, Анна Иоанновна назначила своим наследником последнего, а регентом повелела быть герцогу Бирону.

Бирон имел свои счёты с родителями малолетнего императора, которые и поспешили поэтому отделаться от неудобного регента. На сцену вновь вышла «рота солдат» – Бирон был арестован, Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей.

При обеих Аннах в России царило полное немецкое засилье. В мемуарах современников то и дело встречаются такие фразы: «Такой-то отличился и должен был получить командование полком, но на свою беду он русский». Этим положением вещей воспользовалась цесаревна Елизавета Петровна и с помощью «роты солдат» арестовала всю семью малолетнего императора.

В дальнейшем всё та же «рота солдат» фигурировала ещё раз при ниспровержении Екатериной II своего супруга и наследника Елизаветы – Петра III. Сын и наследник Екатери-

ны II император Павел был устранён уже без участия «роты» усилиями ближайших придворных. Это была последняя «дворцовая революция».

При императоре Николае I нашумевший бунт декабристов был последним активным усилием дворянства и армии вмешаться в государственную жизнь. Но это было вызвано уже совершенно иными идейными мотивами, да и представляло собой отзвук XVIII века в XIX, своего рода исторический пережиток. С XVIII веком окончательно умерли олигархические претензии дворянства.

## II

Мы упоминали выше, да и иллюстрировали примерами однообразие рецептов русских переворотов XVIII века. Но для одного из этих переворотов, а именно для революции 1741 года, возведшей на российский престол императрицу Елизавету, необходимо сделать оговорку: переворот 1741 года по своей внутренней подоплёке был гораздо сложнее, чем можно было подумать, судя по первому взгляду. Достаточно вспомнить только, что весьма активное участие в подготовке к воцарению Елизаветы Петровны принимал французский посол Шетарди. Из сборника донесений Шетарди, извлечённых из французских архивов Тургеневым и переведённых Пекарским, можно видеть, что это делалось не без участия французского правительства. Значит, в данном случае мы

имеем дело не только с проявлением олигархических тенденций русского дворянства, но и с планомерной иностранной интригой.

Действительно, достаточно самого поверхностного знакомства с историческими документами, чтобы убедиться, что переворот 1741 года при всей своей внешней простоте и шаблонности внутренне довольно сложен. Это было далеко не случайное явление, а логическое следствие ряда взаимодействующих причин, корни которых разветвлялись широко и по времени, и по пространству.

Предлагаемый роман бытописует именно этот переворот, и сложность последнего в достаточной мере усложняет задачу автора. Историческое повествование должно соединять в себе достоинства и художественного романа, и исторического очерка. Но первый требует живости изложения, второй ясности исторического рисунка эпохи. В то же время ничто так не мешает необходимому нарастанию интереса развития романической интриги, как бесконечные отступления в область исторических ссылок и справок. Стремясь как-нибудь выйти из этой дилеммы, автор решил выделить всю историческую часть в настоящем предисловии.

Мы уже указывали выше, что интересующий нас переворот произошёл не без участия французского правительства. В какой же мере и степени выразилось это участие?

Ответ на последний вопрос нам может дать краткий очерк истории русско-французских сношений, к которому мы и

обращаемся.

### III

Впервые о прямых попытках к русско-французскому союзу упоминается в хрониках XVII века, когда в 1629 г. к царю Михаилу Фёдоровичу явилось чрезвычайное посольство от Людовика XIII.<sup>2</sup> Глава посольства, Дюгэй-Корменен, от имени своего короля приглашал русского царя слиться тесным союзом с Францией. Ведь «белый царь» – глава православия, а французский король – глава католических стран; таким образом, если два таких «потентата» будут действовать заодно, то им покорятся все остальные государства.

Предложение Корменена встретило очень благосклонный приём, но Московия была тяжела на подъём, и дело кончилось простыми уверениями в дружбе. Вплоть до Петра Великого вопрос о союзе с Францией оставался совершенно открытым.

В первое время своего царствования Пётр I не мог помышлять о союзах. Россия терпела военные неудачи, а союз с иностранным государством только тогда выгоден обеим сторонам, когда и та и другая стороны верят в обоюдную мощь. Русскую мощь ещё надлежало доказать. Только раз-

---

<sup>2</sup> Людовик XIII (1601–1643), французский король (с 1610) из династии Бурбонов. Во время его правления значительно укрепился абсолютизм. Фактически во главе правительства при Людовике XIII находился Ришелье.

громив шведов и отомстив туркам за неудачи Прутского похода, Пётр обратил взоры на Францию.

В то время Францией от имени малолетнего Людовика XV правил регент (герцог Орлеанский). Пётр I послал в Париж своего агента (Зотова), который должен был позондировать настроение и, если возможно, подготовить почву. Но никаких дипломатических полномочий этот агент не имел. Пётр имел свои основания не желать, чтобы о его планах узнали другие державы. И вот, не оповещая никого о своих намерениях, Пётр в конце 1716 года отправился в заграничное путешествие и через Пруссию прибыл в Голландию, которая в то время представляла собою нечто вроде «меры международных соглашений». Голландским представителем Франции был маркиз Шатонеф – личность, по своему положению и качествам пользовавшаяся особенным доверием правительства. Пётр послал к Шатонефу своего министра, князя Куракина, который и сообщил французскому послу о желании русского императора завязать союзные сношения с Францией; Куракин просил Шатонефа сообщить своему правительству, что Пётр лично направляется с этой целью в Париж.

Донесение Шатонефа привело правительство регента в большое смущение.

На это были две причины. Россия открыто враждовала с Англией, а Франция в дружбе последней весьма нуждалась; кроме того, ни Англия, ни Франция не признали ещё офи-

циально императорского титула Петра, и посещение Парижа царём грозило немалыми затруднениями. И вот Шатонёф получил предписание: внешне склоняться на всяческие заверения в дружбе, но по существу не решать ничего и ничего не отвечать на желание царя посетить Париж. Авось пронесёт Господь!

Но не с Петром можно было вести такую политику!

Разгадав французскую тактику, Пётр, никого не предупредив, в марте 1717 года сел на корабль и отправился в Париж, куда и прибыл 7 мая того же года.

Тут, на месте, в Париже, Пётр не добился ничего. Франция была очень склонна связать быстро крепнувшего «северного колосса» выгодным договором, но, на беду, о переговорах узнала Англия, вмешалась энергичной нотой, и Пётр уехал как бы ни с чем. Однако это было только «как бы». Через два месяца в Амстердаме был подписан договор между Францией, Пруссией и Россией.

После подписания этого договора между обеими странами – Францией и Россией – воцарились очень хорошие отношения. Первая сразу же сумела оказать второй большую услугу: по энергичному представлению французского посла при шведском дворе, Кампредона,<sup>3</sup> шведское правительство пошло на уступки, и в Нюстадте был подписан очень выгодный для России мир (1721 г.). После этого Кампредона назначили министром-президентом при петербургском дворе.

---

<sup>3</sup> До мая 1726 г. Кампредон был полномочным министром Франции в России.

## IV

Во время своего пребывания в Париже Петру пришлось повидать и малолетнего короля Людовика XV. Царю очень понравился этот крошечный король, который уже умел осанкой и благородными жестами свидетельствовать о своём сане. Вопреки всяческому этикету Пётр схватил короля-рёбенка, поднял его на воздух и расцеловал. «Очень возможно, – говорит А. Вандаль, – что именно тогда царю пришла в голову мысль женить короля на своей дочери, царевне Елизавете».

На первых порах об этих планах сноситься с Францией было неудобно. А там пришла весть, разрушившая их: правительство регента избрало невестой Людовику малолетнюю инфанту испанскую, которую привезли во Францию и стали воспитывать в качестве французской принцессы. Ко времени приезда в Россию Кампредона Пётр уже узнал об этом. Но он не оставлял мысли породниться с Францией, и когда посол прибыл в Кронштадт, встретил его там, а через полчаса уже посвятил его в свои планы: сын регента, герцог Шартрский, был уже холост: если бы его женить на царевне Елизавете, то Россия помогла бы провести герцога на польский престол.

Таким образом, три страны, связанные теснейшими узами крови, могли бы действовать заодно. При этом Пётр та-

ил в уме ещё иное: Людовик был слаб здоровьем, с ним то и дело происходили припадки, умри он без потомства – и первым кандидатом на французский престол явился бы герцог Шартрский; значит, Елизавета всё-таки вступила бы на французский престол!

Сам Кампредон был всецело на стороне брачных проектов Петра, но его правительство хотело как можно больше выгод и решило отмалчиваться. Пётр негодовал, Кампредон слал депешу за депешей. Положение стало очень напряжённым, и Пётр замкнулся в оскорблённом молчании. Кампредон сознавал, какую бестактность совершает его правительство, отмалчиваясь, но что он мог поделать? Между прочим, в своих письмах Кампредон очень восторжённо отзывался о наружности и общей «приятности» царевны. Что же касается её воспитания и образования, то... он спешил уверить, что с умом и способностями Елизаветы все дефекты могли бы быть скоро исправлены...

В 1723 году регент Франции, герцог Орлеанский, умер, и Людовик передал власть главе дома Кондэ, герцогу Бурбонскому. Впрочем, это только говорилось официально, а на самом деле власть перешла к возлюбленной герцога маркизе де При, которая принялась теперь вертеть страной и её политикой так же безалаберно, как до того вертела одним герцогом. Маркиза была вздорна, неумна и недостаточно образованна. Её друг, д'Аржансон, записал в своих мемуарах: «В течение двух лет маркиза управляла государством. Но ска-

зять, что она управляла хорошо, это уже другое дело!» Да и могла ли она управлять «хорошо», если в своей внутренней и внешней политике руководствовалась только капризом и воображением? Не зная истинной политической физиономии союзных стран, маркиза дополняла дефекты знания вымыслом и воображением и считалась не с действительными обстоятельствами и условиями, а с ею же лично придуманными. Немудрено, если такая политика ввергла Францию в большую политическую ошибку.

Оставив брачные проекты, Пётр стал искать только прочного союза с Францией. Но на одно из его предложений инспирированный маркизой регент, герцог Бурбонский, дал царю такой сухой, резкий, невежливый ответ, что, казалось, с Францией будет порвано навсегда. Только смерть Петра (1725 г.) помешала открытому разрыву.

## V

После смерти Петра Екатерина I деятельно принялась пристраивать Елизавету.

Вообще трудно пересчитать, скольких женихов невестой была Елизавета – чуть не всех северогерманских принцев, Морица Саксонского, сына герцога Эрнеста Бирона, собственного племянника Петра II, шаха персидского и т. д. И вот в разгар этих матримониальных хлопот пришла радостная весть: надежда сделать из Елизаветы французскую коро-

леву далеко ещё не потеряна!

Ещё незадолго до смерти Петра Великого французское правительство внутренне должно было отказаться от мысли женить Людовика на испанской инфанте.

С королём то и дело случались припадки, и врачи уже не раз приговаривали его к смерти. Что было бы, если бы он умер бездетным! Между тем инфанте было только семь лет, Людовику же шестнадцать; значит, ещё долго пришлось бы ждать, пока свадьба могла бы состояться, но дожил ли бы до этого король?

Французское правительство начало стараться взять у Испании обратно данное слово, но Испания упорно не желала понимать никаких намёков. Тем не менее правительство разослало по всей Европе тайных эмиссаров присматривать невест. К 1725 году на основании донесений этих эмиссаров был уже составлен длинный список «годных невест». В нём второе по желательности брака место занимала царица Елизавета Петровна.

Этот список имел чисто академическое значение. Но вдруг Людовик опасно заболел. Врачи заявили, что дни короля сочтены и что если он даже оправится от этого припадка, то проживёт во всяком случае недолго. Если врачи того времени и ошибались не реже теперешних, то им больше верили.

Правительство встревожилось. Испания всё ещё продолжала не понимать никаких намёков. «Придётся, – заявил ми-

нистр иностранных дел де Морвиль, – идти напролом и сейчас же отослать инфанту домой». Это и было решено 11 марта 1726 года, а уже 10 апреля, когда даже французские агенты за границей ничего не знали о состоявшемся решении, императрица Екатерина I имела точные сведения о положении вопроса женитьбы Людовика XV.

Императрица тут же принялась «ковать железо, пока горячо». Вызвав к себе Кампредона, она прямо и просто предложила в невесты Людовику царевну Елизавету. На следующий день посла посетил сам Меншиков и произнёс блестящую речь в защиту предложения императрицы: раз инфанту отсылают «восвояси», то почему бы королю не жениться на Елизавете? Меншиков принялся расхваливать физические и нравственные достоинства царевны, а затем помянул, что в истории уже имеются прецеденты брачных слияний Франции с Россией (в XI в. Генрих I, внук Гуго Капета, женился на дочери Ярослава), словом, с точки зрения как физической, так и исторической и политической брак Людовика и Елизаветы мог бы быть только желателен обоим нациям!

Через два дня Екатерина снова вызвала Кампредона и дополнила свой план: французского принца крови можно было бы женить на дочери изгнанного польского короля Станислава Лещинского и со временем возвести первого на польский престол!

Всё это Кампредон сообщил своему правительству.

Но мы уже упоминали, что в то время Францией правила

вздорная маркиза де При. Мысль о браке с Марией Лещинской пришлась ей очень по сердцу, было решено женить короля на Лещинской, и эта вздорная мысль была, к несчастью для Франции, осуществлена.

Именно «к несчастью». Ни с политической, ни с физической точки зрения Мария не подходила Людовику. Ведь она была дочерью изгнанного короля, и её-то предпочли принцессе великой монархии! А с физической – Мария была на семь лет старше Людовика XV, да и благодаря своей холодности не могла приковать к себе надолго мужа.

Правда, на первых порах у новобрачных дети рождались в самый кратчайший срок и почти без перерывов. В четыре года брака Людовик имел уже пятерых детей! Но из этого ещё нельзя выводить суждение о счастливом браке короля. Необходимо помнить, что Мария Лещинская была первой женщиной, которую познал король, и что он вместе с крайней чувственностью соединял в себе величайшую застенчивость (в юности). Но стоило только ему в первый раз побороть свою застенчивость, как с женой было порвано. Впоследствии Людовик разорил Францию на своих любовницах. Да, дорого стоила стране прихоть маркизы де При!

Так или иначе, но Россия справедливо приняла этот брак как оскорбление. Меншиков категорически заявил Кампредону, что всякий другой брак был бы понятен, но только не этот. В результате Россия совершенно отвернулась от Франции и заключила союз с Австрией.

С этого момента первую скрипку в России начали играть немцы.

В 1726 году Кампредона отозвали и не заменили его никем: необходимейшие функции без полномочий вести переговоры исполнял секретарь посольства Маньян.

Правительство Анны Иоанновны не могло простить Франции афронт с царевной Елизаветой. Ещё с национальным достоинством можно было как-нибудь поладить – какое в сущности дело было всем тем немцам, которые правили Россией, до русского самолюбия? Но если бы Людовик женился на Елизавете, это избавило бы Анну Иоанновну и её наследников от опаснейшей претендентки. Теперь же, успев «по-свойски» расправиться со своей девичьей свободой, Елизавета Петровна решила не выходить замуж и осталась «бельмом на глазу» русского правительства.

Франции в самом непродолжительном времени пришлось на деле убедиться в ошибочности своей политики. Польский король Август умер,<sup>4</sup> и шляхта под давлением Франции избрала на польский престол отца французской королевы Станислава Лещинского. Россия сейчас же выдвинула войска в Варшаву, сместила этого короля и возвела на его место принца-электора Саксонского.

Конечно, Франция не осталась в долгу. Кардинал Флери, державший в то время бразды правления, вовлёл турок в

---

<sup>4</sup> Август II (Сильный) (1670–1733), курфюрст саксонский (с 1694 г.), польский король с 1697 г. Союзник Петра Первого в войне с Карлом XII.

войну с Россией, а когда русские войска под предводительством фельдмаршала Миниха одержали блестящую победу, Франция сумела Белградским трактатом свести все успехи русского оружия на нет.

Варшавский скандал и Белградский мир были уроком для обеих стран. Русский двор завёл переговоры о возобновлении прерванных дипломатических сношений, а версальский двор предупредительно пошёл навстречу.

Анна Иоанновна назначила посланником во Францию князя Антиоха Кантемира. Тогда Людовик XV приказал французскому министру при берлинском дворе, маркизу де ла Шетарди, отправиться в Петербург французским посланником.

До нас дошёл мемориал, составленный французским министерством иностранных дел и вручённый послу для сведения и руководства. Там было указано, как посол должен был вести себя с точки зрения этикета, чтобы не уронить достоинства представляемой страны; что же касается политической роли, то о ней сказано очень осторожно и двусмысленно. Так, словно мимоходом замечая, что, «вспоминая незначительность права, которое возвело на русский трон герцогиню Курляндскую, когда налицо имелась царевна Елизавета и сын герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобы по смерти царствующей государыни не последовали волнения», мемориал тут же спешил оговориться, что король не только ничего не предписывает на этот счёт

своему посланнику, но и не находит возможным предпринимать что-либо. Но к чему могла служить эта оговорка, раз у французского правительства действительно не было в мыслях интриговать против русской царствующей фамилии? К тому же далее мемориал предписывал послу «исследовать как можно вернее состояние умов, степень влияния друзей, которых может иметь Елизавета, словом, всё, по чему можно было бы судить о возможности в России государственного переворота».

Вообще можно с полной уверенностью сказать, что, посылая в Россию Шетарди, Франция уже заранее считалась с возможностью вмешаться в наши внутренние дела.

Да иначе оно и быть не могло. В то время на континенте боролись три влияния: Франции, Австрии и Пруссии, и Россия давала значительный перевес той стране, с которой шла «рука об руку». При обеих Аннах – императрице и правительнице – Россия была верным другом немцев и не могла быть ничем иным. Следовательно, склонить Россию на свою сторону Франция могла только при перемене царствующей особы.

Царевна Елизавета Петровна являла все гарантии, что с вступлением её на престол Россия от немцев перекинется к французам. С детства Елизавету Петровну воспитывали в мысли стать французской принцессой и любить всё французское; кроме того, от немцев ей пришлось слишком натерпеться. Путь к сердцу «северного колосса» лежал через ко-

рону Елизаветы, следовательно, ей надо было добыть такую!

Вот где мы, наконец, подходим к клубку, завязавшемуся в тот самый момент, когда Пётр Великий поднял и расцеловал малолетнего Людовика.

## VI

Из донесений Шетарди и мемуаров современников ясно видно, что с приездом маркиза де ла Шетарди Франция, официально расшаркиваясь перед императрицей Анной Иоанновной, подпольно будировала против неё, натравливая на Россию шведов и заигрывая с Елизаветой Петровной.

Трудно было подыскать для такой роли более подходящего человека, чем тридцатичетырехлетний Иоахим-Жак Тротти, маркиз де ла Шетарди.<sup>5</sup> Это был идеальный образец дипломата XVIII столетия, когда от посла требовалось очень мало государственной опытности, но много лицемерия, двуличия, беспринципности и неразборчивости в средствах. К тому же маркиз был молод, хорошо сложен, красив, остроумен и любезен. Интриги были его родной стихией. Он сразу понял, чего от него ждут, а потому направился в Россию во главе блестящей свиты, с лучшим поваром того времени

---

<sup>5</sup> Маркиз де ла Шетарди (1705–1758) до приезда в Россию был французским послом в Берлине (1731–1733).

Барридо, с несколькими подводами великолепнейших платьев и с 100 000 бутылок тонких французских вин (в то время французское вино служило немалым подспорьем французских дипломатов, о чём свидетельствуют уцелевшие памфлеты того времени).

Русский двор, никогда не знавший ни в чём меры, устроил Шетарди такую пышную встречу, что даже сам надменный и тщеславный маркиз был смущён. Окружённый чуть не царскими почестями, он приехал в Петербург. Императрица приняла его в торжественной, пышной аудиенции, после которой посол прямо направился к царевне Елизавете Петровне. Она очаровала его любезностью и приветливостью, но зато совсем иное впечатление вынес Шетарди от посещения принцессы Анны Леопольдовны, к которой отправился от Елизаветы.

Анна Леопольдовна и вообще-то не производила особенно счастливого впечатления, отличаясь редким безличьем и полнейшей апатичностью. Кроме того, будучи совершенной игрушкой в руках немецкого влияния, принцесса встретила французского посла оскорбительно холодно и почти невежливо. Шетарди тут же дал себе слово посчитаться когда-нибудь с нею за это!

Обосновавшись в Петербурге, Шетарди начал действовать. Прежде всего ему надо было сойтись с русской аристократией, чтобы исполнить ту часть инструкции, где говорилось об исследовании настроений умов. Но русские сторо-

нились его.

Тогда энергичный маркиз обратился к министру иностранных дел Остерману с официальной жалобой. Русским было приказано сделать визит послу. Но, придя в первый раз по принуждению, они стали потом с удовольствием приходиться добровольно: маркиз сразу сумел очаровать их обращением и угощением.

До смерти Анны Иоанновны Шетарди только заигрывал в политическом смысле с Елизаветой Петровной, но на прямую интригу в её пользу не шёл. Без денег трудно было что-нибудь сделать: Елизавета была бедна, кардинал Флери скуп. Только смерть Анны Иоанновны (ноябрь 1740 г.) заставила маркиза попринажать пружину: мешкать было нельзя, дать утвердиться на престоле Брауншвейгской династии значило надолго отказаться от мысли привлечь к себе Россию. Сначала Шетарди ещё рассчитывал купить Бирона, надеясь уговорить своё правительство дать необходимые для этого средства, тем более что содействие Бирона таксировалось довольно дёшево, и тогда можно было бы обойтись и без Елизаветы Петровны. Но Бирона по приказанию Анны Леопольдовны арестовали, мать малолетнего императора провозгласила себя правительницей, и теперь вне переворота для Франции спасения быть не могло.

Ещё одно важное политическое событие произошло в то же время. Австрийский император Карл VI умер, завещав корону своей дочери Марии-Терезии. При его жизни это за-

вещание – «Прагматическую санкцию» – признали все державы, но после его смерти все захотели урвать по кусочку, и на Марию-Терезию ополчились: электор баварский, король испанский, курфюрст саксонский и король прусский. Франция не могла допустить новое усиление Пруссии и встала на сторону Австрии, но исход дела зависел от того, на чью сторону встанет Россия. Правда, Россия была всецело под немецким влиянием, но ведь теперь сами немцы восстали друг на друга. Влиятельный Миних был за Пруссию, принц – супруг Анны Леопольдовны, как племянник австрийской императрицы, – за Австрию. Долго Россия не знала, на что решиться. Наконец было решено помочь Австрии. Но тут в Петербург вновь прибыл английский посол Финч, который предложил гарантировать Брауншвейгской династии русский трон, если Россия соединится с Англией против Франции. Правительница подписала договор в этом смысле.

Теперь французам немислимо было мешкать, а потому Шетарди рьяно пустился в интригу и вступил в прямые сношения с Елизаветой Петровной и её партией.

## VII

Впрочем, была ли у Елизаветы «партия»? Нет, в точном смысле этого слова её не было. Ведь партия должна представлять собою нечто стройное, сплочённое, дисциплиниро-

ванное, действующее сознательно в определённом направлении под влиянием единой центральной воли. Ничего подобного в деле Елизаветы Петровны не было: у неё были только приверженцы, обиженные правительством, а потому желавшие торжества Елизавете. Но эти приверженцы были в значительной мере бездеятельными: дальше простого ворчания и надежд на провиденциальный случай они не шли. Нити заговора, руководство ими находились всецело в руках Шетарди, от которого исходили также и средства: Елизавета была слишком бедной принцессой, чтобы задаривать солдат, как она это делала, из собственного кармана.

Мы уже упоминали выше, что кардинал Флери скупился деньгами. Некоторые историки идут дальше и утверждают, что Франция вообще была почти «ни при чём» в перевороте 1741 года и что Шетарди не давал денег Елизавете. Так, например, серьёзный историк и автор лучших монографий о русских государях XVIII в. Валишевский, труды которого увенчаны Французской академией, категорически заявляет, что активная помощь Франции в этом перевороте – просто легенда, так как подлинные депеши Шетарди явно свидетельствуют против подобного взгляда. Зато другой серьёзный историк, тоже увенчанный Французской академией, А. Вандаль, в монографии, посвящённой русско-французским сношениям при Елизавете (царевне и императрице), основываясь на тех же депешах, категорически заявляет, что деньги на революцию в России шли из Франции. Где же правда? И в

чём причина такой странности, что одни и те же источники ведут к противоположным выводам?

Внимательно просмотрев депеши Шетарди и вчитавшись в доводы Валишевского и Вандаля, автор романа был вынужден безусловно перейти на сторону последнего. Прежде всего сам Валишевский даёт основание упрекнуть его в некоторой небрежности обращения с фактами. Он всё время старается доказать, что Елизавета не получала денег от Шетарди, тогда как самое важное – вопрос, получала или нет царица деньги от Франции. А между тем Валишевский сам же говорит, что деньги на войну с Россией дала Швеции Франция и что эта война была предпринята с целью отвлечь внимание русского правительства от внутренних дел, что должно было дать Елизавете Петровне возможность осуществить переворот. Мало того, Валишевский говорит, что шведский посол Нолькен<sup>6</sup> получил от своего правительства сто тысяч экю на политическую интригу и что Шетарди, узнав об этом, подумал: «У шведов не было ни привычки, ни средств идти на такие траты. Откуда же взялись эти деньги? Те, которые тратились в Стокгольме на внешнюю политику, обыкновенно исходили от французской казны». «Поэтому, – заявил он далее, – не было ничего неправдоподобного, если и эти сто тысяч были даны Францией».

---

<sup>6</sup> Нолькен Эрик Матиас (1694–1755) – барон, член государственного совета Швеции, канцлер (1747), шведский посол в Пруссии (1727–1728) и России (1738–1741).

Теперь сопоставим всё это с подлинным заявлением посла от 2 (13) мая 1741 г.: «Будьте уверены, что признательность, которую будет питать принцесса Елизавета к Швеции, не помешает ей отличить настоящую пружину, приведшую машину в действие».

Иначе говоря, даже в тех случаях, когда деньги шли через третьих лиц, фактически давала их Франция. Можно ли говорить после этого о том, что активная помощь Франции – просто легенда?

Вся ошибка Валишевского заключается в том, что он не дал себе труда заметить, как часто одна депеша противоречит другой. Но это вполне понятно и естественно: многое заставляет предполагать, что Шетарди составлял свои депеши так, что даже и будучи расшифрованы, они оставались не вполне доступными для непосвящённого: под внешним смыслом таился ещё другой, внутренний, тайный.

Разумеется, мы не можем подробно останавливаться на доводах «за» и «против», так как это значило бы пускаться в историческую полемику, для которой в данном труде не может быть места. Мы просто хотели предупредить читателя, что высказываемый нами взгляд разделяется не всеми, и что для нас лично убедительным кажется взгляд Вандаля.

Весьма характерным в этом отношении является следующее место из депеши Шетарди от 21 апреля. Шетарди говорит, что Елизавета исчислила расходы на революцию в сумме ста тысяч рублей. «Я передал принцессе, что король, по-

стоянно занятый мыслью содействовать её счастью, охотно доставит средства на покрытие издержек, как только будет указано, каким способом сделать это секретно».

Из дальнейших депеш можно догадаться, что Шетарди нашёл этот способ: в Петербурге жил некто де Ман, у которого в Париже был богатый дядюшка; де Ман вёл широкую жизнь и крупную картёжную игру. Что было мудрёного, если богатый дядюшка посылал своему единственному наследнику деньги на покрытие трат по такой разорительной жизни?

Действительно, два разных документа проливают некоторый свет на это. Из депеши Шетарди явствует, что он достал для Елизаветы Петровны некоторую сумму денег, которую взял взаймы у приятеля, выигравшего много в карты; Шетарди просил, если можно, вернуть деньги этому «приятелю». А из секретных документов французского министерства иностранных дел явствует, что в первых числах октября 1741 г. тайный агент министерства с чисто опереточными предосторожностями передал в кафе де Фуа эту сумму денег маркизу де Ман, который не замедлил послать их своему племяннику в Петербург. Вообще дальнейшее сличение дат наводит на мысль, что депеша Шетарди говорит не о совершившемся, а о желаемом факте, то есть, как мы уже говорили, под наружным смыслом депеши скрывался другой, внутренний смысл, и депешу надо истолковывать так: «Пошлите через де Мана такую-то сумму мне».

Разумеется, всё заставляет предполагать, что Франция да-

ла очень много денег прямо в руки Елизавете. Но это уже детали. Важно то, что Франция тратилась на переворот, что, хотя из осторожности она прикрывалась Швецией, но фактически не партия, не приверженцы, а Франция возвела на престол царевну Елизавету Петровну.

Итак, внимательное рассмотрение фактов говорит за то, что партии в точном смысле этого слова у Елизаветы не было.

Из её приверженцев наиболее деятельными были доктор Лесток, ганновержец родом, но француз по происхождению (его биографию читатель найдёт на страницах романа), камергер Воронцов,<sup>7</sup> немец Шварц,<sup>8</sup> и еврей Грюнштейн<sup>9</sup> Близкий в то время Елизавете Алексей Разумовский непосредственного участия в интриге не принимал: и тогда, как и впоследствии, он держался в стороне от политики.

Наиболее деятельным был Лесток. Через него-то главным образом и сносилась Елизавета с маркизом Шетарди, и если некоторые историки и отрицают значительность роли Ше-

---

<sup>7</sup> Речь идёт о Михаиле Илларионовиче Воронцове (1714–1767). За участие в дворцовом перевороте (1741) граф Воронцов был пожалован в камергеры. Вице-канцлер (1744), канцлер (с 1758 г.).

<sup>8</sup> Христофор-Яков Шварц (ум. 1756 г.) – родом из Саксонии, активный участник заговора 1741 г. После прихода к власти Елизаветы Петровны стал артиллерийским полковником.

<sup>9</sup> Пётр (Георг) Грюнштейн – солдат лейб-гвардии Преображенского полка, после переворота 1741 г. – подпоручик лейб-компаний, с 1742 г. адъютант Елизаветы Петровны.

тарди, то значительности роли Лестока в перевороте 1741 года, кажется, не отрицает никто.

## VIII

Дальнейшее течение этой интриги достаточно отражено на страницах нашего романа. Поэтому коснёмся её только вкратце.

Франция и Швеция выработали такой план действий: Швеция объявит России войну, а когда это отвлечёт внимание правительства, Елизавета Петровна произведёт переворот в свою пользу. Но в благодарность она должна отдать Швеции все отнятые у последней Петром Великим земли.

Ни Шетарди, ни шведский посол Нолькен не учли горячей любви Елизаветы к родине и преклонения памяти отца. Елизавета наотрез отказалась от короны, которую можно получить, жертвуя интересами родины. Переговоры замерли, но Елизавету это не беспокоило; возмущение солдат и дворянства немецким засильем всё росло, на французские деньги уже успели подготовить почву, и теперь оставалось ждать благоприятного момента.

Вдруг Шетарди узнал, что граф Линар, давнишний возлюбленный правительницы Анны Леопольдовны, в точности проведал о роли французского посла. Хотели даже арестовать и судить Шетарди, но маркиз смело заявил, что выбросит из окна всякого, кто осмелится явиться к нему без раз-

решения. Хотели арестовать Елизавету Петровну и посадить её в монастырь. Но, с одной стороны, уже боялись очень идти напролом, чтобы не усилить раздражения среди войска и дворянства, а с другой – какую пользу могло принести устранение Елизаветы теперь, когда интрига была в полном ходу, а за границей благополучно проживал её племянник (впоследствии Пётр III)?

Пока правительница Анна Леопольдовна<sup>10</sup> разводила руками, не зная, на что решиться, Шетарди пошёл на мировую с Елизаветой, отказался от требования территориальных уступок в пользу Швеции и требовал одного: чтобы все приверженцы немцев были устранены и понесли суровую кару. На это Елизавета согласилась, и мир был заключён.

Вскоре с помощью преобращенцев Елизавета арестовала всё правительство, не исключая и малолетнего императора Иоанна VI Антоновича. 26 ноября утром проснувшиеся петербуржцы узнали, что на русский престол вступила императрица Елизавета Петровна.<sup>11</sup>

---

<sup>10</sup> Племянница императрицы Анны Иоанновны, родилась в 1718 году. Имя, данное при рождении – Елизавета-Екатерина-Кристина, принцесса Мекленбург-Шверинская, с 1739 г. жена Антона-Ульриха Брауншвейгского, великая княжна, правительница России с 9.11.1740 по 25.11.1741 г.

<sup>11</sup> Дочь Петра Первого от второго брака с Екатериной I Алексеевной (Мартой Самуиловной Скавронской). Родилась в Москве 18 декабря 1709 г., великая княжна, императрица (1741). Умерла в Петербурге 25 декабря 1761 г.

## IX

Наша задача будет недостаточно полна, если мы не дадим краткой характеристики личности Елизаветы.

По удачному выражению проф. В. Ключевского,<sup>12</sup> Елизавета представляла собою типичную русскую барыню XVIII века. Умная и добрая, но малообразованная и плохо воспитанная, а к тому же капризная, своенравная и беспорядочная, императрица Елизавета была человеком момента. В этом заключается разгадка той двойственности, которая поражает нас в ней.

Елизавета была очень проста в обращении, любила толкаться по девичьей; сама наряжала прислугу к венцу и любила смотреть в дверную щёлочку, как веселится дворня. Но в то же время самое пустячное нарушение этикета могло показаться ей величайшим преступлением. Елизавета терпеть не могла политики, дипломатических тонкостей и переговоров.

А между тем в своих покоях она устроила нечто вроде интимного кабинета из приживалок и сплетниц, где премьером была Мавра Шувалова; «предметами занятий этого кабинета были сплетни, наушничество, всякие каверзы и травля придворных друг против друга, доставлявшая Елизавете великое удовольствие». Елизавета была очень ласкова в обраще-

---

<sup>12</sup> Василий Осипович Ключевский (1841–1911), – русский историк, академик. Профессор Московского университета.

нии, но из-за пустяка приходила в неистовство и бранилась более чем неподобающими словечками, не разбирая, кто перед нею – мужчина или женщина, лакей или министр.

Родившись на переломе прежней азиатчины и европейского свободомыслия, Елизавета совмещала в себе московскую набожность с французским легкомыслием и распущенностью. От вечерни императрица неслась во весь опор на бал; а с бала уезжала, чтобы поспеть к заутрене. Она молилась долго, истово и искренне, но по временам прерывала молитву, чтобы подойти к зеркалу и лишний раз полюбоваться на свои «приятности».

Более всего любя мир, Елизавета воевала половину своего царствования. Ценившая образование, основавшая первый русский университет, Елизавета до конца своих дней была уверена, что в Англию можно проехать сухим путём. На куртаги, балы, маскарады, шествия и т. п. тратились огромные деньги, а между тем модные французские магазины отказывались кредитовать императрицу, так как из дворца совершенно невозможно было получить деньги по счёту. Парадные комнаты дворца поражали роскошью, но жилые просто не соответствовали своему названию, так как «жить» в них было совершенно невозможно: было тесно, убого, неряшливо, двери не затворялись, сквозь окна дуло, по стенам текла вода. После императрицы осталось 15 000 платьев и два сундука шёлковых чулок, а между тем мебели и сервизов было так мало, что при переездах императрицы из дворца во дво-

рец приходилось всё таскать за собой. Словом, четыре строки «Русской истории от Гостомысла» А. Толстого в значительной степени исчерпывают личность Елизаветы:

*Весёлая царица  
Была Елизавета,  
Поёт и веселится,  
Порядку только нет.*

Да, «порядка» у императрицы Елизаветы не было ни в чём и никогда!

# Часть первая ЛЮДОВИК

## I

### КОРОЛЬ СКУЧАЕТ

Зима 1738/39 года отличалась необычной даже и для Парижа мягкостью, а вернее, так её и вовсе не было. Ни снега, ни морозов; как заладил осенью мелкий, унылый дождик, так и шёл почти без перерыва всё время. Сырость стояла невообразимая; парижане хрипели, чихали, кашляли и на чём свет стоит проклинали ужасную погоду.

Впрочем, на сырость ворчали только зажиточные, а бедняки, количество которых неимоверно возрастало с каждой новой палочкой, прибавлявшейся к имени Людовиков, вступавших на трон, только радовались. Всё равно в тех ужасающих подвалах, куда загоняла их нужда, всегда было сыро, но зато отсутствие морозов избавляло их от забот доставать топливо. Хоть тепло было – и то слава Богу!

В январе выпал снежок, который пролежал целых три дня. Думали уже, что установится запоздалая зима. Но в одно действительно прекрасное утро парижане, проснувшись, увидели безмятежно-голубое небо и дивное, яркое, тёплое

солнце, спешившее теперь с лихорадочной энергией наверстать то время бездеятельности, которое пришлось ему провести за густым пологом серых зимних туч. Снег быстро стаял, земля обсохла. Налетели весёлые пташки, деятельно занялись витьём гнёзд, и к началу карнавала творческая работа весны была уже в полном разгаре. Из-под земли гордо высунулись молодые, сочные ростки, жадно тянувшиеся к материнским ласкам солнца, высыпали скромные хрупкие анемоны. Почки деревьев надулись, набухли и в одну из тёплых весенних ночей лопнули, развернувшись ярко-зелёным ажуром юных листочков.

Солнце примирило и богатых, и бедных: все радовались весне, всех тянуло к солнцу. Улицы наполнялись пёстрой народной толпой, и опять парижане, забывая свои беды и несчастья, зажили той бесшабашной, поверхностной жизнью, где острое словцо и весёлая шутка ценились зачастую дороже необходимого хлеба. Богатые с надменным видом направлялись за город в экипажах, бедные шли туда же пешком, перебрасываясь весёлыми шутками насчёт первых. Тут, среди осыпанной царски-щедрыми дарами весны зелени Булонского леса, они уже не чувствовали себя обделёнными: разве не одинаково приветствуют радостным щебетаньем весёлые птахи и бедных, и богатых? Разве не одинаково ласкает их солнце? Разве шаловливый демократ-ветерок делает какую-нибудь разницу между пышными перьями дорогих шляп и дешёвыми ленточками скромных, кокетливых чеп-

цов?

О нет, в особенности, что касалось последнего, то по мере того как день клонился к вечеру, его шалости становились всё более и более неразборчивыми и дерзкими. Изящному, выхоленному, изнеженному герцогу Ришелье ветер засыпал глаза пылью, а когда при виде его смешных гримас какой-то рабочий расхохотался во весь рот, то шалун набил пыли полный рот смешливому. Старой, накрашенной, намазанной маркизе де Бледекур, тратившей немалые деньги на содержание целого штата молодых возлюбленных, ветер растрепал гигантское страусовое перо и в заключение шлёпнул её им же по лицу. А когда молоденькая, хорошенькая гризеточка, увидав это, крикнула: «Осторожно! Штукатурка обвалится!» – то ветер счёл своим долгом почтить и её своим вниманием и с этой целью немедленно накинуд ей юбку на голову, к немалому удовольствию двух молодых студентов. Видимо не чувствуя ни малейшего почтения даже к принципам крови, ветер вырвал из рук герцога Шартрского миниатюрный, тоненький платок, которым его высочество собирался смахнуть пыль с высочайшего лица, высоко взметнул его кверху и понёс между верхушками деревьев, но тут же одумался и кинул платок на ближайший сучок, а сам, словно напроказивший школьник, понёсся во всю прыть далее, поиграл флюгерами в Сен-Клу и наконец забрался в дивный Версальский парк.

Одно из раскрытых окон дворца привлекло внимание ве-

терка. Он заглянул туда, потом схватил прошлогодний сухой листик, заброшенный на подоконник его предшественником, и кинул его на пол. Листок шурша покатился по вычурному паркету мимо золочёной штофной кушетки, на которой лежал развалиясь мужчина лет тридцати. Если бы не открытые глаза, с мечтательным видом устремлённые к искусно расписанному потолку, то можно было бы подумать, что лежавший спит. Беспросветной скукой, отчаянием тоски, ленивым безмолвием веяло от всей его фигуры. Одна рука судорожно вцепилась в пышные чёрные локоны, другая, державшая раскрытую книгу, безнадёжно свесилась к полу. Ветер пощекотал эту руку листиком, поиграл прядями локонов, шумно перевернул несколько страниц книги, однако лежавший не шелохнулся. Тогда, охваченный непонятным испугом, проказник опроретью бросился обратно в окно, досадливо стукнув по дороге рамой. Но и этот шум не вывел лежавшего из его лениво-тоскливой неподвижности.

То был молодой французский король Людовик XV. Ему было тогда только двадцать девять лет, он был недурен собой, царствовал над большой и прекрасной страной... и всё-таки скучал, скучал так, как только может скучать человек!

Когда он родился, никто не видел в нём короля. Боже мой! Сколько лиц стояло между ним и тронем! На французском престоле восседала величественная особа его прадеда Людовика XIV, наследником престола был его дед, великий дофин Франции Людовик, после которого трон должен был

перейти к герцогу Бургундскому Людовику, отцу Людовика XV. И только когда-нибудь потом, после этого длинного ряда венценосных Людовиков, должен был прийти черёд царствовать старшему брату Людовика XV, а самому Людовику предстояло так и прожить свою жизнь в качестве родственника королей.

Так считали люди. Но смерть, смеющаяся над всеми людскими расчётами, одним мановением своей губительной ко-сы расчистила ему дорогу к трону. Умер старший брат, умер отец, дед... Последним умер самый старший – великий Людовик XIV. И вот пятилетним ребёнком Людовик XV вступил на французский престол.

Его увезли в Венсенский замок, от его имени стал править регент, герцог Орлеанский.

Поднялась целая вакханалия злоупотреблений. Финансист-маг Лоу, англичанин родом, придумал заменить звонкую монету бумажками-обязательствами. Печатный станок без отдыха нашлёпывал тысячи банкнотов. Лоу был очень любезен – никто из аристократов, обращавшихся к нему с просьбой снабдить ценными бумажками, не уходил с пустыми руками. И вот настал момент, когда этих бумажек было выпущено в оборот много больше, чем в состоянии была оплатить Франция. С государством произошло то же, что бывает в таких случаях с частными лицами: оно обанкротилось!

Франция не скоро оправилась от этого удара: с момента

банкротства королевская власть держалась только по инерции, одними традициями. Народное недовольство всё возрастало. Аристократия безмятежно плясала у самого кратера губительного вулкана, развернувшегося у её ног в 1790 году.

Тринадцати лет (1723 г.) Людовик был объявлен совершеннолетним. Через десять месяцев после этого герцог Орлеанский умер, и Людовик мог бы, если бы захотел, лично взяться за управление страной. Но он не захотел: одна мысль о тяготах управления пугала его. Ещё не успел остыть труп герцога Орлеанского, как Людовик вручил власть герцогу Бурбонскому. По счастью, бессмысленному правлению герцога, или вернее – его возлюбленной маркизы де При – скоро был положен конец. У кормила власти встал и не покидал его до самой смерти кардинал Флери.

Людовику не было шестнадцати лет, когда его обвенчали с двадцатитрехлетней Марией Лещинской. В то время, как свидетельствует де Вильяр, король был робок и застенчив до неловкости, малоречив до неприличия. Единственным удовольствием его тогда была охота. До свадьбы Людовик XV совершенно не знал женщин: развратный сам, герцог Орлеанский сумел уберечь своего питомца от тлетворных нравов версальского двора. «Все дамы готовы на интригу с королём, – говорит всё тот же Вильяр, – но сам король не готов». Впрочем, впоследствии король с лихвой наверстал всё, упущенное им.

Слишком застенчивый и неловкий, чтобы пускаться на интриги с придворными дамами, и в достаточной мере чувственный, Людовик на первых порах показал себя очень нежным мужем. Мария Лещинская с завидной аккуратностью приносила ему в законный срок по принцу или принцессе, а то и по две сразу. Такая семейная идиллия продолжалась до 1732 года. К этому времени королева стала уставать от бурных ласк мужа, а Людовик с затаённым вождением начал осматриваться по сторонам, жадным взором останавливаясь на прелестях придворных дам. Одна из них, пылкая и кроткая де Майльи, в особенности дразнила сладострастие короля. Это было замечено, придворные принялись толкать де Майльи в объятия короля. Графиня была очень не прочь завлечь в свои пламенные объятия Людовика, но преградой стояла его застенчивость. Раза два-три де Майльи при свиданиях с королём пускала в ход весь арсенал своих явных и тайных прелестей, однако дело не подвигалось ни на шаг: король не решался изменить жене. На помощь пришёл случай. Вечером того дня, когда де Майльи удалось особенно сильно всколыхнуть страстные грёзы Людовика, король послал своего камердинера к жене с сообщением, что его величество предполагает провести эту ночь на половине её величества. Королева ответила, что она не может принять короля. Людовик вновь послал камердинера к королеве с заявлением, что король не принимает отказа. Когда же жена опять дала всё тот же сухой и категорический ответ, Лю-

довик вспыхнул гневом и поклялся, что больше никогда не потребует от королевы исполнения её супружеского долга. Это сейчас же стало известно, на следующий день де Майльи возобновила свою попытку овладеть любовью короля, и на этот раз попытка увенчалась полным успехом.

У природы, которые сдержанны и нравственны только в силу застенчивости, надлом скромности является полным её крушением. Так плотина стоит незыблемо только до тех пор, пока вода не прососёт в ней еле заметного хода. А случилось это – и бушующая страсть несётся бурным потоком, выходя из берегов и затопляя все границы благоразумия.

Плотина застенчивости Людовика XV была подрыта объятиями де Майльи, и с этого момента король с ненасытной жадностью кинулся на удовольствия. Быстро составиля кружок придворных, начался ряд весёлых охот, пирушек, маскарадов. Версальский дворец показался теперь слишком величественным и холодным для этого весёлого времяпрепровождения. И вот Людовик приказал отделать замок Шуази, и там стали происходить весёлые вакханалии. Для того, чтобы веселиться без помехи, Людовик XV ввёл в этикет правило, запрещавшее мужьям сопровождать придворных дам, отправлявшихся с королём в увеселительную поездку. Во внутреннем устройстве замка также было принято во внимание всё, чтобы устранить стесняющую помеху. Так, в столовой был устроен механизм, поднимавший из кухни накрытый стол – таким образом блюда подавались и убирались без

непосредственного участия прислуги.

Эта жизнь стоила много денег. Кардинал Флери, фактически правивший страной, был очень скуп, но отказать королю в деньгах он не решался, чего доброго, король ещё сам возьмётся за управление, а это обошлось бы ещё дороже... И кардинал хоть и кряхтел, но довольно широко открывал государственную кошелек к услугам Людовика.

Жизнь текла весело, привольно, беззаботно. Казалось, и конца не будет всем развлечениям и проказам. И вдруг всё словно сдуло. Веселье затихло, собутыльники приумолкли и ходили в полной растерянности и унынии, а весёлая де Майль проливали обильные слёзы: королём овладела смертельная тоска, он неделями лежал на кушетке, отдаваясь своей гнетущей тоске, не желая и слышать о каких-либо развлечениях. Всё ему опостылело, всё было ему противно.

Весна, весь этот пышный пир пробудившейся природы ещё более усилили его дурное настроение. Весёлое щебетанье птичек, суетливо хлопотавших над витьём гнёзд, наивная прелесть юной зелени, грация первых весенних цветов – всё томило неосознанной мечтой, будило неведомые жаркие грёзы. Действительность казалась невыносимой, мечталось о чём-то ином, непохожем на неё, красочном... В полусне чьи-то белые руки обвивали шею Людовика, чья-то горячая грудь с зыбкой страстью приникала к его груди, чьи-то алые уста застенчиво лепетали неведомую сказку любви... Людовик вскакивал, хватал трепещущими руками воздух, искал

горящим взором ускользнувшее видение... Никого! Никого!.. Он вспоминал о пренебрегаемой в последнее время Луизе де Майльи, но сейчас же болезненно-брезгливая гримаса искривляла его лицо... И несчастный король спешил забыть-ся сном, чтобы хоть в грёзах пережить минуты счастья...

Однако ночь обессиливала, истомляла, сушила... И весь день король пролёживал в томной грусти на кушетке, не желая никого видеть, ни за что взяться. Каждое утро во дворец приезжали приближённые с неизменным вопросом:

– Как сегодня его величество?

И ответом им был неизменный испуганный шёпот:

– Тссс! Король скучает!

Король лежал, лежал, лежал... Словно тени, двигались по коридорам и залам дворца взволнованные слуги, осторожно пробираясь на цыпочках мимо королевских апартаментов. И от одного к другому нёсся предупреждающий шёпот:

– Тише! Его величество тоскует! Тссс! Король скучает!..

## II МАРКИЗ ДЕ СУВРЭ

В соседней комнате скрипнула дверь и послышались чьи-то лёгкие, бодрые шаги; вслед за этим дверь королевской комнаты приоткрылась, и в щель просунулась белокурая кудрявая голова с белым, нежным лицом, глубокими, большими, умными глазами и изящным аристократическим носом.

– Государь! – весело заговорил вошедший. – Это я, маркиз де Суврэ! Вашему величеству благоугодно было приказать мне немедленно явиться по возвращении из путешествия, чтобы доложить о результатах! Я только что вернулся из Пармы, и вот плоды моих поисков. Разрешите ли, ваше величество, всеподданнейше преподнести их?

– А, это ты, маркиз, – лениво ответил Людовик, не поднимая головы. – Войди!

Маркиз де Суврэ был сверстником короля и товарищем его по воспитанию. Король очень любил его общество, но совершенно не замечал его отсутствия: благодарность и стойкость привязанности вообще не входили в число добродетелей Капетингов. Зато сам маркиз действительно любил короля преданно, нежно, бескорыстно до трогательности. Только, как умный человек, понимавший, что избыток преданности, слишком явно выказываемый, порождает зависть, интриги и подкопы, Суврэ никогда не подчёркивал в присутствии третьих лиц своей исключительной любви к Людовику. Он так умело отходил в тень, что только один проницательный и хитрый Флери, недолюбливавший Суврэ и взаимно не любимый им, разгадывал степень значительности и влияния маркиза на короля. Для всех остальных Суврэ был совершенно безобидным весельчаком, полушутом, забавником, чудачком, любившим говорить изречениями, пословицами да стихами.

Действительно, Суврэ усвоил себе манеру высказывать свои мысли чужими словами. Отличаясь колоссальной па-

мятью и будучи человеком необыкновенно образованным и начитанным, Суврэ знал наизусть всех классиков французской поэзии и так и сыпал стихами, почти всегда замечательно остроумно применяемыми. Это стало его второй натурой и, даже оставаясь наедине с королём, когда не к чему было надевать свою личину, Суврэ не мог отделаться от усвоенной привычки.

Пользуясь разрешением короля, Суврэ окончательно распахнул дверь, взял из рук лакея бархатную подушку, на которой лежал какой-то беленький комочек, и направился с ним к кушетке. Тут он опустился на колени и, протягивая к королю подушку с комочком, оказавшимся очаровательной крошечной собачкой, сказал:

– Вот, ваше величество, собачка, которую так хотела иметь прелестная графиня де Майльи! Могу поручиться, что это – самый крошечный экземпляр из всего собачьего семейства. Но чего мне стоило достать его!..

Людовик лениво погладил собачонку по мягкой, пушистой шерсти и вяло улыбнулся, когда она принялась жадно сосать его мизинец.

– Что это за порода? – спросил он.

– Не знаю, ваше величество, потому что родители этого пёсика были вывезены каким-то английским капитаном из далёкой заморской страны. Тем не менее этот пёсик может с гордостью воскликнуть: «*Moi, fils inconnu – d'un si*

glorieux pere!»<sup>13</sup> Ведь папаша этого маленького комочка спас от неминуемой смерти герцогиню Пармскую, выбив из её рук стакан с отравленным питьём. Он тут же пал жертвой своего инстинкта: несколько капель жидкости попало на мордочку пёсика, и он испустил свою собачью душу в ужасных конвульсиях. Благодарная герцогиня приказала набальзамировать его труп. Обо всём этом я узнал в Тоскане, где мне рассказали, кроме того, что герой оставил после себя двух малолетних наследников и что миниатюрнее этой собачьей семьи нет во всей Европе. Тогда я немедленно ринулся в Парму. Увы! Герцогиня и слушать не хотела о том, чтобы расстаться с сыном своего спасителя. Благословив свою судьбу за то, что я проживал в Парме инкогнито, я подкупил придворного лакея, и вот – «C'etait pendant l'horreur d'une profonde nuit»<sup>14</sup> – пёс был выкраден, и я понёсся с драгоценной добычей обратно во Францию, чтобы сложить её у ног моего короля!

– Благодарю тебя, Суврэ, – ласково сказал Людовик. – Я всегда знал, что ты – мой лучший друг! Положи где-нибудь собачку и скажи потом Корбелэну, чтобы он присмотрел за ней, пока я не преподнесу её графине. А в знак моей дружбы и благодарности возьми вот это, – король снял с пальца и кинул маркизу массивное золотое кольцо, изображавшее дракона, который в бессильной ярости закусил свой хвост и

---

<sup>13</sup> «Я, неизвестный сын славного отца» («Федра», трагедия Расина).

<sup>14</sup> «Это было среди ужасов глубокой ночи» («Аталия», трагедия Расина).

как бы изрыгал пламя крупными рубинами глаз.

Суврэ подхватил кольцо на лету, пламенно прижал его к губам и с восторжённым пафосом воскликнул:-

*Oui, puisque je retrouve un amisi fidele,  
Mafortunevaprendreunefacenouvelle!*<sup>15</sup>

Людовик грустно посмотрел на маркиза.

– Как я завидую тебе, Суврэ, – сказал он, и в его голосе прозвучали скорбные, надтреснутые ноты. – Ты всегда так весел, так жизнерадостен! Всякий пустяк радует тебя, словно ребёнка. Да и случись у тебя какое-нибудь горе, так тебе есть к кому прибегнуть, потому что я, твой царственный друг, всегда готов прийти к тебе на помощь. А я? Я, король великой страны, беднее и беспомощнее любого из своих подданных! Великая скорбь, гнетущая тоска гложут моё сердце. Жизнь кажется мне гробом, завёрнутым в ряд блестящих, богатых покровов. Не зная, что таится за этими покровами, я беззаботной рукой срывал их один за другим и вот увидел, что внешность – тлен и мишура, что всё – гниль и прах... И к кому прибегну я в своём горе, кто утешит меня? Над королём только Бог! Что же, так пусть он призовёт меня к себе...

– О мой король! – с непритворным отчаяньем воскликнул Суврэ, кидаясь на колени перед кушеткой и простирая

---

<sup>15</sup> «Раз я вновь обретаю столь верного друга, то моя судьба отныне примет благоприятный оборот!» («Андромаха», трагедия Расина).

к королю обе руки. – Разве это возможно? О, нет, нет! Это – случайное настроение... Боже мой, чего бы я не сделал, чтобы рассеять вашу тоску! Но я верю, это пройдет! Бог не допустит!

– Я знаю, что ты любишь меня, – сказал Людовик, ласково положив руку на голову маркиза. – Знаю и то, что ты отдал бы жизнь за одну минуту моей радости...

– О, с восторгом!

– Но и любовь бывает бессильной там, где неизбежность захватывает душу своими железными тисками. Оглянись вместе со мной на мою жизнь. Что я имею, чего мне ждать, на что я могу рассчитывать?

– Ваше величество! Вы забыли Францию, нашу прекрасную, великую Францию. Как счастлива была бы она, если бы ваше величество собственноручно взяли за кормило власти и направили страну к новому блеску и славе!

– Э, милый мой! Франция отлично обходится и без меня! Да и молод я слишком, чтобы оспаривать это кормило у опытных рук кардинала Флери...

– Нет, возлюбленный король мой, что касается молодости, то недаром поэт говорит:

*Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes beun nees,  
La valeur n'attend pas le nombre des années!*<sup>16</sup>

---

<sup>16</sup> Я молод, это правда, но у благородных душ доблесть не выжидает ряда прожитых лет! («Сид», трагедия Корнеля).

Что же касается до «опытности» первого министра вашего величества, то...

– Полно, Суврэ, ты просто не любишь кардинала!

– Но при чём же здесь моя любовь или нелюбовь, государь? «J'appelle un chat un chat et Rollet un fripon!»<sup>17</sup>

– Оставим это, Суврэ!

– Хорошо, ваше величество, пусть не настало ещё время великому королю теснее сойтись с великой страной! Но разве как человек мой король не может быть счастлив?

– Где же счастье в этой мишуре, Суврэ?

– Ваше величество, посмотрите туда, в парк! Что шепчут деревья, тянущиеся к нам своими осыпанными юной зеленью ветвями? О чём мечтают стыдливые венчики весенних цветков? О чём чирикают птички, весело собирающие прутики и пушок? Какие грёзы навевают нам нежные лучи задумчивой луны? И какое великое, издавна священное слово звучит призывом в ночном гимне певца соловья? Любовь – вот то, чем одухотворён весь весенний трепет пробуждающейся природы! Любовь – вот то, что может наполнить всю жизнь без остатка!

– Любовь! – король повторил это слово с оттенком грустного презрения. – Когда я был ещё мальчуганом, Суврэ, мне

---

<sup>17</sup> «Я называю кошку – кошкой, а Роллэ – мошенником!», то есть я называю вещи своими именами. (Строка из сатиры Буало. Роллэ был прокурором XVII столетия, известным своей скупостью и продажностью.)

тоже казалось, что любовь – самый прекрасный, таинственный, заманчивый дар жизни. Если бы не моя робость, то я, казалось, обнял бы всех тех изящных, обольстительных красавиц, которые воздушным роем витали при дворе регента, я зацеловал бы всех их до смерти... Боже мой! Сколько бессонных ночей провёл я, проклиная свою застенчивость!..

И вот, как сейчас помню, меня обвенчали с дочерью сверженного польского короля. Я обратил на Марию всю свою страсть, я сосредоточил на ней одной все свои грёзы, в ней я целовал всех женщин, которых до того целовал мысленно. Но королева отвечала на мою любовь только покорностью, только одним сухим подчинением своей обязанности. Настал момент, когда она стала уклоняться даже и от этого. И вот, когда я сблизился с де Майльи... Я очень любил её, да, если хочешь, люблю и теперь. Она верна, преданна, бескорытна, весела. Но она очень уж ограничена, уж очень заземлена. С ней можно забыться только в животных восторгах, но не умчишься ввысь, не унесёшься к горным высотам. Я стал скучать с ней... В попытках развлечься я снизошёл до многих других женщин. Каждый раз это было только мимолётным эпизодом, и каждый раз в душе оставался налёт горечи. Теперь эта горечь переполнила душу и задавила её своим невыносимым гнётом... Суврэ! Ты, он, другой, третий, любой из моих подданных можете быть счастливы в любви, но я – нет! Ведь я – король! Меня не любят – мне подчиняются. Я могу быть красивым, как Адонис, могу быть урод-

ливым, как Вулкан. Могу быть сильным, как Геркулес, или расслабленным, как нищий Силоамской купели – всё равно, женщины будут одинаково отдаваться мне, потому что я – король! Но, отдаваясь мне, они в то же время немедленно требуют уплаты по счёту своей нежности. Ведь я – король, можно ли любить меня даром? А! Ты опустил голову, Суврэ, ты задумался? Ты сам видишь теперь, что я прав и что мне нет счастья ни в чём!

– Нет, государь, вы не так объяснили причину моей задумчивости! Я поник головой в сознании того, что мы, то есть все те, которых ваше величество почтили высоким саном своих друзей, не исполнили в полной мере обязанностей дружбы. Как? Наш возлюбленный король задыхается в лабиринте жизни – и никто из нас не подскажет ему выхода!

– Но разве есть выход, Суврэ?

– Да, конечно, есть, ваше величество! Вы страдаете от того, что вы всегда – слишком король? Но почему же в таком случае вашему величеству иногда не пожить жизнью простого буржуа? Вы мучаетесь тем, что вас любят только ради вашего сана, что придворные дамы слишком испорчены для бескорыстной любви? Но почему же в таком случае не попытаться обратить свои взоры на другие слои общества?

Король приподнялся, его глаза оживились и засверкали.

– Объяснись, Суврэ! Ты говоришь загадками! – сказал он.

– Ваше величество, я тоже страдаю от неудовлетворённой любви, я тоже по временам жестоко клянусь безжалостного

божка Амура. И вот, когда я возвращался сюда из Пармы, на одной из остановок я увидел, как на лужайке перед моими окнами крестьянские парни и девки танцевали бранль.<sup>18</sup> Взявшись за руки, они весело кружились, напевая:

*J'ai vu des dames d'un haut rang,  
Ce n'est rien pres de Silvie —  
En corset rouge, en jupon blanc,  
Ah, grand Dieux, qu'elle est jolie!*<sup>19</sup>

Я задумчиво смотрел на одну из них и любовался её красотой, грацией, стройностью. Я думал, как счастлив должен быть её возлюбленный; ведь действительно наши дамы «высшего круга – ничто рядом с нею». И уж наверное она не станет мучить его так, как красавица нашего круга мучает несчастного, рискнувшего полюбить её. Вот один из парней воспользовался удобным моментом и расцеловал свою даму. Она смеялась, отбивалась, но – Боже мой! – сколько чистосердечности было в её смехе! И я думал: вот бы хорошо поселиться в такой деревушке под видом простого человека, полюбить и быть любимым простушкой Сильвией!..

Король перебил его весёлым смехом:

– Нет, ты – ужасный чудак, Суврэ! Уж не собираешься ли ты посоветовать мне отказаться от короны и поселиться в

---

<sup>18</sup> Бранль – старинный хороводный танец с пением.

<sup>19</sup> Я видал дам высшего круга, они – ничто рядом с Сильвией; Великий Боже, как она очаровательна в красном корсаже и белой юбочке!

деревне, чтобы гоняться там за провинциальными красотками в красных корсажах и белых юбках?

– Боже упаси меня от этого, государь! Зачем отказываться от великого ради малого, когда можно совместить и то, и другое?

– Но как же?

– Известно ли вам, государь, что теперь благодаря изобретению какого-то учёного монаха театральный зал Пале-Рояля по желанию легко превращают в бальный? Этим пользуются, чтобы устраивать там публичные балы и маскарады. Ведь теперь карнавал, государь! На эти балы собирается весь цвет женского населения Парижа. Модисточки, гризетки, лавочницы, дочери купцов и чиновников, даже маркизы и графини инкогнито, – все спешат туда, чтобы широко использовать царящую там свободу нравов. Маски свободно заговаривают друг с другом, нет ни рангов, ни чинов, ни титулов; только один божок Амур всесильно царит там, и хотя ему приходится брать с собою удесятерённый запас стрел, но ни одна из них не остаётся у него не использованной. Весна празднует там свой праздничный пир. Всё, что молодо, красиво, что хочет любить и быть любимым, соединяется в общем жертвоприношении на алтаре богине Венере. Там «chaque chasum trouve sa chasune!»<sup>20</sup>

– И ты думаешь...

– И я думаю, что если сегодня вечером там появятся два

---

<sup>20</sup> «Каждый всякий обретает свою всякую!»

молодых человека в полумасках, то никому и в голову не придёт, что под одной из них скрывается его величество король Франции, а под другой – его верный раб, маркиз де Суврэ. Таким образом, если какая-нибудь красотка, обратившая на себя внимание его величества, выкажет склонность увенчать зажжённое ею пламя, то ваше величество сможет быть спокойным, что её толкнёт на это не блеск королевского венца, а личное обаяние вашего величества!

Людовик вскочил с кушетки и со сверкающим радостью взором крикнул маркизу:

– Суврэ! Ты незаменим! Ты – мой истинный друг! Надо быть тобой, чтобы придумать такую прелесть! – Король даже захлопал в ладоши от восторга. – Нет, ты подумай сам, как это будет чудесно! Провести часок-другой инкогнито, быть самым заурядным участником общего веселья, пленить какую-нибудь красоточку, которая подарит свою любовь, как она думает, купчику или мелкому дворянину, а затем широко раскроет глаза, когда узнает, кто её милый! Какая поэма восторгов, самых разнообразных, тонких ощущений открывается тут! Суврэ! Ты – гений! Можешь поцеловать мою руку!

Суврэ благоговейно приник к руке Людовика и сказал:

– Я счастлив, государь, что моя бесконечная любовь и преданность вашему величеству подсказали мне удачную мысль. Ведь у всех придворных сердце кровью истекает при виде страданий возлюбленного короля!

– Бедная де Майльи! – с участием сказал король. – Воображаю, как она исстрадалась в это время! Сколько времени уже мы не виделись! Вот что, Суврэ, ступай к ней сейчас, поднеси ей привезённую тобой собачку и передай, что я через несколько минут буду у неё. А оттуда мы с тобой отправимся в Париж!

– Слушаю и иду, государь, – ответил Суврэ.

Взяв собаку, он почтительно попятился к двери.

### III У ДЕ МАЙЛЬИ

Суврэ застал графиню де Майльи в полном упадке духа. Эта рослая, полная, страстная брюнетка искренне, бескорыстно любила короля, и отчуждение, которому она подвергалась в период долгой тоски Людовика, приводило её в совершеннейшее отчаяние. Она не могла понять, что значит эта внезапная холодность. До самого последнего дня Луиза была всё так же нежна, так же покорна, с той же преданностью шла навстречу малейшим желаниям своего царственного возлюбленного, как и раньше, и вдруг эта непонятная холодность! Графиня наводила справки, будучи уверена, что тут замешалась какая-то новая серьёзная привязанность. И прежде бывало не в редкость, что Людовик на краткий миг увлекался кем-нибудь из придворных дам, и тогда два-три дня Луиза де Майльи бывала в забвении. Но мимолётное

увлечение быстро проходило, и Людовик с удвоенной нежностью возвращался к своей единственной доселе истинной любви.

Не то было теперь. К своему удивлению, графиня каждый раз получала всё тот же ответ, что его величество не выходит из апартаментов, что никто из дам ни явно, ни тайно не проходил туда, что он отменил на это время все и малые и большие приёмы и что даже его ближайшие друзья не решаются нарушить уединение заскучавшего короля. Тут уж графиня ровно ничего не могла понять. Король даже не предпочёл её другой, а просто бросил, как бросают надоевшее жабо или воротник. А ведь она так любила его!

И несчастная проводила дни и ночи в бесконечных слезах. Напрасно её сестра, молоденькая, только что вышедшая из монастырской школы Полина де Нейль, старалась развлечь и утешить её: Луиза ничего не слушала и только плакала, плакала и плакала.

Суврэ застал трогательную картину: старшая сестра лежала с распущенными волосами на кушетке в будуаре, а младшая меняла ей компрессы на голове.

Но, увидев вошедшего маркиза и узнав от него, что король шлёт ей собачку и приказал предупредить о своём приходе, Луиза сейчас же вскочила с кушетки и сорвала с головы повязку. Слезы сразу высохли на её засверкавших восторгом глазах, а бледные щёки заалели ярким румянцем.

– Суврэ! – вскрикнула она. – Я зацеловала бы вас до смер-

ти от радости, если бы у меня была хоть минута времени. Но его величество сейчас будет здесь, и мне надо привести себя в порядок. Ступайте же в гостиную, дети мои, и подождите меня там! Ах, Суврэ, Суврэ! Сколько радости принесли вы мне. Такая очаровательная собачка! Где вы достали её? Ну да вы мне потом всё расскажете. Идите, идите! И его величество сейчас будет здесь? Уж не сплю ли я? Вы – прелесть, маркиз! Но ступайте же поскорее! Полина! – обратилась она к сестре своим низким, грубоватым голосом, – да уведи же ты его, Бога ради! Скажи ему, что тебе нужно передать ему кое-что от Жанны, и он с радостью побежит за тобой куда угодно!

Она со смехом вытолкала молодых людей из будуара.

– Вы только сегодня приехали, Анри? – спросила молодая девушка, усаживая маркиза в кресло около причудливого столика из чёрного дерева, инкрустированного перламутром и цветным деревом.

Они были дружны с детства и потому называли друг друга просто Анри и Полетт.

– Да, Полетт, я только из Пармы, куда ездил доставать собачку для вашей сестры.

– Значит, вы ещё не видели Жанны?

– Нет! А что? Разве вы действительно желаете что-нибудь передать мне?

– Нет, Анри, Луиза просто пошутила.

– Жестокая шутка! Ну да счастливые люди всегда жесто-

ки; когда они сами счастливы, они смеются над несчастьем других. Да и я-то хорош! Мог вообразить себе, что у бездушной, холодной, высокомерной Жанны Очкасовой найдётся хоть словечко для меня!

– Полно, Анри, как вам не стыдно! Вы несправедливы к ней! Вы же знаете, что Жанна не бездушна и не высокомерна. Она просто глубоко несчастна. Ведь вы же знакомы с трагической историей её прошлого!

– Вот именно, – взволнованно подхватил маркиз, – именно потому, что я знаю, насколько она несчастна, я и называю её бездушной. Я понимаю, когда счастливые могут быть жестокими, но чтобы несчастный мог так мучить... И если бы она ещё любила кого-нибудь, я мог бы понять и отстраниться бы. Но она никого не любит, кроме самой себя и своей мести!

– Нет, она не любит никого, кроме вас, Анри!

– Меня? – маркиз горько рассмеялся. – Милая моя девочка, вы, очевидно, не знаете, что такое любовь, или имеете о ней превратное понятие!

– Я уже не раз говорила вам, Анри, что Жанна не считает себя вправе отдаваться личному счастью, пока не исполнено то, что она считает долгом перед честью своего рода и перед своей родиной! Мало того, как бы она ни любила человека, но раз этот человек не идёт рука об руку с ней в её жизненных целях, она не может соединить свою судьбу с его судьбой. Жанна не похожа на большинство женщин. В ней бездна мягкости, нежности, сердечности, но там, где дело каса-

ется её алтаря, она твёрже металла... Вы упрекаете Жанну в жестокости, но и она может упрекнуть вас в недостатке любви... Разве любовь заключается в одних словах и простых уверениях? Вы знаете цель её жизни. Что же вы сделали для того, чтобы помочь ей приблизиться к этой цели?

– Но что же я могу сделать?

– Многое, Анри. Например, согласиться на мою давнишнюю просьбу!

– Полетт, Полетт! Как вы можете требовать от меня, чтобы я...

– Милый мой, не повторяйте в тысячный раз старых фраз, а лучше лишний раз вдумайтесь в мои доводы. Не говорили ли вы сами, что Луиза – неподходящий человек для короля, что она не способна вести его к высоким целям? Не говорили ли вы, что Франция гибнет из-за того, что король отстраняется от правления, а Флери в иностранной политике возмутительно игнорирует наши интересы? Не говорили ли вы, что удивляетесь моей твёрдости, патриотизму, широте моих взглядов? Так сопоставьте всё это и скажите, не совершаете ли вы из излишней щепетильности греха против Франции и своего короля? Да и чего я в сущности прошу у вас! Пустяка, самой маленькой помощи!

– Но помилуйте, Полетт, король никогда не полюбит вас! Правда, вы умны, начитанны, имеете больше государственных способностей, чем любой наш министр, но... простите меня!.. Вы некрасивы, Полетт, а короля болезненно оттал-

кивает недостаток красоты в женщине!

– На это я отвечу вам, друг мой, вот что. Во-первых, если вы действительно так уж некрасива...

– Не для меня Полетт, не для меня, но...

– Без фраз и комплиментов, Анри, ведь я сама отдаю себе должную цену! Итак, раз я так некрасива, то ваша помощь окажется бесполезной, а следовательно, ваша щепетильность не пострадает. Вы уверены, что мне не удастся обратить на себя внимание короля? Отлично! Так чем же вы рискуете? Луизе вы не повредите, а во мне приобретёте надёжную союзницу! А во-вторых, скажу вам, Анри, что хоть вы и старше меня, но, должно быть, женщина всегда старше мужчины, потому что даже при всей своей неопытности я больше знаю жизнь, чем вы, опытный мужчина. Умная женщина при благоприятных обстоятельствах всегда сумеет заслонить красивую!

– Хорошо, допустим. Но какое же отношение это может иметь к моей любви к Жанне?

– А вот какое. Вы знаете, что я – ревностная поклонница планов Жанны, а, следовательно, став близкой королю, употреблю всё своё влияние на то, чтобы заставить его вмешаться в русские дела. Раз вы поможете мне в этом, значит, моей помощью Жанна будет обязана вам. Кроме того, вы со своей манерой вечно шутить и ронять якобы ничего незначачие словечки можете оказывать на короля большое влияние, а нам это будет очень важно, принимая во внимание противо-

действие, которое непременно начнёт оказывать Флери. Таким образом, вы станете нашим, и у Жанны не будет ни малейших оснований противиться вашей любви.

Суврэ встал и взволнованно прошёлся несколько раз по комнате. Полина внимательно следила за ним, и на её губах слегка дрожала усмешка.

– Полетт! – сказал наконец маркиз, останавливаясь перед молодой девушкой. – Можете ли вы поклясться мне, что Жанна будет моей, если я исполню вашу просьбу?

– Нет, Анри, – твёрдо ответила Полина, – но зато я могу поклясться вам, что Жанна никогда не будет вашей, если вы не исполните моей просьбы!

– А, раньше вы говорили другое!

– Что же я говорила? Я говорила только, что если Жанна любит кого-нибудь, так именно вас. Я говорила затем, что Жанна устраняет из своей жизни всё, что мешает её цели. Но раз вы будете работать на осуществление её планов, то этот мотив отпадает. Но как же я могу поклясться за свершение судьбы, нити которой держит в руках только Всевышний?

– Хорошо, Полетт! Но можете ли вы поклясться мне, что будете моей верной союзницей и сделаете всё, чтобы помочь мне растопить холодное сердце Жанны?

– Да, Анри, в этом я могу поклясться вам!

– Ну так слушайте! Сейчас сюда прибудет король, а потом мы с ним, переодевшись в простое скромное платье и надев полумаски, отправимся в маскарад Пале-Рояля. Будьте и вы

там, заинтригуйте короля. Вы хорошо сложены, остроумны, задорны – для женщины в маске это всё!

– Благодарю вас, Анри! – с восторгом воскликнула Полина, протягивая ему обе руки. – Я никогда не забуду этого вам. Спасибо! Спасибо!

– Горькая моя судьба! – с грустной улыбкой ответил маркиз, пожимая руки Полины. – Все меня сегодня благодарят, всем я несую радость и только самому себе не могу доставить её!

– Э! Я, кажется, застаю нежную сцену! – раздался сзади них низкий голос графини де Майльи, которая успела привести себя в порядок. – А что скажет Жанна? Смотрите, маркиз, я насплетничаю ей, как вы втихомолку ухаживаете за её лучшей подругой!

– Ты не успеешь, Луиза, – весело ответила Полина, – не успеешь потому, что я увижу Жанну раньше тебя. Маркиз уже побывал у неё сегодня и сообщил мне, что Жанна прихворнула. Я собираюсь навестить её сегодня же.

– Но ты не успеешь вернуться до наступления ночи, Полина!

– А что заставляет меня торопиться с возвращением? Ведь я могу переночевать у неё!

– Ну что же, только поезжай сейчас же, а то стемнеет...

Она не успела договорить, как дверь распахнулась и ливрейный лакей провозгласил:

– Его величество король!

Полина хотела бежать, но король уже входил в гостиную.

– О, ваше величество! – воскликнула де Майльи, от волнения и радости будучи не в силах двинуться с места, – Как я счастлива видеть вас!

– Здравствуйте, графиня, здравствуйте! – ласково ответил Людовик. – Мы и в самом деле давно не виделись. Но я был не совсем здоров, и только мой милый Суврэ сумел вылечить своего короля. А это что за юное создание? – спросил он, указывая на Полину.

– Это – моя сестра, ваше величество. Полина Фелиция де Нейль. Она была до сих пор в монастыре, где ужасно скучала и всё просилась ко мне. Вот я и взяла её. Она была мне большим подспорьем и утешением в эти дни скорби!

– Очень рад видеть вас, мадемуазель де Нейль, – милостиво сказал король, разглядывая потупившуюся Полину, что было ему не так легко, потому что она стояла спиной к окну. – Род де Нейлей известен своей преданностью нашему дому, и каждый член этого рода может рассчитывать на нашу милость. Ещё раз очень рад познакомиться с сестрой моей милой де Майльи. А теперь ступайте, дитя моё!

Повинуясь знаку руки короля, Полина и де Суврэ попятились к двери.

– Нам ещё нужно условиться кое о чём! – шепнула Полина маркизу.

Когда дверь за ними закрылась, Людовик протянул руки к де Майльи.

– О, божество моё! – стоном вырвалось у графини, и она бросилась к ногам короля, страстно обнимая его колени. – Как я измучилась в это время!

– Ты – славная женщина, Луиза, – ласково ответил Людовик, поглаживая её по голове, – и я очень люблю тебя! Я сам пережил очень тяжёлое время... точно солнце померкло и весь цвет жизни увял – так казалось мне... Но, слава Богу, это прошло. Встань, Луиза, и вели подать моего любимого вина! Выпьем за то, чтобы демон уныния никогда больше не подступал ко мне!

## IV КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Бал в Пале-Рояле был в полном разгаре, а у кассы всё ещё толпилась масса разного народа, спешившего принять участие в общем веселье. Вид толпы был самый разнообразный. Кто был в маскарадном костюме и в маске; кто в маске, но в обычном платье; кто в маскарадном платье, но без маски. И вид людей в «обыкновенном» платье был тоже очень разнообразен. Одни были одеты с большой роскошью, Другие – чрезвычайно скромно, почти бедно. Но всякий наблюдательный человек не затруднился бы сразу определить, что под самой скромной, бедной одеждой скрывались именно самые богатые и знатные.

Здесь был маскарад скорее духа, чем платья: разбогатев-

ший мещанин мечтал, что его примут за маркиза, пэр Франции надевал платье своего лакея в надежде, что ему удастся вкусить прелести лакейских развлечений. Маркиза, отчаявшаяся обрести истинную страсть среди истощённых, измотавшихся мужчин своего круга, надевала платье гризетки, рассчитывая пленить какого-нибудь мощного блузника. А мелкая кокетка брала на подержание кучу драгоценностей, надеясь пожить за счёт богатого мещанина, долженствующего принять её за маркизу и готового кинуть любой куш за кусочек «господского мяса». И всё это шумело, смеялось, острило, как только умеет смеяться и остричь парижская толпа.

Несколько в стороне от теснившейся к кассе толпы стояло двое мужчин, очевидно не желавших лезть в эту сумятицу. Одеты они были одинаково, с изящной, почти бедной простотой. Их лица были закрыты полумасками, но фигура, грация и гибкость движений, мягкий овал и нежность открытой нижней части лица позволяли угадывать, что оба они молоды и, вероятно, хороши собой. Несмотря на одинаковые костюмы, их трудно было спутать друг с другом. Один – тот, который был тоньше и выше, – осматривал толпу спокойным, насмешливым взглядом. Наоборот, взоры другого, более коренастого, с каким-то наивным удивлением и восторгом блуждали по сторонам. Первый был изящнее и юрче, второй мешковатее, но величественнее в движениях.

Заметив, что толпа у кассы несколько поредела, высокий

сказал своему спутнику:

– Ну-с, а теперь можно взять билеты, да и туда!

Он махнул рукой в сторону зала, откуда неслись задорные звуки музыки, и достал из кармана кошелёк.

Но спутник поспешно остановил его и шепнул:

– Постой, Суврэ, дай мне самому взять билеты! Должно быть, так интересно давать деньги и получать сдачу!

– Отлично, ваше величество. Но только вы забыли, что для вашего сохранения инкогнито вы должны были звать меня просто Анри!

– Но ведь и ты, Анри, забыл, что должен звать меня просто Луи! – ответил король, и они оба весело рассмеялись.

Билеты были взяты, и король с маркизом прошли в зал.

Оркестр, состоявший из двадцати четырёх скрипок, шести гобоев и шести флейт, встретил их появление сочным заключительным аккордом менуэта, после чего настал перерыв, и вся пёстрая толпа танцующих двинулась парами и в одиночку по галерее, отделявшейся от зала величественной колоннадой. Людовик прижался вместе со своим спутником к выступу противоположной стены и принялся жадными глазами смотреть на проходивших мимо него мужчин и женщин.

Как не похожа была эта весёлая непринуждённость на версальские балы и маскарады, где ни в чём не было приятной середины! Сначала – беспросветная скука и манерное жеманство, потом – циничная распущенность. Здесь же не бы-

ло ни того, ни другого. Люди искренне веселились, без жеманства пользуясь правами свободных нравов карнавала, хотя отнюдь не злоупотребляли ими.

Вот идёт молоденькая девушка в костюме Весны. Как прост, безыскусен и изящен её наряд! Это скромное платье из дешёвенькой материи, сплошь усеянное букетиками живых цветов – и только. Но что может сравниться с прелестью этого скромного убранства? Разве только она сама, эта сияющая весной шестнадцатилетняя дочь парижских улиц. Каким упоением радости, каким хмелем юности дышит взгляд её ласковых, бойких серых глаз. Розовый пухленький ротик полуоткрыт, и – Боже мой! – сколько восторгов обещает он тому, кто сумеет пробудить его к истинной страсти пламенным поцелуем!

Молоденькую Весну заметил дюжий мужчина в костюме мушкетёра Людовика XIII. На нём широкая шляпа с пышным пером, чёрные кудри с заметной проседью падают на большой кружевной воротник, тучный стан охватывает богатая перевязь, толстые, тумбообразные ноги полускрыты громадными сапогами с широкими отворотами. Его незамаскированное лицо некрасиво, но полно важности и достоинства. Мушкетёр плотоядным взором впивается в Весну и затем, сорвавшись с места, подбегает к ней, покачиваясь на ходу, и говорит что-то, подавая руку. Весна сморщивает остренький носик и задорно отвечает что-то, от чего хохочут все близстоящие. Смеётся и мушкетёр. Но бойкий ответ гризетки не

сбивает его с позиции. Он хватает её руку и подсовывает под свою. Весна побеждена. Счастливая, смеющаяся, она прижимается к своему полновесному кавалеру, который с изящной грацией ведёт её прочь, умело лавируя среди густой толпы.

– Да здравствует Венера и её проказливый сынок Амур! – насмешливо крикнул им вдогонку Суврэ. – Девчонка сразу удачно начала свою карьеру: она попала на богатого и солидного кавалера!

– Ты его знаешь, Анри? – спросил король. – Скажи, это, наверное, кто-нибудь из провинциальных дворян? Он не из здешних, потому что иначе я знал бы его. Но вся его фигура полна такого достоинства, что сразу можно сказать: вот человек, занимающий высокое положение на общественной лестнице!

– О, да! – ответил Суврэ. – Это действительно человек, занимающий очень высокое положение. Ведь это – Кармежу, камердинер, заведующий гардеробом герцога Ришелье!

Оба весело рассмеялись.

– Ба, а это что за прелестное создание? – шепнул король, указывая кивком головы на высокую, дивно сложенную Диану, в белокурых волосах которой сверкал полумесяц из настоящих бриллиантов. – Если бы я не боялся, что опять попаду впросак, то сказал бы, что это какая-нибудь иноземная принцесса или по крайней мере герцогиня!

– Это действительно принцесса и герцогиня: принцесса кабаков и герцогиня разврата, ненасытная Лилетт д'Аржилль,

прозванная «пожирательницей миллионов». Прежде, когда она была молода и красива, она разорила не одного молодчика времён регентства.

– Как «когда она была молода и красива»! – воскликнул король. – Но ведь она и теперь прелестна!

– Это потому, что

*Elle eut soin de peindre et d'orner son visage  
Pour reparer des ans l'irreparable outrage.<sup>21</sup>*

– Но ты говоришь, что её расцвет был во времена регентства? – не переставал удивляться король. – Сколько же ей лет?

– Ей... не помню точно: что-то сорок шесть или сорок восемь!

– Но это совершенно невозможно! – вне себя от удивления заметил король, с любопытством всматриваясь в подхваченную Лилетт.

– «Le vrai peut quelquefois n'etre pas vraisemblable!»<sup>22</sup> – сентенциозно ответил Суврэ строкой из «Искусства поэтики» Буало.

Тем временем «пожирательница миллионов», заметив обращённый на неё взор короля, направилась прямо к нему.

---

<sup>21</sup> «Она заботливо намазала и приукрасила своё лицо, чтобы загладить неисправимые повреждения, нанесённые временем» («Аталиа», трагедия Расина).

<sup>22</sup> «Иногда и истина может быть неправдоподобной».

Она была достаточно опытна для того, чтобы не считаться с наружной скромностью наряда на общественных балах, да и инстинкт, столь необходимый для успешной охоты всякого рода, безошибочно подсказывал ей, что перед нею чувственный, застенчивый и богатый дворянин, которого легко и выгодно увлечь.

– Мой добрый господин, – сказала она, грациозно склоняясь в глубоком реверансе, причём низко вырезанный корсаж позволил ей явить взорам обоих мужчин её на диво сохранившиеся формы, – разве можно стоять так одиноко, так задумчиво на празднике весны и любовного опьянения? Даже я, строгая и неприступная Диана, и то вышла из обычного холодного оцепенения и брожу здесь, среди смертных, в жажде восторгов любви, в жажде нежного шёпота страсти... О, дайте же мне свою руку, добрый господин! Сквозь щели полумаски ваши глаза заронили убийственный пожар в моё сердце, и как жестоко будет с вашей стороны не исправить причинённого вами бедствия. Так дайте же руку! Умчите меня в опьяняющем танце, а потом... Много даров хранит неизвестность в лоне будущего! Потом и я умчу вас в танце, в танце любви, в танце восторгов страсти. Не отвергай, о смертный, даров небожительницы!

Она взяла короля за руку и с ласковой настойчивостью тащила за собой.

Людовик с отчаянием обернулся к маркизу. Суврэ поспешил к нему на помощь.

– Прелестная Лилетт д'Аржиль. – начал он, учтиво поклонившись ей.

– Как, вы меня знаете? – улыбаясь, спросила устаревшая красавица.

– Да, – не смущаясь, ответил Суврэ, – я очень много слышал о вас от своего дедушки. Поэтому-то я и спешу избавить вас от лишнего разочарования. Какой прок для маститой «пожирательницы миллионов» в двух бедных юристах, тщетно дожидаящихся практики? Мы бедны, красавица, этим всё сказано!

Лилетт мягко улыбнулась, еле заметно повела плечом и, не говоря более ни слова, пошла дальше. Но последние слова Суврэ услышала толстая, заплывшая жиром дама, в которой, несмотря на слой белил и румян, покрывавших лицо и шею, и полумаску, легко было угадать более чем немолодую женщину.

– Вы бедны, милые юноши? – сказала она им, почти вплотную прижимаясь к ним своим массивным телом. – Но даже если бы вы были богаты, разве в вашем возрасте, с вашей фигурой, с нежностью вашей розовой кожи платят женщинам? Да женщины должны почитать за особое счастье, если вы позволите им платить за свою ласку! Вы бедны, сказали вы? Ну что же! Зато я богата, да-да, и не только богата, а и щедра. Я умею ценить молодость и силу, и если бы вы оба отправились сейчас со мной, то не раскаялись бы! О, не бойтесь, вам не придётся ревновать друг друга. Моя страсть

велика, её хватит на вас обоих! Так едемте же!

Всё время, пока она говорила, Суврэ напряжённо прислушивался к звуку её голоса, стараясь в то же время заглянуть под маску. Тонкая улыбка, заставившая еле заметно дрогнуть уголки его губ, показала наконец, что он разгадал инкогнито дамы.

Она же продолжала:

– Вы колеблетесь? Не решаетесь? Может быть, вы не верите мне? Но тогда давайте покончим деловую часть вопроса тут же! Хотите задаток? Я могу сейчас же вручить его вам! Говорите, сколько?

– Сударыня, – с утрированно-вежливым поклоном ответил Суврэ, – мы, правда, не так богаты, чтобы оплачивать ласки «пожирательницы миллионов», но мы и не так бедны, чтобы опускаться до степени утешителей устаревших прелестей пламенной маркизы де Бледекур!

– Нахал! – визгливо крикнула взбешённая маркиза, поднимая руку для удара.

Но она тут же опомнилась и поспешила, переваливаясь на ходу, словно утка, замешаться в толпу, которая весёлым потоком ринулась в зал, слышав призывавший к танцам ритурнель.

– Ха-ха-ха! – послышался сзади весёлый, звонкий девичий смех. – Вот что значит, когда я близко! Вам везёт, господа, ужасно везёт! Ха-ха-ха!

Король и маркиз удивлённо обернулись и увидели выныр-

нувшую из-за выступа женщину, видимо уже давно незаметно стоявшую около них. Эта женщина была одета богиней счастья, Фортуной. Пышные волосы были связаны греческим узлом и поддерживались широким золотым обручем. Под широкой кисейной хламидой виднелось розовое трико, плотно облежавшее упругую фигуру богини и дававшее иллюзию обнажённости. Открытые сандалии позволяли видеть крошечную ножку, руки были совершенно обнажены и чаровали красотой очертаний, равно как и полные белые плечи. Лицо, закрытое полумаской, должно было быть благородным и красивым, – так, по крайней мере, намекали линии рта и подбородка.

При первом звуке её голоса Суврэ вздрогнул и изумлённо уставился на Фортуну. По голосу это была Полетт де Нейль – ведь он с детства знал её и не мог ошибиться! Но по внешнему виду... Боже мой, ну ни малейшего сходства! Полетт – серенькая, некрасивая монастырка, а это – вакханка в пышном расцвете, ослепительная красавица! И всё-таки это – она: её голос, её продолговатая родинка на шее, её неправильность в расположении двух передних зубов. Но каким же чудом, о Господи!..

Суврэ всматривался, анализировал и думал:

«Это – Полетт, сомнений нет. Что же делает её красавицей, или вернее, – что делает её некрасивой в жизни? Очевидно, то, что в жизни открыто, а здесь закрыто, и наоборот. Её лицо портит некрасивый, приплюснутый нос. Но раз он

закрыт, её лицо дышит свежестью, нежностью тона. Нос закрыт и не отвлекает своим уродством от прелести очертаний лба, рта и подбородка. Кроме того, истинной красотой Полетт является то, что до сих пор было неизменно скрыто её скромным, мешковатым платьем монастырки. У неё дивное тело, которое способно будет пленить короля и заслонить перед ним недостатки лица. Если она поведёт своё дело умно, её ставка выиграна, и я – просто осёл, что сомневался в её силах!»

Тем временем король, становившийся всё смелее и развязнее в этой опьяняющей своей непринуждённостью атмосфере, обратился к появившейся перед ним смеющейся женщине с вопросом:

– Но кто же ты, прелестная, раз одна твоя близость уже несёт с собой удачу?

– Кто я? – с комическим удивлением переспросила девушка. – И ты ещё спрашиваешь? О, бедный юрист с кольцом в несколько сот луидоров на пальце! – при этих словах король и Суврэ досадливо отдернули вниз руки, вспомнив, что они действительно забыли снять кольца. – Так ты не только беден, но и слеп, потому что не видишь, что перед тобой сама Фортуна! Впрочем, люди всегда слепы перед своим счастьем!

– Но если ты действительно можешь стать моим счастьем, то я готов прозреть! – пылко произнёс Людовик.

– Ты «готов»? – насмешливо повторила Полетт. – Одна-

ко для бедного юриста ты необыкновенно повелителен! Он готов! А готово ли его счастье стать таковым, это его не интересует! Но я сегодня очень добра, а потому, так и быть, опрокину на твою голову свой рог изобилия!

– Нет, нет, погоди! – с комическим испугом остановил её Суврэ. – Сначала дай слово, что в этом «изобилии» нет изобилия старой гвардии, подобной той, которую, как ты говоришь, на нас наслало твоё присутствие! Натиск двух старух мы кое-как перенесли, но если их окажется целый легион...

– Увы! – ответила Полетт, опрокидывая свой рог над головой короля. – У меня не только старух, а ровно ничего не оказалось! Рог изобилия пуст! Долой его! – и она грациозным движением откинула в сторону картонный рог.

– Ты сама – изобилие любви! – воскликнул Людовик. – Иди ко мне, дай мне обвить твой стан и умчать тебя в вихре плавной куранты.<sup>23</sup>

– Не так скоро, бедный юрист, не так скоро! – ответила Фортуна, кокетливо грозя пальцем. – Это ещё надо заслужить!

– Вот как? А я слышал, что счастье надо брать силой! – и, сказав это, Людовик с протянутыми объятиями кинулся к «богине счастья».

Но Полетт ловко вывернулась из его рук, сделала на ходу насмешливый реверанс и исчезла, замешавшись в сновав-

---

<sup>23</sup> Старинный танец.

шую толпу.

– Чёрт, а не женщина! – с досадой произнёс Людовик.

– Да, Луи, только здесь и можно встретить нечто подобное, – ответил Суврэ, всё ещё не пришедший в себя от изумления при виде неожиданного превращения скромной Полетт в эту бойкую, задорную красавицу.

– А всё-таки пойдём поищем её, – сказал Людовик.

Они двинулись по галерее. Куранта кончилась, и им снова пришлось встретиться с целым потоком толпы. Женщины, разгорячённые танцами, кидали им манящие улыбки, заговаривали, а иные даже бесцеремонно хватали за руку. Но король брезгливо отстранял от себя назойливых. Он был полонён капризной, грациозной фигуркой Фортуны и хотел, искал, жаждал только её одной.

Но они обошли всю галерею, побродили по залу, а Фортуны не было нигде. Король начинал приходить в явно дурное расположение духа. Суврэ искоса наблюдал за ним.

«Маленькая чертовка здорово задела ваше августейшее сердце! – думал он. – Молодец девчонка!»

Так дошли они до прежнего места и остановились там опять. После нескольких бесплодных попыток отыскать своё «счастье» король недовольно кинул:

– Однако пора уходить. Всё это интересно на первых порах, но быстро приедается. Одно и то же... Уйдём!

– Как? – воскликнул сзади них звонкий девичий голос. – Ты уходишь, даже не попытавшись поймать своё счастье?

Король удивлённо обернулся. Перед ним опять, хотя и с другой стороны, из-за выступа появилась его капризная, насмешливая Фортуна.

– Ты, должно быть, ведьма, – с досадой сказал Людовик. – Ты внезапно появляешься и столь же внезапно исчезаешь, как... как...

– Как и надлежит исчезать и появляться счастьем! – подхватила Полетт. – Что же делать, прекрасный незнакомец, счастье надо уметь удержать!

– Послушай, девушка, – взволнованно сказал Людовик, подходя к ней, – бросим шутки! Ты серьёзно нравишься мне. Думаю, что и ты не из одного пустого каприза вертишься около меня. Так что же! Зачем перетягивать струны?

– Что же дальше, прелестный юноша?

– Позволь мне проводить тебя!

Оркестр заиграл пламенную гальярду. Все устремились из галереи в бальный зал, и только маркиз, король и Полетт остались в этом уголке. Суврэ с любопытством наблюдал, чем кончится эта сцена, достигшая своего высшего напряжения. Король с лихорадочным нетерпением ждал ответа девушки, а Полетт с кокетливой улыбкой смотрела на короля.

Оркестр играл всё пламеннее, всё задорнее; гальярда захватывала всех.

Гальярда, старинный трёхчетвертной танец необузданного, кипучего, весёлого темпа, родилась в Риме, где первоначально её танцевали после сбора винограда, как бы празднуя

победоносные свойства вина. В ней жили древние пляски вакханок. Подобно большинству старинных танцев, гальярда сочетала в себе три рода искусства: танец, музыку и поэзию, потому что её танцевали под пение специальных плясовых куплетов, и трудно было решить, что было более пронизано палящими лучами южного солнца, хмелем вина, опьянением любви – пляска, мелодия или слова!

– Позволь мне проводить тебя! – настойчиво повторил король.

– Куда?

– К тебе, ко мне, куда хочешь!

– Зачем?

– Я буду сторожить твой сон, чтобы никто не потревожил его!

Полетт насмешливо передёрнула плечами и вместо ответа, приплясывая, запела под аккомпанемент оркестра строку из куплетов гальярды:

*J'aimerais mieux dormir seulette!*<sup>24</sup>

Король кинулся за ней следом, но опять, как прежде, Фортуна ловко вывернулась и скрылась среди танцующих пар.

Напрасно король искал её – девушка скрылась бесследно, словно тень.

– Идём, Анри! – с досадой крикнул король. – Это чёрт

---

<sup>24</sup> Я предпочитаю спать одинёшенька!

знает что такое!

Суврэ молча последовал за Людовиком.

Они вышли на подъезд. Стояла дивная, тёплая весенняя ночь. Площадь была погружена в сон; ни прохожих, ни проезжих почти не было видно. Только в стороне вытянулся ряд карет с сонными кучерами, поджидавшими запоздавших господ.

Король и его спутник остановились у подъезда и невольно залюбовались величественным покоем, резко контрастировавшим с только что покинутой сутолокой.

Вдруг послышался звук чых-то быстрых, лёгких шагов, каблучки мелкой дробью застучали по каменным плитам, и мимо короля быстро скользнула женская фигура; она обернулась на ходу и задорно крикнула.

– Спокойной ночи, бедный юрист!

– Чёрт! – рявкнул король, вне себя от пламенного возбуждения. – Ну, стой! Теперь уж ты не уйдёшь от меня!

– А вот увидим! – насмешливо ответила девушка, скрываясь среди экипажей.

Король и Суврэ кинулись за ней, осмотрели все экипажи, но её нигде не было. Испустив сквозь зубы громоздкое проклятие, Людовик сердито зашагал прочь.

Когда они отошли на некоторое расстояние, из-под сиденья одной из карет вынырнула Полетт, осторожно выглянула в окно и потом сказала кучеру:

– Домой, Батист, в Клиши!

Король, стиснув зубы от бессильного бешенства, молча шёл с Суврэ по пустынным улицам.

Маркиз не мог утерпеть, чтобы не поддразнить короля.

– А жаль, что девчонка ускользнула, – сказал он. – Это – премилый зверёк, какого не скоро сыщешь опять!

– А чёрт её знает! – кисло ответил король. – Лицо закрыто; может быть, ещё уродина какая-нибудь!

– Не думаю, государь. Судя по нежности кожи, она должна быть прехорошенькой. А кроме того, если лицо и закрыто, зато трико достаточно плотно облегает её тело, чтобы можно было судить о роскоши её форм!

– Ну, брат, наверное, у неё была своя причина, если она не захотела позволить поближе познакомиться со своими формами! Готов держать пари, что всё это у неё – подделка. Мало ли чего можно насовать под трико. А я, знаешь ли, не очень-то люблю суррогаты!

– «Nous vivons sous un prince ennemi de la fraude!»<sup>25</sup> – с нескрываемой насмешкой продекламировал Суврэ.

## V

### УЗЕЛ ИНТРИГ

Анна Николаевна Очкасова, которую Полетт, подобно всем остальным французским подругам, называла Жанной,

---

<sup>25</sup> «Нами правит государь, ненавидящий обман!» («Тартюф», комедия Мольера).

жила со стариком отцом в уютном домике у заставы Клиши. Этот домик, кокетливо прятавшийся в зелени небольшого, но тщательно содержавшегося сада, выходил на тихую улицу, по которой почти не было движения. Это представляло значительные удобства: живя почти в самом городе, Очкасовы пользовались в то же время всеми выгодами деревенской мирной жизни.

Сюда-то и направилась Полетт с площади Пале-Рояль.

Была уже глубокая ночь, когда она вошла в комнату, где для неё была приготовлена постель. Полетт чувствовала себя очень усталой, но всё-таки долго не могла уснуть. Она припоминала слова короля, его пламенные взгляды, его досадливые восклицания, когда «счастье» ускользало от него, и готова была верить в близость и полноту своего торжества.

Уже начинала заниматься заря и птички подняли у окна свою возню, когда Полетт наконец забылась сном. Спала она крепко и долго и проспала бы, быть может, до вечера, если бы её не разбудила Очкасова.

– Вставай, ленивица! – говорила Жанна, тормоша заспанную девушку. – Люди уже скоро спать будут ложиться, а ты ещё не проснулась! Да ну же, шевелись, сейчас будем завтракать!

Полетт вскочила, но долго ничего не могла сообразить, протирая кулачками заспанные глаза.

– Ах, это ты, Жанна! – сказала она наконец. – А мне снился такой сон, что просто... ух!

– Увы, это только я! – засмеялась Очкасова. – А ты небось ждала увидеть того самого заморского принца, который тебе снился! Да ну же, вставай и рассказывай, как твои вчерашние успехи!

– Ах, Жанна! – воскликнула девушка, обвивая шею подруги белыми, пухленькими руками. – Вчера я заложила первый камень того фундамента, на котором будет воздвигнут трон твоей несчастной царевны Елизаветы!

– Ну, она-то далеко не несчастна; наоборот, насколько я слышала, Елизавета Петровна не унывает и продолжает вести прежний весёлый и рассеянный образ жизни. Сама она отлично прожила бы без трона, но её воцарение нужно нам, нужно всей России... Ну да как бы там ни было, а я всё-таки не могу понять, почему ты с таким экстазом говоришь о России и её надеждах? Ты молода, хочешь жить, хочешь широкой сферы действия и свои мечты собираешься осуществить, пленив короля. Претензия не из высоких, но это я могу понять. Ты не хочешь быть, подобно своей сестре, простым «инструментом для развлечения», как выразился один из ваших стариков, – понимаю и это. Ты готова пуститься в водовороты политического влияния, а так как тебе решительно всё равно, в какую сторону направить это влияние, то ты не прочь поспособствовать своей подруге, – и это я тоже могу отлично понять. Но чтобы тебе действительно было не всё равно, кто царствует в России и как зовут её государыню – Анной Иоанновной, Анной Леопольдовной или Елизаве-

той Петровной, – в это, прости меня, я верить не могу!

– Жанна, ты называешь меня своей любимой подругой, а между тем так обижаешь меня!

– Глупенькая, да разве за правду обижаются?

– Нет, Жанна, ты не права. Просто ты привыкла ещё в школе смотреть на меня свысока, как старшая, и, что бы я ни сказала тебе, какой бы мечтой ни поделилась, всё всегда в твоих глазах является пустой болтовнёй фантазирующей девчонки!

– Да рассуди сама...

– Нет, Жанна, ты сначала выслушай меня, а потом уж будем рассуждать. Вспомни, ещё в монастыре я часто говорила тебе, что жажду власти и целью своей жизни ставлю стремление добиться этой власти. Но не сама власть привлекает меня, а та польза, которую можно принести ей родине. Ведь Франция гибнет, Жанна, ты ведь говорила мне сама это. Помнишь старичка аббата, который так любил меня с тобой и так подолгу разговаривал с нами в тенистых аллеях монастырского сада?

– Аббата Парьо? Как же не помнить этого славного учёного старичка?

– Помнишь, как он говорил нам однажды, что государства растут, развиваются и гибнут так же, как растения, животные и люди. Из небольшого ростка развивается большое, сильное растение, которое, достигнув высшей точки расцвета, начинает мало-помалу отмирать. Дух государства, гово-

рил он, стареет и портится так же, как человеческая кровь. Но если перелить в старческие жилы юную кровь – такие операции уже совершали, – то человек начинает жить новой жизнью!

– Я помню всё это. Но какое это имеет отношение к Франции и России?

– Очень большое. Франция при Людовике Тринадцатом достигла высшей точки своего расцвета. При Людовике Четырнадцатом она жила уже за счёт прежнего избытка силы и, растрачивая его, начинала падать. Регентство сильно подломило французскую мощь. Франция идёт к гибели, и если в её судьбу не вмешается что-нибудь новое, то катастрофа неминуема. Но откуда может взяться это «новое», Жанна? Только от женщины, так как счастье и несчастье Франции всегда шли от женщины. Когда-то Жанна д'Арк спасла гибнущую страну. Ряд королевских любовниц, отвлекавших монархов от государственных дел и обрекавших их страну произволу продажных министров, подготовил её новое падение. Настало время явиться новой Жанне д'Арк...

– И ею хочешь стать ты, милая Полетт? С Богом! Иногда цель действительно оправдывает средства. Но я всё-таки не понимаю...

– Не перебивай меня, и тогда ты поймёшь скорее! Да, Жанна, я хочу стать этой новой Орлеанской девой! Но новые времена требуют новых форм воплощения. Не с мечом в руках, не с орифламой, не с гимном надлежит явиться новой

спасительнице. Мой меч – это тело, моя орифлама – лобызающие уста и обнимающие руки, мой гимн – шёпот страсти. И не врага, а самого короля хочу я покорить всем этим оружием, чтобы повести его, а за ним и всю Францию, к новому блеску и могуществу! Но в чём же этот блеск, в чём это могущество? Я много думала, читала, говорила, слушала и расспрашивала по этому поводу. И мой вывод таков – спасение Франции возможно только в союзе с другой сильной державой. И этой державой может быть только Россия!

Полетт замолчала. Жанна с ласковым удивлением смотрела на неё. Только теперь она почувствовала, какая громадная нравственная сила таится в этой юной головке.

– Да, только в союзе с Россией спасение Франции, – продолжала Полетт. – Ты спросишь: почему? Да потому, что это самая молодая монархия, потому что все остальные сами увядают. Россия станет тем самым юношей, у которого берут кровь, чтобы продлить жизнь достойного старца. Но с большой разницей: юноша не умрёт, не пострадает, а только окрепнет от такого кровного слияния со старушкой-Францией. Ведь России для её внутреннего развития и преуспевания требуется прочный мир, незыблемое внешнее спокойствие. Это спокойствие может дать ей только союз с Францией. А теперь подумай сама, Жанна: может ли Франция рассчитывать на тесный союз с Россией, пока там царит Анна Иоанновна или её племянница, Анна Леопольдовна? Немцы захватили Россию и не выпустят её из рук. А ведь нем-

цы – исконные враги и соперники французского могущества. Значит, разве я ищу блага своей родине, то могу видеть его только в перемене царствования. Но кто же то лицо, которое может быть желательно для моих целей? Только одна царица Елизавета. Ты сама рассказывала мне, что она обожает Францию. Мало того, раз она будет обязана тронем Франции, то благодарность свяжет её сильнее всякого союзного договора. Вот почему, Жанна, твои планы являются в то же время и моими планами, вот почему я с таким восторгом говорю о том, что положила первый камень фундамента, на котором воздвигнется трон Елизаветы. А теперь скажи мне, разве я не права и разве ты не напрасно обидела меня?

– Прости меня, милочка, если я невзначай обидела тебя! Но могла ли я предполагать, что у моей ветреницы Полетт такой широкий кругозор, такие грандиозные планы?.. Несчастье ожесточает, дорогая...

– Я говорила, что ты всегда смотришь на меня свысока! Ну да будет об этом! Я знаю, что ты искренне любишь меня, и если ты способна считаться со мной, если будешь видеть во мне сообщницу и дельную пособницу, если, словом, будешь не только любить, но и уважать меня, то я буду очень рада.

– Я буду не только уважать, а просто боготворить тебя, если ты действительно поможешь мне в том, что я считаю целью своей жизни! Но скажи, Полетт, разве вчера ты на самом деле добилась осязаемых результатов?

– Как тебе сказать?.. И да, и нет! – Полетт вкратце расска-

зала о вчерашнем и прибавила: – Итак, ты видишь, что я сумела задеть короля за живое. Я постараюсь продолжить эту интригу, а потом случайно дам королю застать себя врасплох и обнаружить таким образом своё инкогнито. Король, доведённый мною, что называется, до белого каления, потеряет голову и... неизбежное свершится! А тогда уж я не выпущу его из своих рук!

– А сестра?

– Что же сестра! Мне её жалко, но...

– Ну да это, разумеется, – твоё дело. Но скажи, как же ты думаешь вести дело далее? Один раз тебе случайно представился благоприятный случай, но далее...

– А далее Анри поможет мне опять создать другие благоприятные случаи, как создал и этот!

– Ах да, я и забыла, что ты попала на этот бал благодаря маркизу! Вот никогда не думала, что эта беззаботная божья коровка может оказаться полезной на что-нибудь!

– Фу, Жанна, как ты зла и несправедлива! Анри так любит тебя...

– Ах, что мне в его любви! Точно я добивалась её! Не надо мне никакой любви. Я живу одной мыслью о своей мести, а остальное...

– Скажи, Жанна, как ты думаешь осуществить свою месть одна, без друзей, без средств? О, я знаю, что у тебя немалые для частного лица деньги, но разве государственный переворот можно совершить на частные средства?

– Уж не твой ли Анри даст мне их?

– Да, Анри и я, мы дадим тебе их! Ещё раз говорю тебе: брось своё высокомерие; ведь без друзей ты – ничто! На меня ты смотрела как на былинку, и понадобилось всё моё красноречие, чтобы убедить тебя, что и я могу быть тебе полезной. Но даже со мной без Анри ты бессильна! Кто подвигнет Францию встать на защиту попранных прав твоей царевны? Уж не Флери ли, тот самый Флери, который окончательно поссорил нас с Россией неуместным вмешательством в русско-турецкую войну? Да пойми ты, что Флери, который вечно ловит рыбку в мутной воде, всё время будет кидаться из стороны в сторону, изменяя Австрии для Пруссии, Пруссии – для России и России – для Австрии и Пруссии! Тебе нужны верные друзья, имеющие влияние на короля. Одним из этих друзей окажусь я, когда мне удастся довести до конца наметенную интригу. Кто же другой? Только Анри де Суврэ! Он притворяется ничтожным, чтобы под него не так подкапывались, но на самом деле достаточно бывает одной его фразы, на первый взгляд самой незаметной, пустяковой, чтобы склонить короля в ту или другую сторону. Мы с Анри составим такую силу, перед которой сломится всё и вся. Но ради чего Анри встанет на сторону твоих планов? Не говорила ли ты сама, что нам, французам, нет ровно никакого дела до того, кто царствует в данный момент в России!

– Ну, вы с ним – друзья детства, и если ты захочешь...

– Полно, милочка! Вчера я на все лады умоляла его дать

мне возможность завязать интрижку с королём, но он только тогда согласился и открыл мне секрет намерений Людовика посетить маскарад, когда я сказала ему, что это нужно для тебя!

– Вот как?

– Да, «вот как»! Ой, Жанна! Не пренебрегай маркизом, если тебе действительно дорого твоё дело!

– Что же, по-твоему, мне надо предложить ему честный торг: моё тело за его услуги!

– Тебе не надо никакого торга, потому что стоит тебе ласково взглянуть на Анри, и он будет весь к твоим услугам! Да открой же глаза, Жанна! Ты только посмотри, какой это умный, честный, добрый, хороший человек! Разве он недостойн твоей любви? Ах, Жанна, Жанна, холодная, бессердечная!

Жанна подошла к подруге, которая во время разговора занималась своим туалетом и теперь окончательно оправлялась перед зеркалом, обняла её, нежно поцеловала и сказала:

– Ах, если бы маркиз знал, какого красноречивого адвоката имеет он в тебе! Но не волнуйся, Полетт, я вовсе не так уж холодна и бессердечна. Не скрою от тебя, твой Анри даже нравится мне, и если действительно его любовь не только не отвлечёт меня от моего дела, а наоборот, поможет, то... Но это-дело далёкого будущего. А теперь раз ты, слава Богу, наконец готова, то пойдём завтракать. Папа и так недоволен, что сегодня мы запаздываем. Ты погляди только, как он вол-

нуется!

Жанна, смеясь, подвела подругу к окну и указала на высокого, широкоплечего старика, который нервно расхаживал по садику, недовольно хмурая густые седые брови и изредка встряхивая седой львиной гривой.

– Бедный мсье Николя! – рассмеялась Полетт. – И всё это из-за меня! Ты, пожалуйста, извинись за меня перед ним, Жанна!

– Но ты можешь сделать это сама!

– Нет, милочка, я должна ехать. Мне необходимо поскорее увидеться с Анри, чтобы обсудить с ним план дальнейших действий. Если можно, прикажи дать мне сюда чашку шоколада; я выпью её, пока будут закладывать лошадей. Ведь Батист свободен?

– Да погоди ты, сумасшедшая! Не убежит твой Анри, позавтракай с нами!

– Нет, нет, Жанетт, ты уж меня не удерживай!

Полетт выпила чашку шоколада и умчалась в Париж.

Проводив подругу, Жанна спустилась в сад, где на бело-снежной скатерти накрытого стола уже готов был холодный завтрак и кофейник испускал клубы ароматного пара.

– Что это за новости, Анюта? – ворчливо встретил её отец. – Из-за какой-то трещотки ты заставляешь меня ждать целый час! Ты знаешь, как я дорожу правильностью порядка дня?

– Ну-ну, не ворчи, милый мой старичок! – ласково отве-

тила Жанна, подходя к отцу и поднимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать его. – Прости меня, случился такой грех! Ну, пойдём к столу, к столу!

– Ах ты, сахар-медовик! – буркнул старик, сразу растаявший от ласки дочери, в которой души не чаял.

Они уселись за стол. Жанна принялась разливать кофе. Вдруг кофейник задрожал в её руках, и она испуганно шепнула:

– Папа! Посмотри-ка туда, к решётке у калитки! Боже, что это за человек!

Николай Петрович посмотрел в указанную сторону и увидел какого-то молодого человека в истрёпанном, оборванном костюме, жадно прильнувшего к решётке. Руки оборванца судорожно вцепились в перекладину, возбуждённые взоры были устремлены на накрытый стол, и всё его исхудавшее донельзя, зеленовато-мёртвенное лицо говорило о непреодолимом, смертельном голоде.

– Что вам нужно здесь? – окликнул его Очкасов.

– Мсье... Пощады... Три дня... голоден... есть... умираю... – на ломаном французском языке простонал оборванец.

– Вы голодны! Так идите сюда! Калитка тут, рядом, толкайте её от себя! – всполошился добряк.

– Боже мой! Ты только посмотри, папа, до чего он истощён! – с сочувствием сказала Жанна по-русски.

Оборванец, входивший в этот момент в калитку, при звуке

её голоса вдруг остановился, радостно-изумлёнными глазами уставился на молодую девушку, даже закачался от охватившего его волнения, а потом сорвался с места и бросился к Жанне с криком, похожим на стон:

– Русские! Слава тебе, Господи! Боже мой! Русские! Я спасён! Голубчики вы мои! – и, рыдая, он упал к ногам девушки, обнимая её колени.

Оба Очкасовы всполошились.

– Миленький, да как ты попал сюда? – крикнул старик.

– Ах, папа! Ну что расспрашивать голодного, – заволновалась Жанна. – Кушайте, голубчик, кушайте! – и она совала оборванцу тарелку с хлебом и холодным мясом.

Оборванец хватал хлеб и мясо, жадно совал в рот, глотал не жуя, бормотал слова благодарности, перемешанные с угрозами и жалобами по чьему-то адресу. Трудно было разобрать что-нибудь в этих лихорадочных, беспорядочных выкриках. Кто-то завёз его, обманул – вот единственное, что мог понять старик. Но Жанна женским чутьём сразу угадала, с кем она имеет дело.

– Кушайте, голубчик, и не разговаривайте, потом вы нам всё расскажете. Мне кажется, папа, что это – нашего поля ягода: такой же обиженный, как и мы.

Незнакомец и не заставлял себя уговаривать и с жадностью продолжал есть и пить, пока Жанна не остановила его, опасаясь, как бы чрезмерное насыщение не повредило ему после голодовки.

Но утоление острого голода сразу опьянило несчастного. Несколько бессонных ночей, проведённых в скитаниях, сейчас же сказались, и видно было, что он прилагает сверхчеловеческие усилия, чтобы не заснуть тут же, за столом. Пришлось отвести его в комнату, только что освобождённую Полетт, и отложить удовлетворение любопытства до следующего утра.

## VI ПРИЗНАНИЯ

Ничто не напоминало в незнакомце вчерашнего оборванца, когда на следующий день он вышел из своей комнаты, приведённый в порядок парикмахером и переодетый в платье старика Очкасова. Это был высокий, стройный молодой человек с бледным, истощённым, словно после долгой болезни, лицом и усталыми, но добрыми, наивными голубыми глазами. Он сразу внушал симпатию и доверие, а все его манеры говорили о принадлежности к хорошему обществу. Поблагодарив в простых, сердечных выражениях гостеприимных хозяев за привет и ласку, он в ответ на их просьбу стал рассказывать свою историю.

– Я не знаю, – начал он, – кто вы такие, дорогие мои благодетели.

– Вы это сейчас узнаете, – заметила Жанна.

– Не знаю также, что привело вас на чужбину и как вы от-

носитесь к тому, что сейчас творится на нашей родине. Быть может, мой откровенный рассказ оттолкнёт вас от меня. Но я знаю одно, что вы спасли меня от неминуемой гибели. Поэтому, оставляя в стороне всякую осторожность и недомолвки, я просто и правдиво расскажу вам свою историю, чтобы не оставлять вас в неизвестности относительно моей персоны...

– Простите, – перебила его Жанна, – скажите, вы принадлежите к числу пламенных приверженцев теперешнего русского правительства?

– О нет! – воскликнул молодой человек, и его кроткие глаза вспыхнули ненавистью.

– В таком случае, – сказала Жанна с грустной улыбкой, – вы можете тем более не стесняться перед нами, потому что и мы не принадлежим к числу его друзей!

– Тогда мне остаётся только ещё пламеннее возблагодарить Господа за то, что Он привёл меня к соотечественникам и единомышленникам! – благоговейно сказал молодой человек.

Жанна знаком предложила ему начать рассказ.

Незнакомец приступил к повествованию.

– Меня зовут Пётр Андреевич Столбин, я происхожу из рода немецких баронов фон Тольбейнов. Мой дедушка, барон Фридрих Готлиб фон Тольбейн, служивший капитаном флота у датского короля Христиана Четвёртого, был одним из просвещённейших людей своего времени. Поклонник фи-

лософии, дедушка не мог равнодушно смотреть, как дворяне, не ставившие ни во грош самого короля, угнетали простой люд. И когда в 1660 году народ предъявил свои права, дедушка встал открыто на его сторону.

От переворота 1660 года выиграли только бюргеры; дворяне ничего не потеряли, а простой люд остался в прежнем положении рабочего скота. Зато положение моего дедушки пошатнулось. Ни король, ни дворяне не могли простить ему защиты «подлой черни». Дедушке пришлось бежать. И вот в тёмную, бурную ночь, захватив молодую жену и годовалого ребёнка, он пустился по морю, добрался до Швеции, а оттуда – в Московию, где предложил свои услуги царю Алексею Михайловичу.

Это было как раз в разгар войн, которые вёл царь с Польшей. Опытные, ратного дела люди были желанными гостями. Дедушка совершил с царём ряд походов, а в 1667 году был послан им в Дединово на Оке, где царским указом предписывалось приступить к постройке кораблей. С кораблестроительством ничего не вышло, единственный построенный там корабль вскоре сгорел. Против дедушки начались подкопы и интриги, и он удалился в семидесятых годах на покой, поселившись в Немецкой слободе в Москве. Я забыл ещё сказать, что по настоянию царя дедушка принял православие и из барона фон Тольбейна превратился по созвучию в русского дворянина Столбина.

Мой отец, Андрей Фёдорович Столбин, был одним из рев-

ностных сподвижников Петра Великого. Унаследовав от дедушки страсть к морю, отец изучал в Голландии кораблестроение, вместе с великим преобразователем работал над созданием русского флота и был одним из его капитанов. Впрочем, надо сказать, что не в пример прочим отец продвигался по службе очень медленно: царь Пётр как-то не замечал его усердия и способностей. Это не мешало отцу боготворить своего государя, и когда от его брака с девицей Минной фон Торнау, тоже обрусевшей немкой, родился я (это было в год Полтавской битвы, то есть в 1709 году), то отец поспешил назвать меня, своего первенца, Петром.

Я с благоговением и нежностью вспоминаю жизнь в раннем детстве под отцовской крышей. Маленький домик на Васильевском острове содержался матерью в образцовой чистоте и порядке; весь день был распределён между серьёзными и разумными развлечениями, а по вечерам, если отец не был в плавании, он рассказывал нам о далёком прошлом, о дедушке, о его плавании в уютной лодочке по бурному морю – этого отец, конечно, помнить не мог и передавал со слов дедушки, – о своём житье-бытье в Голландии.

Одно только печалило отца и мать – это моё слабое здоровье. Нечего было и думать о продолжении мною карьеры отца и деда. Тогда отец предназначил меня к гражданской службе и отправил по достижении восемнадцати лет в Гейдельберг, где был старейший немецкий университет.

Это было в 1727 году, когда на русский престол вступил

малолетний Пётр Второй. Из осторожных писем отца, а ещё более – от прибывавших в Гейдельберг русских я мог узнать, что на родине творятся ужасы. Всякий старался урвать себе кусочек получше, а о продолжении дела Великого Петра никому и в голову не приходило заботиться.

В 1730 году я узнал о смерти Петра Второго и облегчённо вздохнул. Прямой наследницей его была царевна Елизавета, дочь великого преобразователя, пламенная поклонница славных дел отца. «При ней Россия воспрянет!» – думал я наравне со многими. Каков же был мой ужас, когда я узнал, что права царевны Елизаветы обойдены и на русский престол вступила Анна Иоанновна, или, вернее, – её возлюбленный Эрнест Иоганн Бирон.

Для моего отца настали плохие времена. Всё русское последовало, на первый план выступили немцы. Родственники по жене советовали отцу подать прошение о восстановлении его искажённого имени, так как в качестве барона фон Тольбейна он был бы несравненно больше в чести. Но мой отец и слышать об этом не хотел, гордо отвечая, что он и его отец кровью приобрели честь быть истинными русскими и что он не обратится с такой позорной просьбой к бывшему конюху, попирающему вскормившую его страну. Конечно, осторожные родственники поспешили отшатнуться от такого опасного человека. Как я узнал потом, нашлись даже такие, которые довели до сведения Бирона слова заносчивого русского капитана.

Моему отцу было в то время уже семьдесят лет, но он был прям и бодр, как могучий дуб. И вдруг он получил неожиданный приказ: сдать командование кораблём какому-то немецкому молокососу, не имеющему ни опыта, ни знаний, и удалиться на покой. Отец бросился в адмиралтейство-коллегию. Там ему сообщили, что ровно ничего сделать не могут, так как приказание исходит от Бирона. Отец бесстрашно направился к Бирону. Тот с первых же слов оборвал отца, сказав, что он не понимает, как такой доблестный воюка обращается с просьбами к «немецкому конюху». Отец возразил, что он обращается не с просьбой, а с требованием. Кончилось всё это дело очень печально для моего отца: оскорблённый наглостью временщика, он поднял руку для удара. Тогда Бирон крикнул слуг, приказал им держать старика, а сам три раза ударил его по лицу, приговаривая: «Вот тебе от конюха». Затем он приказал вышвырнуть отца вон.

Мой отец нашёл возможность пробраться во дворец и был принят императрицей. Но и тут он не получил ни малейшего удовлетворения. Даже не выслушав его хорошенько, Анна Иоанновна крикнула: «Мало тебе ещё, старому дураку!» – и прогнала с глаз долой. Отец вернулся домой, поцеловал жену и выстрелил себе в голову.

Я беззаботно жил в Гейдельберге, ничего не зная о совершившемся. Письмо матери, кратко сообщавшее о смерти отца и об отсутствии средств на дальнейшую жизнь за границей, вызвало меня в Петербург. Тут я узнал подробно о

случившемся и о том, как месть Бирона была способна преследовать даже покойников. Моего покойника-отца облыжно обвинили в растрате судебных сумм, его домик отобрали, продав в пользу казны, а тело лишили погребения.

Должен сознаться, я не создан для сильных страстей. Ещё в раннем детстве отец неоднократно смеялся надо мной, уверяя, что я по ошибке родился мужчиной и что, мол, слезливая сентиментальность сделала бы честь любой немецкой Гретхен или Амалии. Может быть, это и так. Другой на моём месте бросился бы к Бирону, убил бы его, удушил бы своими руками, а я только плакал, плакал и плакал... Но и то сказать, мог ли бы я добраться до всемогущего временщика? Один ли я страдал от этого бесчеловечного ига?

Мать ненадолго пережила отца. Она скончалась, призывая меня к мести за попорченную отцовскую честь. Кроме того, она дрожащими руками вручила мне свёрток из двадцати червонцев, говоря, что это она скопила из отцовских подарков и хозяйственных экономий.

Похоронив мать, я стал искать занятий... После долгих усилий мне удалось наконец получить маленькое местечко при сенате. Нужно ли было для этого изучать право в Гейдельберге?

Обойду молчанием всю цепь унижений и мелких обид, которую мне пришлось перенести на службе, и перейду прямо к обстоятельствам, вызвавшим моё личное несчастье.

Я снимал комнату у вдовы сенатского чиновника Пашен-

ной. У неё была дочь Ольга, девица юная, красивая и добродетельная. Мы полюбили друг друга. Долго я по робости откладывал объяснение, но природа взяла своё: я открыл Оленьке свои чувства, и она стыдливо призналась мне, что давно любит меня. Мать благословила нас, и мы зажили сладкой надеждой на будущее счастье. В данный момент мы ещё не могли повенчаться – у Оленьки не было приданого, а я получал столько, что еле мог перебиваться с хлеба на квас. Надо было обождать лучших времён – ведь я твёрдо надеялся, что мои знания и трудолюбие выдвинут меня из разряда простых писцов, и мы жили упованием на Бога.

И вот счастье улыбнулось мне. В начале прошлого 1738 года пронёсся слух, что второй министр Немировского конгресса Артемий Петрович Волынский возвратился в столицу и назначен кабинет-министром. Этот слух подтвердился в феврале: Волынский действительно получил это назначение и, как мы и ожидали этого, первым делом взялся за сенат, где царил невозможный беспорядок. Заскрипели перья, забегали курьеры, заметались чиновники – каждый день гроза следовала за грозой.

Обхожу мелкие подробности. Однажды к министру с бумагами для подписи послали меня. Сделали это по злобе: ведь Волынский приходил в бешенство от безграмотности наших сенаторов, и его гнев обрушивался обычно на посланного. Так случилось и в данном случае. Волынский затопал ногами, забарабанил кулаками по столу, крича, что сенато-

рам бы свиной пасти, а не государственные дела ведать. Когда на его вопрос, кто писал поданную ему бумагу, я ответил, что писал я, министр окончательно вышел из себя. Тогда я почтительнейше доложил, что уже неоднократно пытался указать своему прямому начальнику на погрешности с точки зрения права и слога, но каждый раз терпел брань за то, что сую нос куда не следует. Слово за слово, министр стал расспрашивать меня, выразил удивление моими познаниями, ещё более удивился, узнав, что я проходил университетский курс за границей, и в конце концов спросил, как меня зовут.

– Что я слышу! – воскликнул он. – Ты – Столбин? Сын Андрея Фёдоровича Столбина, моего несчастного друга? – тут он опасливо оглянулся: было неосторожно громко называть своим другом, да ещё и несчастным, человека, пострадавшего от немилости всесильного Бирона. – Но ведь ты – дворянин, – продолжал он, – почему же ты служишь каким-то сверхштатным писцом?

Я объяснил, что ещё в отрочестве был высочайшей милостью избавлен от общей для всех дворян необходимости служить, так как отличался чересчур хилым здоровьем. После смерти отца мне пришлось поступить по вольному найму, и вот уже больше пяти лет как я остаюсь в одном и том же положении, без всякой надежды на движение вперёд.

– Ну ещё бы! – заметил Волынский. – Где же нашим свинопасам отличить дельного, образованного человека? Вот

что, брат, – сказал он, подумав, – сейчас я для тебя ничего не могу сделать, потому что мне самому надо потвёрже на ноги встать. Пока что сиди в своём сенате, ни словом, ни звуком не заикайся о нашем разговоре, а придёт время, я уж не забуду тебя. Возможно, что я возьму тебя к себе в канцелярию. Во всяком случае, будь спокоен за свою участь. Но пока что надо терпеть!

В последнее время я вообще замечал, что Оленька непрерывно грустна, но объяснял себе её настроение заботами о нашем будущем. Теперь её слёзы окончательно встревожили меня и мать. Мы стали расспрашивать её, и в конце концов Оленька созналась, что в последние две недели она постоянно подвергается преследованиям со стороны какого-то немца, одетого очень нарядно и, видимо, очень важного; незнакомец еле-еле говорил по-русски, но с ним постоянно бывал слуга, который и делал от имени господина самые гнусные предложения. До сих пор она не хотела ничего говорить об этом, надеясь, что Господь пронесёт беду. Но сегодня наглость преследователя дошла до крайних пределов. Она пошла навестить больную подругу; вдруг в глухом переулочке откуда ни возмись карета, а в карете – тот же молодой немец. Сначала слуга немца старался улестить её словом. «Мы знаем, – сказал он, – что у тебя есть жених, сенатская голь, но если ты не станешь добрее, то мы упечём его туда, куда и Макар телят не гоняет! Мой высокий господин всё может сделать!» Когда же Оленька стала отбиваться, слуги

вместе с барином схватили её и хотели сунуть в карету. На счастье Оленьки, в переулке показалась небольшая толпа каких-то мещан. Услыхав вопли девушки и немецкую речь насильников, они с криками: «Бей немцев!» – бросились выручать её. Карета умчалась, Оленька на этот раз была спасена, но выразила мне опасение, что если немец будет и впредь так настойчиво преследовать её, то может случиться, что её и впрямь похитят.

Я постарался, как мог, утешить девушку, обещал ей при первом же случае пасть к ногам Волынского и просить его охранять моё счастье. Но сам я был несравненно более встревожен, чем хотел показать. Ведь немцы вели себя в Петербурге хуже, чем в былое время татары на Руси!

Оленька никуда не выходила; я постоянно держал наготове пару заряженных пистолей и завёл двух очень злых собак.

Однажды ночью из своей комнаты я услышал какой-то подозрительный шум. Сунув одну пистолю за пазуху и взяв в руку другую, я выскользнул на двор. Там я явственно услышал тихую немецкую речь; какие-то злодеи стоваривались и распределяли роли для нападения на наш домик: хотели осторожно вывернуть подворотню, какой-то Иоганн должен был проскользнуть там и открыть ворота. Далее мне нечего было слушать. Я крикнул по-немецки, что спущу обеих собак и пристрелю первого, кто сунет голову во двор. Для убедительности я сейчас же исполнил первую угрозу, и собаки со зверским лаем кинулись к воротам. С улицы слышалось

злое немецкое проклятие, и вскоре стук колёс известил меня, что злодеи отъехали прочь.

Прошло ещё несколько дней. Однажды вечером ко мне явился какой-то чистенький, маленький старичок, который пожелал переговорить со мной по делу, «касающемуся всей моей жизни». Так как разговор должен был происходить под строжайшим секретом, то старичок просил меня отправиться с ним в немецкий кабачок, находившийся улицы за две от нашего дома. Я согласился, но на глазах таинственного незнакомца сунул за пазуху пистолю. Старик усмехнулся и затем сказал, что в этом не представится никакой надобности.

Как и я ожидал, это оказался посланный от немца-наильника. Попросив меня не сердиться, не вспыхивать и не перебивать его, а дослушать до конца, старичок начал доказывать мне, что я взялся за неравную борьбу. Он сказал, что его господин очень могуществен, так что ему ничего не будет стоить стереть меня с лица земли. Ему стоит сказать слово, и меня прогонят со службы, а то даже отправят в Сибирь. Между тем, если я покорюсь, то получу крупную награду и мне будет облегчено движение по службе. Я молод, скоро забуду первую любовь – мало ли девушек на свете? Да и кроме того, если я люблю свою невесту, то должен ради её счастья отказаться от неё, потому что я ничего не могу дать ей; если же отступлюсь и дам свободу действия высокому господину, то её ждёт пышная, богатая, привольная жизнь.

Я спокойно выслушал и попросил незнакомца передать своему барину, что только негодяй может делать, передавать и принимать такие предложения, а так как из нас троих я-то – не негодяй, то прошу впредь оставить меня в покое.

– Дерзкий! – в священном ужасе крикнул старик. – Да знаешь ли ты, кого ты осмелился назвать так? Ведь высокая особа, пленившаяся твоей замарашкой-невестой, – не кто иной, как сам Антон Ульрих Беверн, принц Брауншвейг-Люнебургский!<sup>26</sup>

– Жених принцессы Анны? – с удивлением воскликнул я. – И накануне-то своей свадьбы принц совращает с пути честных девушек? Я очень рад, что вы сообщили мне, кто преследует мою невесту. Теперь-то я сумею наверняка защитить её и себя!

– Что может сделать мелкая канцелярская тля против первого лица в империи?

– Вы забываете, – перебил я его, – что его высочество далеко ещё не первое лицо в русском государстве. Забываете и то, что его светлость герцог Бирон не очень-то чтит его высочество, и стоит мне только обратиться к его светлости...

– Тебя никогда не допустят до него!

– Да, но зато в качестве сенатского чиновника я бываю с бумагами у правой руки герцога, министра Волынского! – твёрдо возразил я.

Этот довод окончательно смутил и выбил из позиции ста-

---

<sup>26</sup> Супруг Анны Леопольдовны, отец императора Иоанна Антоновича.

ричка. Он перешёл в другой тон, стал предлагать мне денег, но я с презрением заявил ему, что наш разговор кончен.

Всю ночь я продумал, обращаться ли мне с жалобой к Во-лынскому или нет. В конце концов я решил, что это было бы неосторожно. Если даже Оленьку похитят, а меня устроят, то останется ещё Олина мать, которой я сообщу этот разговор и которая в случае чего сама дойдёт до Волынского. Следовательно, таким путём я могу достаточно обезопасить любимую девушку, но преждевременно вмешивать в это дело такую высокую особу, как Артемий Петрович, было совсем ни к чему.

Прошло ещё месяца три-четыре. Ни о каких преследованиях более не было слышно. Мы знали, что при дворе действительно готовятся к свадьбе принцессы Анны Леопольдовны с принцем Антоном, и решили, что все эти хлопоты выбили дурь из головы принца.

Но мои служебные дела шли всё хуже и хуже. Волинский и знаком не давал понять, что помнит данное им мне обещание, а начальники и сослуживцы больше прежнего травили меня. Я видел, что не сегодня завтра мне придётся лишиться и этого скудного источника существования, и сетовал на свою горькую судьбу.

И опять я увидел просвет. Но увы! – как вы сейчас увидите, этот просвет и был началом моего крайне бедственного положения.

Однажды, выйдя из сената, я увидел около набережной

какого-то господина, похожего на иностранца, а ещё более – на еврея; таковым он и оказался. Он подошёл прямо ко мне и спросил по-немецки, не могу ли я сказать ему, как пройти на Васильевский остров. Я с готовностью предложил проводить его, так как и сам шёл туда. По дороге мы разговорились. Мой спутник очень подробно и настойчиво расспрашивал меня и в пять минут узнал всю мою подноготную. Тогда меня очень удивляла ловкость, с которой он ставил вопросы, но теперь я отлично понимаю её: ведь он не хуже меня самого знал, кто я такой!

После нескольких таких же «случайных» встреч еврей – его звали Вульф – обратился ко мне с предложением. Я ему страшно нравлюсь – я такой знающий, дельный и милый молодой человек. Неужели мне не жаль губить свою молодость и таланты в мелкой, подневольной службе? Он мог бы предложить мне нечто лучшее. Ведь я служу по вольному найму? Значит, я в любой момент могу бросить службу? Да? В таком случае, почему бы мне не поступить к его патрону, «придворному еврею» Липману?<sup>27</sup>

---

<sup>27</sup> Липман, которого русские и иностранные современники называли «придворным евреем» и который официально именовался «обер-гофкомиссаром», был придворным банкиром в царствование Анны Иоанновны и во время регентства как Бирона, так и Анны Леопольдовны. Анна Иоанновна занимала у Липмана деньги через Бирона ещё в то время, когда была герцогиней Курляндской, что и обеспечило Липману особо привилегированное положение. Так, в то время, когда евреям вообще было совершенно запрещено жить в Петербурге, он мог держать при себе сколько угодно единоверцев. Липман вместе со своими доверенными агентами Биленбахом, Вульфом и Фермарком усиленно вмешивался в

В дальнейшем Вульф пояснил мне, что у Липмана имеются коммерческие агенты по всей Европе, так как банкир ведёт дела с Голландией, Германией, Австрией, Францией и мелкими итальянскими княжествами. Постоянные сделки нуждаются в контроле человека, знакомого с юридическими науками и безупречно честного. Липман уже давно ищет такого, хотел даже выписать из Германии, но препятствием является незнание русского языка. Я же, по его словам, совмещал в себе все качества, и если бы я согласился поступить, то мне дали бы хорошее жалование, да и вообще – тогда моя карьера была бы сделана.

Хотя Вульф сумел очаровать меня своей ласковостью и вниманием, но я долго не решался принять его предложение, особенно потому, что Вульф ставил условием следующее: для начала я должен сопровождать Вульфа в его поездке по Европе, которую он предпринимал по поручению Липмана. Я ознакомлюсь в разных городах с сущностью липмановских операций и тогда уже смогу занять в Петербурге своё место. Мне очень улыбалось путешествие по культурной Европе, но я не решался оставить Оленьку беззащитной. Да и ей Вульф не внушал ни малейшего доверия: она инстинктивно чувствовала в нём врага.

И вот однажды меня без объяснения причин выгнали со службы. Что оставалось делать? Правда, у меня было двадцать червонцев, которые я берёг на чёрный день. Но надол-

го ли могло мне хватить их? Да и мечтой моей жизни была женитьба на Оленьке! Как мы ни думали, как ни гадали втроём, а иного исхода не было, и я дал Вульффу своё согласие.

Отъезд был назначен в скором времени. Обливаясь слезами, прижала меня к своему сердцу Оленька. Я сам был глубоко потрясён, но старался бодриться и внушить мужество любимой девушке.

Я говорил уже, что Вульф сумел всецело пленить меня и внушить мне полное доверие. Просто наваждение какое-то! Я не только рассказал ему о своих двадцати червонцах, но и согласился поместить их у Липмана, который должен был вернуть их мне с хорошими процентами. Вульф обещал мне принести сохранную расписку, но не сделал этого, а я стеснялся напомнить. Так и обошлось без всяких документов!

Мы проехали Польшу, Пруссию, Померанию, Ганновер, Нидерланды, потом через Амьен и Реймс прибыли в Париж. Везде у Вульфа были спешные дела, но, к моему удивлению, он ни разу не посвятил меня в них, отделяясь шуточками или более чем сомнительными предложениями. Это начинало тревожить меня. Тревога возросла ещё более, когда я заметил, что с переездом через французскую границу отношение Вульфа ко мне резко изменилось: он становился всё более грубым.

В Париже мы пробыли недолго и двинулись в карете на Орлеан. Мы сделали два или три перегона, и вот – это было дня четыре или пять тому назад, я уже потерял счёт време-

ни! – Вульф приказал посреди дороги остановить карету и повёл со мной такой разговор:

– Ну-с, молодой дурак, – с наглой усмешкой обратился он ко мне, – настало время нам объясниться начистоту. Неужели ты, остолоп, мог серьёзно поверить, что я пленился твоими бараньими глазами и из простой симпатии взял тебя с собой в увеселительную прогулку по Европе?

Я уже не сумею повторить вам в точности, что я сказал ему в ответ на эту наглую фразу и что ответил он мне. Вся кровь приливает мне в голову при одном воспоминании! О, я – очень кроткий, очень тихий человек, но если бы сейчас мне дали этого негодяя, я своими руками разорвал бы его!

Передам вам вкратце всё, что открылось мне из этого разговора. Принц Антон не на шутку пленился моей Оленькой; этой страстью воспользовался Липман, чтобы связать принца рядом обещаний, которые надлежало исполнить после смерти Анны Иоанновны и при воцарении Анны Леопольдовны.<sup>28</sup> Но и Липману не так-то легко было исполнить своё обещание. Деньгами ни со мной, ни с Оленькой ничего нельзя было поделаться, а действовать силой было опасно ввиду острой вражды между принцем Антоном и Бироном. Я сам в разговоре со стариком открыл средства своей защиты, указав, что через Волынского всегда могу пожаловаться

---

<sup>28</sup> Почти вплоть до самой смерти Анны Иоанновны не было в точности известно, кого она назначит своим наследником. В описываемый период времени все считали наследницей Анну Леопольдовну.

Бирону. Следовательно, меня надо было удалить, и тогда уж с беззащитной Оленькой легко было бы справиться.

Вот они и придумали всю эту комедию с приглашением меня на службу. Вульффу надо было ехать по липмановским делам, взять меня с собой стоило не так уж дорого. Я попался на их удочку, и, по мнению Вульфа, мне не оставалось ничего иного, как сдать на капитуляцию.

Вульф поспешил указать мне на безвыходность моего положения. Если я не соглашусь на его условия, то он попросту высадит меня из кареты и предложит отправиться, куда глаза глядят. А куда я пойду? Французского языка я не знаю, денег у меня нет; потом оказалось, что у меня пропал кошелёк с парой червонцев и все документы; вероятно, Вульф выкрал их у меня на последней остановке для вящего торжества. К тому же условия мне ставили очень лёгкие. Я должен написать своей Оленьке письмо, в котором отказывался для её же счастья от неё. Кроме того, я должен поклясться своим Богом, что по возвращении в Россию не буду поднимать шума и жалобы, предам прошлое забвению. Тогда Липман возьмёт меня к себе на службу, и моё будущее действительно будет обеспечено.

Вместо ответа я бросился душить Вульфа. Нечего и говорить, что его клеветы сейчас же хватили меня, оттащили, избили, бросили на дороге, а карета умчалась дальше.

Много пришлось мне натерпеться в эти три-четыре дня. Кое-как я добрался до Парижа, но мальчишки травили ме-

ня, напускали собак, швыряли грязью и камнями. Голодный, измученный, избитый, я добрался волей Провидения до решётки вашего сада. Остальное вы знаете...

Столбин замолчал, поникнув головой. Молчали и Очкасовы, с сочувствием глядя на несчастного.

## VII

# ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРИЗНАНИЕ

Первая нарушила молчание Жанна.

– Что же вы думаете делать теперь? – спросила она.

– Но...

– Ну да, вы хотите сказать, что у вас нет прежде всего средств вернуться в Россию. Допустим, что эти средства мы дадим вам. Ну и что же, вы вернётесь в Россию. А дальше?

– Я не оставлю этого дела так! Я брошусь к Волынскому, умолю его вступить за меня и... и...

– И? Эх, милый мой! А если Бирон успел в это время прийти к соглашению с принцем Антоном? А если ваша Оленька стала жертвой сластолюбия немецкого принца? Если, не перенеся позора, она окончила свою жизнь? Тогда что?

– Я не переживу этого! – со слезами в голосе вскрикнул Столбин.

– Как вы ещё юны, – с оттенком презрения сказала Жанна, – и как поверхностно задели ваше сердце перенесённые

страдания! Хорошо, вы не переживёте, с отчаяния наложите на себя руки. Ну, а бироны, оскорбляющие доблестных старцев, принцы антоны, соблазняющие русских девушек, липманы, опутывающие Россию грязными сетями, – они останутся жить, чтобы преследовать других Столбиных, соблазнять новых Оленек? Да что же вы засвидетельствуете своей смертью, безумный? Торжество тёмных сил? Окончательную победу иностранного сброда над Россией и признание лучших русских, что они вялы и беспомощны?

– Но что же делать? – с невыразимой тоской воскликнул Пётр Андреевич.

– Не говорили ли вы, что с восторгом ждали воцарения царевны Елизаветы, пламенной поклонницы славных дел отца? Не говорили ли вы сами, что права Елизаветы Петровны были обойдены? Не высказывали ли вы сами, что в случае её воцарения для России наступила бы новая эра? Так почему же вы не хотите помочь ей вступить на престол, чтобы спасти всех остальных, задыхающихся под невыносимым гнётом иностранного засилья?

– Ах, если бы это зависело от меня! Я обожаю царевну Елизавету, но что могу сделать я, неспособный устроить даже свою собственную жизнь!

– А если бы вам дали средства и возможность работать для дела освобождения России? Можете ли вы дать слово, что вы будете готовы – ну, хотя бы во имя своей Оленьки – положить даже жизнь за царевну Елизавету? Или ваш батюшка был

прав, когда уверял, что вы по ошибке родились мужчиной?

– Сударыня! – ответил Столбин, положив руку на сердце и слегка наклоняя голову. – Я уже упоминал, что не создан для сильных страстей. Я не умею становиться в позу, не способен к трагическим выкрикам. Я загораюсь не скоро, но раз уж это случилось, то горю упорно, ровно и долго. Дайте мне дело, если вы это действительно можете, дайте мне возможность послужить нашей родине, и вы увидите, какого надёжного помощника обрели вы во мне!

– Я верю вам, – сердечно ответила Жанна, – и надеюсь, что вы будете нам надёжным помощником. Нам нужны именно такие люди, как вы. Другие вспыхивают и сейчас же гаснут. А наша борьба требует упорства...

– Так говорите, приказывайте, я готов! – с энергией воскликнул Столбин.

– Не так скоро! – улыбнулась Жанна. – Сначала ещё надо многое подготовить. Кстати, вы всё ещё не знаете, с кем вы имеете дело. Мы – единомышленники, нас связывают в будущем общие планы, а в прошлом – общие несчастья. Я могу рассказать вам свою историю, зная, что вы поймёте меня...

– Анята! – с ужасом воскликнул Очкасов. – Но как же можно...

– Э, папа! – ответила Жанна, грустно улыбаясь. – Разве позор на мне? Нет, я готова встать на площади и кричать всем и каждому, какие ужасы творятся у нас! Только тогда, когда каждый будет знать, что грозит ему самому, его матери, сест-

ре, жене, невесте, только тогда, говорю я, можно рассчитывать на общее единопдушие! Не знаю почему, – продолжала она, обращаясь к Столбину, – но я совершенно уверена, что вашей Оленьке ничего не грозит и она благополучно избегнет опасности. Но мало ли других Оленек, которые не отделяются так легко? Я сама из их числа. Если ваша собственная судьба ещё не утвердила вас в сознании необходимости решительно восстать против наших ужасающих порядков, то прослушайте мою историю; быть может, она покажется вам назидательнее. Меня зовут Анной Николаевной Очкасовой. Я – дочь отставного генерал-майора Николая Петровича Очкасова, вот этого самого почтенного старца...

– Который отлично знал вашего батюшку, да-с! – буркнул старик.

– Подобно вашему отцу, папа тоже был одним из сподвижников Великого Петра и особенно отличился в Полтавском сражении, где...

– Оставь, пожалуйста, в покое мои подвиги! – проворчал Очкасов.

– Царь Пётр очень ценил отца как образованного человека и знающего офицера. Вскоре после своей поездки в Париж государь пришёл к мысли о необходимости держать в иностранных столицах тайных военных агентов, которые могли бы следить за успехами и усовершенствованиями в области военного дела; в Париж он назначил с этой целью моего отца.

Отец вынес очень лестное впечатление от французской

образованности, и когда моя мать умерла, то он взял меня девятилетней девочкой в Париж, где поместил в монастырскую школу. При Петре Втором мой отец вышел в отставку и зажил в стороне от каких-либо дел. Крупное состояние позволяло ему не зависеть ни от службы, ни от царёвой милости. Меня отец оставил в Париже. Нравы, царившие при петербургском дворе, казались ему слишком опасными для молоденькой девушки: ведь мне было тогда всего около пятнадцати лет.

Вскоре после вступления на престол Анны Иоанновны мой отец увидал, что и жизнь, и его состояние в большой опасности.

Вам, конечно, известны обстоятельства, при которых вступила на престол императрица Анна. Партия старых бояр, предводительствуемая князьями Голицыным и Долгоруким, связала избранную государыню «кондициями», ограничившими монаршую власть и дававшими перевес старинной знати. Разумеется, в предполагаемом дележе русской земли были обделены представители других знатных домов. Тогда последние составили свою партию, готовую противодействовать притязаниям первой.

Нечего и говорить, что обе партии непременно хотели заполучить к себе моего отца. Но он решительно отказался вмешиваться в политические дела, зная, что из этого всё равно добра ни для кого не будет...

– Если бы ты следовала примеру отца, было бы гораздо

лучше! – снова буркнул Очкасов.

– Однажды, – продолжала Жанна, – князь Голицын в присутствии Остермана,<sup>29</sup> по обыкновению игравшего в обе стороны, прямо спросил отца, неужели же он, старый, родовитый боярин, не примкнёт к ним, защищающим интересы старой знати? Князь Дмитрий напомнил отцу, как Пётр Великий хотел пожаловать дедушке княжеский титул и как дедушка ответил.

– Я отцовский ответ на память заучил, – вступился Николай Петрович. – Вот он: «Понеже ныне титул весьма легко приобретается и каждый пирожник легко князем стать может, то всенижайше прошу меня, государь, от такого бесчестия избавить».

– Но отец твёрдо стоял на своём, заявив, что царёвы дела ведает только Бог и что негоже никому в такие дела нос совать.

Ответ отца через Остермана стал известен противной партии, и вот к отцу пожаловал – это было уже после приезда императрицы в Москву – князь Григорий Барятинский, приглашая его явиться вместе с прочими верноподданными дворянами во дворец и обратиться там к государыне с челобит-

---

<sup>29</sup> Остерман Андрей Иванович (Генрих-Иоанн-Фридрих) (1686–1747) – уроженец Вестфалии, на русской службе с 1704 г. Секретарь посольского приказа, вице-президент коллегии иностранных дел (1723). С 1725 года вице-канцлер, воспитатель императора Петра II. С 1734 года – первый кабинет-министр, сенатор. После переворота 1741 года арестован, приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Берёзов.

ной об уничтожении кондиций и принятии неограниченного самодержавия, как правила отцы и деды. Но и Барятинскому отец дал тот же ответ, опять-таки решительно отказавшись вмешиваться в дела правления.

Приняв самодержавие, императрица обрушила кары на вожakov партии старой знати. Главным образом пострадали Голицын и Долгорукие, причём больше всего доставалось наиболее богатым. Это вполне понятно: в то время казна была пуста, а имущество ссылаемых и казнимых конфисковывалось. Поэтому не мудрено, если ухитрились нарядить следствие даже над отцом, обвиняя его в сообщничестве с Голицыным. Ведь отец с его крупным состоянием был очень лакомым куском!

Хотя Григорий Барятинский и лез вон из кожи, показывая на следствии всякие небылицы, но мой отец сослался на Остермана, в присутствии которого дал ответ Голицыну, отказываясь вмешиваться в «царёвы дела». Невинность отца была уж очень очевидна, его осуждение могло только пошатнуть в глазах всей русской знати юный трон. Пришлось объявить его невиновным и даже обласкать. Но мой отец хорошо знал цену этой ласке. Не вдаваясь в обман, он стал исподволь принимать меры, чтобы иметь возможность в нужный момент скрыться за границу. Была куплена небольшая яхточка, которая стояла готовой к отплытию недалеко от нашего дома на Крестовском. Все имения, которыми отец владел совместно с братом Алексеем Петровичем в Московской, Киев-

ской и Смоленской губерниях, перешли на льготных условиях в собственность дяди. Наличные деньги были переведены в заграничные банки. Разумеется, всё это пришлось делать очень осторожно, чтобы не навлечь подозрений.

Обласкав отца, императрица в то же время пожелала, чтобы он оставил свой затворнический образ жизни и стал появляться при дворе, для чего назначили его камергером. Как ни неприятно было это отцу, но пришлось подчиниться... Собственно говоря, я до сих пор не понимаю, что заставляло отца продолжать жить в России, да ещё и в Петербурге, когда имелась полная возможность вовремя укрыться за границу...

– Гм! – несколько смущённо крикнул старик.

– По крайней мере, каждый раз, когда я спрашивала его об этом, он только крикал в ответ, вот совершенно как сейчас! Думаю также, что не одна забота обо мне заставляла держать меня в монастыре, хотя мне и было уже за двадцать лет. Судя по всему, тут дело было не без романа!

– Гм! – снова крикнул Очкасов. – Ты уж того...

– Но в мою судьбу вмешались высшие силы. Однажды императрица Анна Иоанновна напрямик спросила отца, что заставляет его держать за границей взрослую дочь, и приказала немедленно вызвать меня в Петербург, так как она желала зачислить меня в придворный штат принцессы Анны Леопольдовны.

Отец был очень удивлён, не понимая, как могла узнать им-

ператрица о моём существовании, тщательно скрываемом от всех. Но послушаться было нельзя. И вот немедленно были приняты меры к доставлению меня из Парижа.

Как ликовала я тогда! Мне шёл двадцать первый год – это было в 1735 году, – а я всё ещё не знала жизни иначе, как из книжек. Правда, читала, я много и упорно, но чем больше погружалась в чтение, тем пламеннее тянуло меня в широкую жизнь.

Не буду говорить вам, как я была разочарована с первых же моих шагов в России. Всё казалось мне диким, грубым, странным. В Париже мне приходилось бывать в семье де Нейлей, видеть там весь цвет аристократии, и то, что я встретила теперь как при дворе, так и в русских семьях, казалось мне чудовищным и ни с чем не сообразным. Русская дикость тесно сплотилась с немецкой грубостью. Грязь, неряшливость, уродливый, необузданный разврат, ханжество, грубость обращения – было от чего с ума сойти!

Семнадцатилетняя принцесса Анна Леопольдовна приняла меня на первых порах очень равнодушно. Это вообще очень вялая особа, и даже нередко под видом нездоровья она отказывалась идти к столу, так как ленилась умыться. Но вялость и лень не мешали ей быть капризной и жестокой: за малейшую провинность она колола булавками своих камеристок.

Если принцесса относилась ко мне сначала равнодушно, зато её наушницы, главным образом Адеркас и Менгден,

сразу возненавидели меня и старались, чем можно, отягчить моё существование. Тем сильнее привязалась я с первой же встречи к принцессе Елизавете, которая подошла ко мне, спросила мою фамилию, сказала, что отлично знает и любит моего отца как верного слугу великого преобразователя, и тут же нежно обняла меня и расцеловала. Она прибавила, что с удовольствием зазвала бы меня к себе, чтобы поговорить о её «милой Франции», но она боится навлечь на меня неприязнь «большого двора». Вообще, при всём дворе царица была самой очаровательной, самой привлекательной личностью. К сожалению, она появлялась довольно редко, и не всегда мне удавалось побыть с ней.

Тут я подхожу к сложному клубку, обвинившему мою жизнь. У принцессы Анны Леопольдовны была открытая связь с саксонским посланником, графом Карлом Морицем Линаром. Кроме императрицы, решительно все знали об этом, а герцог Бирон даже покровительствовал парочке. Делал он это по злобности: он рассчитывал женить на принцессе своего сына, а когда это не удалось, то глубоко возненавидел жениха принцессы, принца Антона. Заметив зарождающуюся любовь к Линару, Бирон опытной рукой повёл интригу и не успокоился, пока не кинул Анну Леопольдовну в объятия красавца-посла, который отличался крайней неразборчивостью в любовных делах.

Трудно, даже невозможно спокойно и последовательно передавать то, что так близко и болезненно касается самой

себя. Я должна скомкать окончание своего рассказа и представить его вам в виде вывода.

Бирон и Линар принялись подстергать меня в разных укромных уголках и преследовать выражениями своей любви. Линар из какого-то непонятного молодчества осмеливался даже любезничать со мной на придворных балах на глазах у всех. Это вооружило против меня Анну Леопольдовну, а против Линара – герцога.

Как я узнала потом, клеветы донесли герцогу, что Линар устраивает свидания в саду с какой-то фрейлиной, лицо которой не успели разобрать. Бирон вообразил, что эта тайная дама сердца посла – я. Однажды – это было весной 1735 года – герцог на придворном балу увёл меня в дальнюю гостиную, где пал передо мной на колени и стал умолять меня полюбить его, обещая за это все блага мира. Я страшно перепугалась, молила его встать и не губить меня, однако он ничего не хотел слышать и, словно безумный, целовал мне руки. Наконец мне удалось вырваться. Не зная, как избавиться от герцога, я крикнула, что паду к ногам её величества с просьбой защитить меня от наглого преследования.

Надо было видеть, как изменилось лицо Бирона! Он сейчас же встал, скрестил руки на груди и, сильно побледнев, сказал:

– Не советую! Гнев её величества обрушится только на вас же, и мне, право, будет жалко, если такая прелестная головка скатится с плеч под ловким ударом палача! Но я знаю,

кого вы предпочли мне! Ну погодите же! Вы увидите, какой монетой умеет платить Бирон за оскорбление! А теперь дайте мне вашу руку и вернёмся в зал. Потрудитесь не делать таких трагических гримас!

Словно ни в чём не бывало Бирон повёл меня обратно, весело и непринуждённо разговаривая. Я силилась улыбаться, но это плохо удавалось мне.

Бирон тут же приказал особенно тщательно следить за каждым шагом Линара. На беду, в этот вечер после бала у посла было назначено свидание с самой Анной Леопольдовной. Герцогу донесли, что посол тайно прокрался с кем-то в беседку. В полной уверенности, что это – я, Бирон пригласил нескольких человек пойти вместе с ним полюбоваться, как развлекаются русские аристократки, притворяющиеся неприступными и целомудренными. Дозор окружил беседку, герцог с приглашёнными ворвался туда, осветил факелами лица влюблённых и... отпрянул в большом смущении, увидев вместо меня принцессу Анну Леопольдовну. Позы застигнутых были слишком красноречивы, количество любопытных свидетелей достаточно велико. Затушить скандал оказалось уже невозможным. Линара удалили от двора и приказали немедленно уехать обратно в Саксонию.

Все видели, что перед этим я имела на балу довольно оживлённый разговор с герцогом, и принцесса Анна прямо обвинила меня в том, что я вывела Бирона на след. Это мнение особенно поддерживала в принцессе госпожа Адер-

кас, которую тоже прогнали обратно в Швейцарию. Нечего и говорить, что теперь ненависть принцессы ко мне дошла до сверхчеловеческих пределов. Она не постеснялась кинуть мне в лицо тягчайшие упрёки и жесточайшие оскорбления, перемешанные с угрозами.

Зная горячий нрав отца, я не хотела посвящать его на первых порах в свою беду, а решила поговорить сначала с царевной Елизаветой. Мне удалось тайно пробраться к ней, но, когда я раскрыла рот, чтобы начать говорить, то у меня вырвались рыдания пополам со смехом, и всё это закончилось глубоким обмороком. Принцесса Елизавета встревожилась, крикнула своего врача Лестока, и оба они принялись хлопотать надо мной.

Когда я успокоилась, царевна в присутствии Лестока стала нежно и заботливо расспрашивать меня, предупредив, что врача не надо бояться, так как это – её лучший друг. Я рассказала, как попала между двух огней, как любовь Бирона и ненависть принцессы Анны отравляют мне жизнь.

– Бедная девочка! – с глубоким сочувствием сказала Елизавета. – Боюсь, что тебе не избежать преследований ни того, ни другого. Единственное спасение – отказаться от службы и уехать куда-нибудь!

Она посоветовала мне открыть отцу только часть истины. Достаточно будет, если я скажу, что просто боюсь, как бы Бирон не стал преследовать меня любовными домогательствами, потому что он уж слишком любезен. Пусть отец под

предлогом моего нездоровья выпросит у императрицы моё увольнение. Только в этом моё единственное спасение!

– Сударыня! – спросил меня Лесток. – Ведь вы, кажется, принадлежите к старинному русскому роду?

– Да, – ответила я, удивлённая этим вопросом.

– Ваш батюшка был одним из сподвижников Великого Петра? – спросил он с особенным ударением.

– Да, – ответила я, всё ещё не понимая, куда он клонит.

– Теперь подумайте, – продолжал он, – мыслимо ли было бы что-нибудь подобное, возможно ли было бы такое унижение лучших русских людей, если бы родовитые бояре и сподвижники обожаемого императора не обошли его законной наследницы и дочери, царевны Елизаветы?

– Мне кажется, что все те, кто способствовал нарушению прав царевны, уже давно каются в этом! – воскликнула я, с обожанием глядя на грустно улыбавшуюся Елизавету.

– Каются и... только? – небрежно кинул Лесток, устремляя на меня пытливый взгляд.

Я поняла наконец.

– Ваше высочество! – сказала я, опускаясь на колени и прижимая к губам руку царевны. – Я – только слабая женщина. Но и женщины иногда совершали большие дела. Клянусь вам, если мне будет дана хоть какая-нибудь возможность содействовать исправлению великой ошибки России, то вся моя кровь, жизнь, состояние – всё и всецело будет принадлежать вашему высочеству!

Царевна нежно подняла меня и поцеловала в самые губы. Этим безмолвным поцелуем мы скрепили наш договор.

Отцу не удалось вызволить меня со службы. Императрица позвала принцессу Анну, и та при отце заявила, что я вовсе не больна, а просто ленива, и что она ни в коем случае не желает обойтись без меня. Присутствовавший при этом герцог Бирон с кривой усмешкой отпустил по моему адресу что-то ужасно дерзкое и грязное. Отец говорил мне потом, что еле удержался, чтобы не проломить ему голову...

– И жалею, зачем удержался! – буркнул Очкасов.

Жанна тотчас же заговорила опять:

– Во всяком случае, мой отец заметил герцогу, что неприлично так отзываться о достойной девице, да ещё в присутствии как её величества, так и отца. Герцог ответил новой дерзостью, отец не полез за словом в карман; но тут вмешалась Анна Иоанновна, прикрикнула на них обоих и приказала уйти да не ссориться.

– Вы ещё обо мне услышите, отец достойной девицы! – небрежно кинул Бирон моему отцу, выходя вместе с ним из кабинета императрицы.

До того времени я не знала, что у отца уже давно сделаны все приготовления на случай внезапного бегства. Моё положение с каждым днём всё ухудшалось, каждый день я молила отца придумать что-нибудь, чтобы избавиться от этой муки. Когда же – это было уже глубокой осенью – отец признался мне, что у него почти всё реализовано, а на Невке безмятеж-

но покачивается готовая к отплытию яхточка с иностранным экипажем, я накинулась на него с мольбами и упрёками, заклиная немедленно же бежать. Отец поддался моим мольбам и обещал, что через несколько дней он всё закончит и мы тайком двинемся в путь: он хотел устроиться так, чтобы Бирону не достались его картины и кое-какие редкости, которые немислимо было увезти с собой.

Вдруг императрица опасно заболела. Завещания о престолонаследии сделано не было. Теперь уже я сама просила отца не предпринимать ничего. Если императрица умрёт, то никакие Бироны не помогут и впредь держать царевну Елизавету вдали от трона. Я знала, что для царевны мой отец отступился бы от своего невмешательства в политические дела, а в такие важные минуты дорог каждый лишний человек, особенно если он знатен, богат и опытен в воинском деле.

Здоровье императрицы то немного улучшалось, то вновь вызывало страшные опасения. Моим врагам было теперь не до меня. Анна Леопольдовна целыми днями пролёживала на кровати вместе со своей неизменной приятельницей Юлианной Менгден,<sup>30</sup> а герцог, который до того при каждой встрече кидал мне в упор: «А всё-таки ты будешь моей!» – теперь даже не замечал моего присутствия. До того ли им всем было! Ведь умри императрица без завещания, так их тут же смели

---

<sup>30</sup> Как читатель увидит далее, Елизавета Петровна, явившись через шесть лет после описываемого времени арестовать правительницу, нашла её в одной кровати с Менгден.

бы с лица земли!

Так прошёл октябрь, и начался ноябрь. Наступили морозы, Нева покрылась льдом, и яхту пришлось отвести далее, почти к Кронштадту. И вдруг дворец облетела весть: камни, которыми страдала императрица, прошли благополучно, и теперь за её жизнь беспокоиться нечего; ещё неделя-другая спокойствия, и императрица встанет с постели здоровая. Беспокоиться нечего!

Беспокоиться нечего! Да, всем придворным немцам было от чего возвеселиться, а мне – от чего забеспокоиться! Уже на другой день я убедилась в этом. Когда я в коридоре встретила с Бироном, он широко расставил руки, схватил меня, прижал к себе и воскликнул тоном, которым говорят с женой или любовницей:

– О, дорогая! Мы не видались целую вечность.

Вне себя от негодования, я вырвалась и изо всей силы ударила его по лицу.

– Ах, вот как! – вскрикнул Бирон, бледнея от бешенства. – Ну погоди же ты, маленькая фурия!

Я сейчас же кинулась к отцу и сказала ему:

– Отец, если ты хочешь спасти от бесчестья свою дочь, мы должны сейчас же бежать!

Увы! Сама природа была против нас! Накануне был страшный мороз, и яхта обмёрзла. Надо было сначала обколоть лёд. Волей-неволей пришлось отложить бегство ещё на сутки. А тут всё это и случилось.

Я была в дежурной комнате, когда ко мне явился камер-лакей с заявлением, что императрица требует меня к себе. Как ни была я удивлена этим странным вызовом, но должна была повиноваться. И вот, проходя по полутёмному коридору, я вдруг почувствовала, что мне на голову падает какая-то ткань, и... я очнулась только в маленькой комнате. Должна сказать, что никакого одуряющего вещества в накинутой мне на голову ткани не было, а просто – неожиданность и быстрота, с которыми всё это совершилось, привели меня в какое-то оупление.

Я оглянулась. В комнате были только широкий диван, пара кресел, несколько стульев и простой стол. Совершенно машинально я вспомнила, что здесь когда-то была комната дежурных офицеров, теперь переведённых в другое помещение.

Передо мной стоял герцог Бирон. Скрестив руки на груди, он с дьявольской иронией смотрел на меня.

– Я говорил тебе, – сказал он, – что ты будешь моей! Ты не хотела добровольно отдаться... Тем хуже для тебя!

Я кричала, молила, грозила.

– Ничего, излей свою душу, девушка! – насмешливо сказал мне злодей. – Тебе это доставит некоторое удовольствие, а для меня совершенно безопасно, потому что из этой комнаты звуки далее коридора не выйдут, а по концам последнего стоят мои верные дозорные, которые вовремя предупредят меня, чтобы я мог зажать тебе рот.

Что-то ужасное было в этом дьявольском спокойствии. Я замолчала, безумными глазами озираясь по сторонам в надежде выискать хоть какое-нибудь средство спасения. Увы! Мои взоры не могли ничего отыскать!

Думая, что я в недостаточной мере укрощена, герцог подсел ко мне на диван и стал приставать с бесстыдными ласками. Я царапалась, визжала, кусалась и всё-таки отразила его нападения. Тогда герцог разыграл постыдную комедию.

Словом, отчаявшись овладеть мной, он подошёл к столу, где стояли бутылки и два бокала, и тяжело опустился в кресло. Он просидел минуты две в глубоком молчании, а затем сказал:

– Страсть завела меня слишком далеко! Я надеялся, что моя горячая любовь смягчит твоё жестокое сердце, девушка! Но ты холодна, как лёд... Что же делать!.. Видно, и правда, что насильно мил не будешь... Ты должна простить меня, а в знак прощения – чокнуться со мной этим, вином! – Он налил два бокала вина и подал один мне, говоря: – Это последняя милость, которой я прошу у тебя.

– Хорошо! – сказала я, обрадованная такой лёгкой победой. – Я выпью вино, если вы поклянётесь, что не будете далее задерживать меня и беспрепятственно выпустите из комнаты.

Он поклялся в этом самыми страшными клятвами. Я выпила вино, встала, хотела подойти к двери, но вдруг почувствовала, что руки и ноги у меня холодеют, а в голове наступит

пает какое-то безразличие. Плохо сознавая, что я делаю, я вернулась обратно к дивану... Больше уже я вплоть до пробуждения ничего не помню.

Когда я открыла глаза, я плохо сознавала, где я и что со мной. В первый момент меня как-то даже не беспокоило, что я лежу в растерзанном виде на диване в обществе мужчины, приводящего себя в порядок. Я обвела хмельным взглядом комнату. Вид двух бокалов, одного пустого, а другого полного, стоявших на столе, дал толчок сознанию, и я сразу поняла всё...

Не буду описывать вам свои чувства. Женский стыд мешает мне изобразить ту острую смесь физических и нравственных страданий, которую я ощутила, приходя в сознание. Боже, какой ад поднялся в моей душе!

Быть может, все мои дальнейшие поступки покажутся вам странными и несообразными. Очень возможно, что они и были таковыми. Но не забывайте, что я всё ещё была под действием одуряющего яда, данного мне в вине, и не смогла так быстро овладеть своими чувствами.

Заметив, что я очнулась и собираюсь встать, Бирон пытался удержать меня, что-то говорил мне. Не вслушиваясь в его слова, я безмолвно отстранила его руки и, пошатываясь, вышла из комнаты. Насколько я помню, он вышел следом за мной, но направился по коридору в другую комнату.

Вернувшись в комнату дежурных фрейлин, обычно пустую, я опустилась там в кресло и погрузилась в тяжёлую ду-

му. Вдруг сквозь дверь, которую я неплотно прикрыла за собой, я увидела отца, который шёл откуда-то...

– И сам не знаю почему, – вставил Николай Петрович. – Не помню, или Бог меня привёл...

– Я кинулась к нему и в двух словах сообщила о случившемся, – продолжала Жанна. – Отец смертельно побледнел, замахнулся на меня... Вдруг его рука повисла как плеть, и он с хриплым воем бросился прочь.

Расскажу сначала, куда побежал и что сделал отец. Он кинулся прямо в дворцовый кабинет герцога, застал Бирона там и с бешенством набросился на него. Герцог обнажил шпагу и крикнул дежурных офицеров. Когда два казака вбежали в кабинет и хотели по приказанию Бирона арестовать отца, он крикнул им:

– Что? Арестовать меня, Очкасова? Руки прочь, молоко-сосы!

Он был так страшен, что казаки невольно отступили. Растерявшийся Бирон даже не распорядился преследовать его. Отец хотел сейчас же пасть к ногам императрицы, но она была больна, и его не впустили.

Когда отец скрылся, я впервые в полной мере охватила весь ужас постигшего меня оскорбления и несчастья. Не сознавая, что я делаю, я кинулась в спальню Анны Леопольдовны и там упала к ногам принцессы, умоляя о защите. Я забыла, что она ненавидит меня, я видела в ней только женщину, способную понять женское горе.

Я ошиблась. Выразив первоначально своё возмущение тем, что я осмелилась явиться в таком растрёпанном виде, и узнав затем, что со мной случилось, принцесса воскликнула:

– Возмутительная наглость! Эта девка открыто развратничает чуть не на глазах императрицы, а потом является к принцессе крови, чтобы хвастаться своей мерзостью!

Отчаяние перешло у меня в припадок дикого бешенства. Я вскочила и, впиваясь горящим ненавистью взглядом в принцессу, отчеканила:

– Да, вы – принцесса крови, это правда! Кровь, жестокость, издевательство – вот ваш мир, принцесса!

– Как ты смеешь... – закричала она.

Но я не дала ей продолжать.

– Развратничать по собственной охоте – не наглость, а жаловаться на насилие... Ах, да что с вами говорить! Как я вас ненавижу, как презираю я вас, принцесса крови! – кинула я ей в лицо, опьянённая собственным бешенством.

Анна Леопольдовна гневно оглянулась по сторонам, но никого из её клеветов не было.

– Хорошо же! – сказала она с угрозой. – Теперь я сразу за всё заплачу тебе!

Она вышла, скорее выбежала из комнаты. Я на мгновение глубоко задумалась. Да, моя песенка спета! Но неужели так и даться им в руки? Меня опозорили, надо мною нагло надругались, и я же должна ещё пострадать за это? Нет, лучше добровольная смерть, чем торжество злодеев! Но ведь и

смерть моя будет им торжеством! Что же делать? У кого искать защиты?

Вдруг мою одурманенную голову осенила мысль, показавшаяся блестящей. Царевна Елизавета! Как же я до сих пор не подумала о ней? Она что-нибудь придумает, она защитит, укроет...

Конечно, если бы мой отравленный мозг работал правильно, мне не пришло бы в голову искать защиты у царевны, которая сама была далеко не в безопасности. Но, повторяю, я всё ещё не могла овладеть всецело своими чувствами, и мысль шла у меня какими-то скачками.

Мои санки стояли около дворца. Я поспешно оделась, спустилась вниз, села в сани и приказала кучеру гнать лошадей что есть силы. Свежий морозный воздух начал производить своё действие, я уже жалела, зачем отправилась к царевне Елизавете. Я хотела было повернуть обратно, но уж очень просило сердце женской власти и сочувствия. Тут только я поняла, как тяжело девушке без матери, которую не может заменить даже лучший из отцов!

Елизаветы не было, мне сказали, что она отправилась во дворец поздравить императрицу с благоприятным оборотом болезни. Я села и стала ждать.

Сумерки всё сгущались, мало-помалу наступила темнота. Наконец вернулась царевна. С первого взгляда я поняла, что она была чем-то глубоко взволнована.

– Несчастная! – крикнула она, увидев меня. – Ты ещё

здесь? Беги же, спасайся, укройся где-нибудь, пока не поздно. Нельзя терять ни минуты! Ещё час-два – и будет поздно.

Тут только я вспомнила, что ведь у нас всё готово для бегства. Дал бы только Господь выбраться!

В нескольких словах я успокоила царевну за нашу судьбу, и тогда она рассказала мне следующее. Она как раз была у императрицы, когда туда ворвался герцог Бирон с жалобой на моего отца, а потом принцесса Анна – с жалобой на меня. Императрица не стала даже входить в подробности. Видно было, что она была очень довольна этими жалобами.

– Уже давно, – воскликнула она, – я добираюсь до этой семьи изменников!

Принцесса Анна хотела убить двух зайцев разом и использовать историю против герцога, но императрица сразу оборвала её, сказав, что она сама сведёт счёты с Бироном.

Тут же был отдан приказ об аресте и допросе «с пристрастием», то есть под пыткой. Отца обвинили в злоумышлении на жизнь герцога и в бесчинстве во дворце, меня – в бесстыдстве и оскорблении члена императорской фамилии. Опасаясь, как бы вся эта история не наделала излишнего шума и не вызвала лишних толков, арестовать нас было приказано тайно этой же ночью.

Рассказав всё это, царевна обняла и расцеловала меня, а когда я опустилась на колени, чтобы благоговейно облобызать ей руку, она со слезами на глазах благословила меня и пожелала удачи; мы тут же установили путь, посредством ко-

тогого нам было бы возможно сноситься друг с другом.

Я понеслась домой. Отец был у себя в кабинете и взволнованно ходил из угла в угол. Я стала молить его поскорее приниматься за сборы, но он ответил, что теперь жизнь – ни его собственная, ни моя – уже не дорога ему и что он не уедет, не отомстив. Я постаралась уверить его, что, оставаясь здесь, мы не сможем мстить, и мне удалось победить его сопротивление.

У нас уже давно были заготовлены вольные для всех наших дворовых. Отец собрал их всех, одарил деньгами, вручил вольные, но за это потребовал исполнения его воли: дом со всем, что там есть, должен быть сожжён, а дворня должна сейчас же разойтись и ни словом не обмолвиться, куда отправились господа.

Пока мы наскоро собирались, по всем комнатам на пол навалили дров, набросали лучин, корья, промасленных тряпок. Подали сани, все вышли из дома, отец перекрестился, взял поданный ему горящий факел, кинул его в середину комнаты, убедился, что огонь занялся, приказал наглухо запереть двери, и мы тронулись в путь.

Лошади неслись, как вихрь, по льду. Лёд был ещё тонковат, порой грозно потрескивал, бывало и так, что мы одним полозом неслись над полыньёй. Однако нам было всё равно – то, что ожидало нас позади, было хуже самой страшной смерти.

Мы благополучно добрались до своей яхты. На наше сча-

стье, ветер был попутный, и вскоре мы уже могли облегчённо вздохнуть: мы были за пределами досягаемости!

Жанна замолчала, мрачно погрузившись в тяжёлые воспоминания. Старик Очкасов молча дёргал себя за седые усы. Молчал и Столбин, в груди которого боролись самые разнородные чувства: тоска по любимой, ненависть к поработорителям-немцам, сострадание и почтение к этой молодой, прекрасной, так рано испорченной людьми жизни... Но над всеми этими личными впечатлениями доминирующей нотой дрожал страстный призыв Жанны: «Вспомните, мало ли других Оленек, которым не удастся отделаться так легко!» И он чувствовал, что всё эгоистическое, личное, малодушное отступает в его душе перед ярким сознанием необходимости бесстрашно встать на защиту несчастной родины.

## VIII

### «Я НАШЁЛ ТЕБЯ, ДЕВУШКА»

В Версале царило радостное оживление. Тоска Людовика XV прошла, и опять двор зажил прежней блестящей жизнью. После долгого перерыва сегодня у короля снова был назначен вход «по праву» и «парадный» вход. На первом предстояло обсудить детали блестящего весеннего праздника, который хотел дать король в Шуази-ле-Руа.

Впрочем, сначала мы должны дать читателю объяснение по поводу употреблённых терминов – вход «по праву» и «па-

радный».

Этикет французских королей вообще отличался большой сложностью, которая была ещё увеличена Людовиком XV. Вечно мятущийся дух Людовика, не будучи в силах найти смысл жизни в её внутреннем содержании, волей-неволей обращался в сторону внешних форм. Правда, сам король нередко нарушал этикет, но в том-то и была вся прелесть, что можно было что-нибудь нарушать: это всё-таки давало жизни некоторое разнообразие!

У прежних французских королей при вставании и в отходе ко сну были просто большие и малые приёмы. Людовик разделил эти утренние и вечерние приёмы на ряд «входов», из которых главнейшими были: домашние, парадные, по праву и кабинетные.

Право «домашнего» входа разрешало находиться около королевской постели во время вставания и отхода ко сну короля. Кроме принцев крови, оно мало кому давалось.

Когда король начинал вставать с постели, тогда к нему допускались лица, имеющие право «кабинетного» входа.

Умывшись и одевшись в халат, король принимал приветствия лиц, имевших вход «по праву». Этими лицами обыкновенно бывали приближённые и друзья Людовика.

Наконец, завершив свой туалет, король выходил из спальни в смежный кабинет-салон, куда допускались придворные, имевшие право «парадного» входа.

Вечером, при отходе короля ко сну, его до салона прово-

жали лица, имевшие все четыре права. Здесь король обращался к тому или другому придворному с милостивым разговором. В установленный час маршал дворца стучал о пол своей булавой и провозглашал: «Входите, господа!» После этого все, имевшие только право на «кабинетный» или «парадный» вход, удалялись, и по выходе их король давал держать подсвечник кому-нибудь из наиболее близких друзей. Это считалось большой честью, и на другой день про счастливец весь город с завистью говорил:

– Представьте себе! Король дал вчера такому-то держать подсвечник!

Итак, мы упомянули, что в это утро были назначены входы «по праву» и «парадный». Мы застаём Людовика во время первого. Одетый в халат король с весёлым видом восседал на кресле, окружённый своими ближайшими друзьями.

Среди них особенно выделялся герцог Ришелье, человек уже немолодой годами, но по духу сродни молодому обществу молодого короля. Изнеженный, выхоленный, он в то же время был отличным воякой. Вечно занимавшийся туалетом да любовными интрижками, он находил время почитать серьёзную книгу. Для короля он был незаменимым товарищем и собеседником. В дипломатических тонкостях, в охотничьих вопросах, в военном деле, в любовных делах, в вопросах чести, этикета, обычая или моды – везде он мог дать веский и разумный совет. В этом обществе он безусловно задавал тон, особенно в отношении туалета: герцог был моделью

для всей изысканной Франции.

Около Ришелье стоял ла Тремуиль, любимец Людовика, высокий, статный красавец. Командуя в сражении при Фонтенуа эскадромом, ла Тремуиль шутя врезался один в самое сердце английской конницы. Его выбили из седла; нога зацепилась за стремя, а лошадь, бросившаяся обратно к французскому лагерю, поволокла его по земле. Ла Тремуиль мог бы значительно облегчить себе это неудобное положение, если бы схватился обеими руками за стремя. Но он даже и не подумал об этом. Его главной заботой была мысль о том, как бы не испортить себе лицо, и он поспешил прикрыть его обеими руками!

Но таковы были уже все они, эти молодые люди с внешностью женщины и с сердцем льва, которые стояли теперь около сиявшего радостью короля. Граф д'Айен, маркизы Жевр, Коаньи, д'Антен и герцоги Нивернуа участвовали не в одной войне и своей беззаветной отвагой помогали выиграть не одно сражение, устремляясь в бой с нарядной шляпой в руке, с накрахмаленными манжетами, с бантом на правом плече и ухитряясь в сражении не изменять и не испортить своего изящного туалета.

– Итак, господа, – сказал король, обводя всех присутствующих милостивым взглядом, – я сказал вам, что мне хочется достойно отпраздновать вступление на сезонный престол красавицы – принцессы Весны. В последнее время нездоровье мешало мне уделять своим друзьям столько времени,

сколько мне хотелось бы, да и прелестный Шуази, я думаю, уже соскучился по вашему весёлому смеху. Как хорошо будет нам пожить там несколько дней, сторонясь всякой натянутости, церемониальности, этикета! Так придумайте же, друзья мои, что-нибудь красивое, блестящее! Разрешаю вам отбросить всякий этикет и говорить, не дожидаясь вопросов, и, если кому-нибудь придёт в голову хорошая мысль, пусть сейчас же делится ею с нами! Так говорите же, господа!

– Мне кажется, ваше величество, – сказал Ришелье, – что наше празднество надо разделить на две части: первая – торжественный переезд в специально разукрашенных галерах до Шуази, вторая – праздник весны в самом замке...

– Вношу маленькую поправку, – добавил Коаньи, – наше общество надо разделить на две части. Одни отправятся в Шуази заранее, другие поедут этим блестящим поездом. Его величество будет со вторыми, а первые устроят торжественную встречу королю. Сама принцесса Весна выйдет навстречу галере и произнесёт приветственную речь, в которой выскажет радость прибытию его величества и скажет, что её замок и весь штат её прислужников и прислужниц к услугам возлюбленного короля.

– Отличная мысль! – воскликнул ла Тремуйль. – А потом король захочет ответить любезностью на любезность и будет чествовать принцессу Весну! Её посадят на специально устроенный пьедестал, а сам король воздаст ей подходящие почести!

– Вообще, – сказал Жевр, – можно выработать целую программу торжественного балета и маленькой интермедии в честь Весны. Надо сейчас же послать за Мариво и посадить его за эту работу. У него такой дивный, грациозный стих!<sup>31</sup>

– Кстати, господа, – сказал Людовик, – не знаете ли вы, что случилось с Суврэ? Просто не понимаю, что могло задержать его! Он был бы так полезен нам при этом обсуждении!

– Тем более, – насмешливо заметил д'Айен, – что Жевр соскучился по стишкам, а если бы здесь был Суврэ, так он уже давно засыпал бы нас цитатами!

Все расхохотались при этом намёке на страсть Суврэ говорить книжными фразами.

– Однако, господа, – заметил король, – не будем терять дорогое время на злословие! Итак, вторая часть празднества у нас уже намечена в общих чертах, и я вполне одобряю её. Сначала встреча нашей галеры свитой Весны, затем торжественный пир в замке, вечером при свете факелов – чествование Весны, интермедия, балет, маскарад, заканчивающийся ужином. На другой день, конечно, грандиозная охота. Ну, а далее мы уже придумаем. Теперь относительно первой части нашего празднества. Вы сказали, герцог, что, по вашему мнению, туда надо отправиться в галерах. Отличная мысль!

---

<sup>31</sup> В описываемую эпоху общество короля имело своим постоянным художником знаменитого Ватто, своим романистом – Кребильона-сына, своим поэтом-драматургом – Мариво. Произведения последнего отличались очень красивым стихом, остроумием и поэтичностью, но их портили излишняя манерность, изысканность и пристрастие к символам.

Но надо разработать детали. Как вы рисуете себе это путешествие?

– А вот как, государь. В зависимости от числа приглашённых лиц надо взять одну или две галеры и сейчас же приказать взяться за работы по украшению их. За этими работами могу присмотреть я сам.

– О, ваш вкус – ручательство того, что это будет чудом изящества и красоты, герцог! – ласково сказал Людовик.

– Я прикажу, – продолжал Ришелье, – корпус галеры посеребрить, вёсла позолотить...

– Но это – долгая история! – заметил Тремуйль.

– Нет, я знаю способ делать это на скорую руку! Затем корпус галеры будет разукрашен флагами и цветочными гирляндами. Верхняя палуба будет вся устлана материями, на особом возвышении будет устроена беседка из живых цветов, где воссядет его величество...

– Но, помилуй Бог, герцог! – испуганно воскликнул король. – Чего всё это нам будет стоить! Опять этот скучный Флери начнёт ныть, уверять, будто у него нет денег, читать нотации... Конечно, я добьюсь своего, но при одной мысли, что придётся опять иметь дело с этим ворчуном, я готов отказаться от нашего праздника.

– Ах, государь! – сказал Жевр. – Я просто не могу понять, как это ваше величество терпит подобное обращение. Если бы обращались так со мной, так я показал бы этому господину, где раки зимуют!

– Что же делать, милый Жевр, – ответил король. – Флери хоть и придерживает мошну, но там кое-что всё-таки есть, и в крайнем случае всегда можно на него рассчитывать. А покойный герцог Орлеанский был очень щедр, только вот не из чего было ему проявлять эту щедрость, так как казна вечно пустовала. При настоящем положении вещей таким человеком, как кардинал, надо очень дорожить!

– И всё-таки, будь он хоть семи пядей во лбу, – подхватил Тремуйль, – а я от души ненавижу его и порадуюсь-таки, когда чёрт унесёт его чёрствую душу!

– Ну, кардинал платит тебе тем же, Тремуйль! – улыбаясь, ответил король. – Между прочим, знаете ли вы, господа, что недавно Флери требовал от меня приказа об изгнании Тремуйля, Жевра и Суврэ? Я был в дурном расположении духа, а потому так прикрикнул на кардинала, что даже он испугался и не пустил в ход своего обычного средства – прошения об отставке. Надеюсь, что мне удастся защитить вас, друзья мои, хотя, должен сознаться, это не так легко. Увы! Флери нужен, и он широко использует свою необходимость!

– Мой король! – сказал ла Тремуйль, подходя ближе к Людовику и преклоняя колена. – Я ненавижу кардинала и готов пойти на всё, лишь бы не доставлять ему малейшего торжества. Но если это нужно вашему величеству, то скажите лишь слово, и мы – мне кажется, я могу говорить за всех? – сейчас же скроемся с глаз, чтобы не ставить обожаемого короля в необходимость выбирать между пользой и неприят-

ностью!

– Дай Бог, ла Тремуиль, – взволнованным голосом ответил король, – чтобы мне не пришлось напоминать тебе об этих словах! Но я всё-таки не понимаю, чем это вы так рассердили Флери? Вы послушали бы, чего он только не наговорил про вас! Поверь ему, так вы – и развратники, и безбожники, и бунтовщики!

*Qui meprise Cotin n'estime point son roi  
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi»,<sup>32</sup> —*

произнёс молодой, насмешливый голос из-за спины окруживших короля приближённых.

– Суврэ! – радостно воскликнул король.

– И, конечно, с готовой цитатой! – насмешливо добавил д'Айен.

– Откуда ты, Суврэ? – продолжал Людовик. – И какое важное дело могло заставить тебя пропустить утренний приём у твоего короля и друга?

Суврэ протиснулся сквозь кольцо друзей, окружающих кресло короля, и сказал, преклонив колено:

– Это я могу сказать только вашему величеству!

– Вот как? – удивился король. – Господа, отойдите в сторону!

---

<sup>32</sup> «Кто презирает Котэна, тот не уважает своего короля, и, если верить Котэну, не имеет ни Бога, ни веры, ни совести» (Из сатиры Буало, направленной против аббата Котэна, известного проповедника и писателя (1604–1632 гг.).

Все поспешно отошли в дальний угол комнаты.

– А теперь встань и рассказывай, – приказал король.

– Вчера, ваше величество, я имел новое объяснение с дамой своего сердца, и опять это свидание только расстроило меня. Вследствие этого я не мог как следует заснуть всю ночь и сегодня проснулся очень рано. Вот мне и пришло в голову побродить немного по парку в ожидании начала входа у вашего величества. Я оделся и направился по Версалью к парку. Я был одень расстроен, а потому рассеян. По дороге я в задумчивости часто останавливался. И вот – какая досада, что я совершенно не могу вспомнить, в каком именно месте это было! – я случайно остановился около какого-то домика и погрузился в глубокое раздумье о том, чем и как бы мне пленить неприступное сердце моей дамы. По рассеянности я даже снял шляпу и с отчаяния дёргал себя за волосы. Звонкий девичий смех вывел меня из задумчивости. Я оглянулся и заметил, что стою как раз у окна, из-за занавески которого на меня смотрит пара смеющихся женских глаз...

– И ты, конечно, поспешил утешиться, а потому и опоздал?

– О нет, ваше величество, дело было далеко не так просто! Заметив, что за мной следят, я раздражённо передёрнул плечами и быстрым шагом пошёл далее. У самого входа в парк меня догнала молоденькая девушка, видимо горничная, и сказала мне: «Моя госпожа, благородная дама, имеющая все права на внимание и помощь французского рыцаря, про-

сит вас присесть здесь на скамейку и подождать». Не успел я ответить что-либо, как девица скрылась. Что мне оставалось делать? Я не мог отказать даме, нуждавшейся в моей помощи, и должен был присесть на скамейку. Я просидел добрых полчаса. Вдруг является та же девушка, сует мне в руки какой-то пакет и немедленно скрывается. Вся эта история заинтересовала меня до последней степени, и этим-то объясняется, что я не принял никаких мер, чтобы разоблачить окружавшую её тайну. Я удивлённо взял в руки пакет, прочитал адрес: «Маркизу де Суврэ» и вскрыл. Вот этот пакет, благоволи́те сами ознакомиться с его содержанием!

Суврэ подал Людовику толстый конверт. Король, видимо заинтересованный, взял его и достал оттуда другой конверт, обёрнутый письмом. В письме было написано:

«По кольцу на пальце я узнала Вас, маркиз де Суврэ! Не откажите мне в любезности и передайте вложенное в этот пакет письмо вашему товарищу, бедному юристу маскарада! Фортуна».

Людовик вскрыл запечатанный конверт, достал оттуда письмо и вполголоса прочёл его:

«О мой черноглазый бедный юрист! До сих пор в моих ушах стоит звук твоего божественного голоса, когда ты говорил мне: «Позволь мне проводить тебя, девушка! Я буду сторожить твой сон!» Почему я заупрямилась тогда и не дала тебе проводить меня? Как я раскаиваюсь в этом! Если бы я согласилась, ты стал бы действительно сторожить мой сон. А

теперь, лишённая своего очаровательного сторожа, я не могу заснуть. Страстные видения толпятся жестоким роем вокруг моего изголовья, терзают, дразнят и не дают богу Морфею подступить к моей воспалённой голове... И, утомлённая, обессиленная, я словно в бреду повторяю: «Позволь мне проводить тебя, девушка! Я стану сторожить твой сон!..»

О мой юрист! О жестокий похититель моего сна, спокойствия и... сердца! Верни мне мою безмятежность!

Увы! Я не могу даже мечтать об этом! Раз твоим товарищем был маркиз де Суврэ, значит, ты так же знатен и могуществен, как он, а следовательно, не захочешь и смотреть на меня, ничтожную, скромную... Бедная я! Бедное «Счастье»!

Целую тебя хоть мысленно, раз мне не суждено когда-либо испытать это счастье на деле...

О злой бедный юрист! Зачем ты смутил мой покой? Твоя несчастная *Фортуна*».

– Суврэ! – вскрикнул король, хватая маркиза за руку. – Ты должен, понимаешь ли, должен отыскать мне её! Но мы ещё поговорим с тобой об этом в Шуази. Бери сколько хочешь денег, подними на ноги всех сыщиков, делай, словом, что хочешь, но я должен знать, кто эта Фортуна! Подойдите, господа, – обратился он к остальным, – и давайте посвятим маркиза в нашу затею. – Король сообщил маркизу план намеченного празднества и сказал затем. – Я думаю, господа, что к послезавтра можно будет окончить все приготовления. Да? В таком случае празднество состоится послезавтра.

Маркиза де Суврэ мы назначим маршалом двора принцессы Весны и возложим на него все приготовления по внешнему устройству. Ла Тремуйль возьмёт на себя устройство праздника в честь Весны, а Ришелье – поездку в галерах. Пусть каждый из них выберет себе из числа присутствующих по помощнику; да, а Жевр пусть отправится к Мариво, чтобы тот написал нам все необходимые стихи. Ну а теперь, как вы думаете, кто будет у нас принцессой Весной?

– Мне кажется, очаровательная де Майльи имеет все права на первенство в этом отношении! – сказал д'Айен.

– О нет, – возразил Суврэ, – как ни очаровательна графиня, но она не очень-то искусна в танцах, а ведь Весне придётся, сойдя с пьедестала, протанцевать пляску радости! Я предложил бы для этой роли графиню Тулузскую. Она красива, изящна, дивно сложена и великолепно танцует!

– Утверждаю! – торжественно сказал король. – Ну, а первыми дамами её свиты, по-моему, надо назначить наших весёлых подружек – принцесс Шаролэ, Клермон и Сан. Впрочем, список приглашённых и их распределение на две партии мы выработаем сегодня вечером. Ну, а тебе, Суврэ, придётся выехать в Шуази теперь же. Кстати, зайди к де Майльи и скажи ей, чтобы она была готова принять меня сегодня вечером. Мне надо и с ней тоже обсудить кое-что. Да вот что, господа, приглашаю вас всех сегодня к графине – там мы всё и обсудим!

– Ваше величество, – сказал Суврэ, – ввиду того, что я

не могу принять участие в этом совещании, позволю себе просить ваше величество не обойти приглашением также и сестры графини де Майльи!

– Девушки де Нейль? – сказал король, слегка наморщивая лоб. – Ну что же, пусть едет. Но только она, кажется, очень неинтересна?

– О, нет, государь, она очень остроумна, жива и весела. Кроме того, графиня говорила мне, что её сестра отлично танцует!

– Ну что же, пусть едет, пусть едет! – милостиво согласился король. – А теперь, господа, выйдите в салон. Мне надо одеться и на минутку показаться ожидающим меня к «парадному» выходу!

Приближённые короля весёлой гурьбой вышли в соседнюю комнату, где уже собралась довольно порядочная толпа придворных, ожидавших королевского выхода.

Граф д'Айен вышел под руку с Суврэ, с которым его связывала самая нежная, интимная дружба, и сказал ему:

– Слушай, Суврэ! Ты, конечно, избере́шь своим помощником меня?

– Я-то с удовольствием, – ответил Суврэ, – но что скажет прелестная д'Этиоль?

– Ах, измучила меня эта женщина! – с отчаянием сказал д'Айен.

– Вот тебе на! – сказал маркиз. – Но чем же? Насколько я знаю, ты сразу одержал решительную и лёгкую победу!

– Вот именно этим самым! – ответил граф. – Каждый раз, когда я вижу, с каким искусством эта женщина обманывает мужа, с какой лёгкостью она отдаётся моим объятиям, мне невольно думается, что, быть может, она так же обманывает и меня, и другого, и третьего... Её ласки отравляют меня, Суврэ! Ну да что об этом говорить! Так скажи, ты берёшь меня?

– Да, с удовольствием, милый Шарль! Только ты должен будешь согласиться на мои условия.

– Какие?

– Очень лёгкие Ты должен будешь, не спрашивая к чему, не требуя объяснений, сказать две-три незначительных фразы. Так нужно!

– Только всего? Анри, ты мог бы требовать от меня чего-нибудь большего! Но ты тоже какой-то хмурый. Что с тобой? Как у тебя дела с твоей Жанной? Верно, она опять замучила тебя своей суровостью?

– Эх, что говорить, Шарль! Вот ты жалуешься на доступность своей Этиоль, а мне приходится жаловаться на недоступность Жанны. Ты вот называешь её «моей» Жанной, а между тем «*It ne Tai point encor embrasse d'aujourd'hui*».<sup>33</sup>

– Ты и в горе говоришь стихами, Анри! – рассмеялся д'Айен.

– Вот например, вчера, – продолжал Суврэ – Прихожу к Жанне весь объятый нежностью, готовый молиться на неё.

---

<sup>33</sup> «Я ещё ни разу не поцеловал её до сих пор» («Андромаха», трагедия Расина)

Она битых два часа говорит о политике, о своей родине, о своих намерениях. Всё шло довольно сносно, она даже была нежнее со мной, чем всегда... Но, когда я с радостью вновь заговорил с ней о своих чувствах, она опять сурово оборвала меня, сказав, что у меня в голове ветер, что... Ах, да что тут повторять все эти суровые, жестокие слова! Знаешь, Шарль, по временам впадаю в такое отчаяние, в такую злобу... Вот сейчас я, кажется, был бы рад, если бы меня кто-нибудь задел.

– Ну и кровожадный же ты человек, Анри! – улыбнулся граф.

– Слушай, что это за чудовище в голубом камзоле? – с каким-то ужасом спросил Суврэ, показывая кивком головы на гордо стоявшего в дальнем углу высокого, плечистого гиганта, одетого очень нарядно, но безвкусно и с претензиями.

– Как, ты его не знаешь? Ах да, ведь тебя долго не было в Версале! Это – гасконский дворянин шевалье де ла Хот-Гаронн. Он беден, как церковная мышь, а свиреп и жаден, как не знаю кто!

– Но как же удалось попасть ко двору такому чудовищу? Господи, да одни рыжие усы чего стоят!

– Ко двору он представлен кардиналом Флери, которого усиленно просила об этом маркиза де Бледекур. А ведь всем известно, что связывает эту старую блудницу с его эминенцией!<sup>34</sup>

---

<sup>34</sup> Эминенция – титул католических епископов и кардиналов (Ред.).

– Ну да, утверждают, и не без основания, что маркиза из-за простой любви к приключениям служит тайным агентом кардинала. Ну, а этот урод служит утешителем старческой доли маркизы, не так ли?

– Да! Ведь он был нищ и гол, когда прибыл в Париж, а теперь, посмотри-ка только, в каких камзолах он щеголяет! Загляденье! А бриллианты! И ведь потеха – ты знаешь, что маркиза неутомима в интрижках...

– Да кто же этого не знает!

– Ла Пейрони<sup>35</sup> говорил мне, что это у неё болезнь. Ну вот, маркиза не может удовольствоваться любовью этого Геркулеса и вечно ищет интрижек на стороне. А ла Хот-Гаронн ревнует её и даже поколачивает! Разумеется, ревнует не её, а её деньги!

– Фи, какая гадина! – брезгливо сказал Суврэ, бросая пренебрежительный взгляд на гасконца.

Тот инстинктивно почувствовал, что говорят о нём, и, поймав взгляд маркиза де Суврэ, надменно вытянулся, закрутил огненно-рыжий ус и ответил маркизу полным вызова взглядом.

– Эге, голубчик! – сказал Суврэ. – Так ты ещё осмеливаешься кидать такие взгляды? Ну погоди, я тебя проучу! Идём, Шарль!

– Да брось, Суврэ! – пытался остановить его д'Айен. – Ну охота тебе связываться со всяким проходимцем? К тому же

---

<sup>35</sup> Лейб-хирург Людовика XV

говорят, что он не только силён, но и ловок, и что он на диво хорошо фехтует!

– А вот это интересно, это совсем интересно! – радостно ответил маркиз. – Ты знаешь, Шарль, я тоже не очень плохо фехтую, и такой поединок мне совсем по душе!

– Но не можешь же ты вызвать его только за то, что у него рыжие усы и дерзкий взгляд!

– Я и не собираюсь вызывать его, он сам меня вызовет! – смеясь, ответил Суврэ. – Идём, Шарль! Обещаю тебе весёлую минутку.

Заметив, что Суврэ и д'Айен подходят к нему, ла Хот-Гаронн принял ещё более надменную и дерзкую осанку.

– Милостивый государь, – сказал Суврэ, обращаясь к гасконцу с самой обворожительной улыбкой, – я всё время любовался вашим дивным камзолом. Не откажите в любезности, скажите, кто шил его вам?

– Шерод! – буркнул ла Хот-Гаронн, знавший, что Суврэ – насмешник большой руки, а потому ожидавший какой-нибудь выходки.

Все близстоящие замолчали и повернулись к ним. Ведь насмешливость маркиза де Суврэ была всем известна, гасконца же с первого момента его появления при дворе все невзлюбили, и теперь свидетели разговора с затаённой улыбкой ждали, какое коленце выкинет неутомимый забавник.

– Вот как! – всё с той же любезной улыбкой подхватил Анри. – Шерод? Тогда понятно всё! Только этот волшебник,

только этот артист портняжного цеха мог создать подобный шедевр. Но скажите, сударь, ведь цвет вашего камзола не чисто голубой. Это – какой-то оттенок. Но какой именно?

– Сами видите, что это небесно-голубой! – раздражённо ответил ла Хот-Гаронн.

– Неужели? – удивился Суврэ. – А мне почему-то казалось, что этот камзол скорее... – он выдержал, словно опытный актёр, паузу и продолжал: – Скорее... придворно-голубой!

Раздался взрыв дружного смеха.

Гасконец побледнел, позеленел, его усы растопырились, а глаза налились кровью.

Для того чтобы читатель мог понять, что именно вызвало смех слушателей и бешенство гасконца, поясним следующее. По-французски небесно-голубой будет «бле-де-силь», а фамилию маркизы, содержавшей ла Хот-Гаронна, – «Бле-де-кур», можно перевести по русски «придворно-голубой». Разумеется, как сам гасконец, так и все свидетели этой сцены сразу поняли, что Суврэ намекал этой игрой слов на сомнительный источник существования гасконца.

– Милостивый государь! – вскрикнул последний, свирепо вращая глазами и хватаясь за шпагу. – Вы мне ответите за эту дерзость!

– О, пожалуйста! – небрежно ответил Суврэ. – Когда только вам будет угодно! Может быть, вы хотите тут же на месте проявить свою храбрость?

– Завтра же мои друзья будут у ваших!

– О нет, завтра я не могу! Его величество отправляет меня сейчас же в Шуази, и до исполнения королевского поручения я не смею рисковать жизнью. Но через неделю мы, вероятно, вернёмся в Париж, и, если ваша храбрость к тому времени не остынет, то граф д'Айен уполномочен мною решить с вашим уполномоченным все условия нашей встречи. Имею честь кланяться, сударь! – И Суврэ в восторге, что ему удалось хоть на ком-либо сорвать свою злобу, взял под руку графа д'Айен и ушёл с ним, говоря: – Ну вот, теперь всё хорошо, Шарль. Надо сказать кому-нибудь – ну хоть д'Антену, что ли, – что я выбрал своим помощником тебя и увёз с собой. Пусть передадут его величеству. А теперь пойдём! Зайдём к де Майльи, да и в Шуази!

\* \* \*

Через день рано утром блестящий поезд направился из Версаля в Сен-Клу. Длинный ряд экипажей вёз короля и приглашённых им лиц к Сене, где их ожидала разукрашенная и принаряженная галера. Король любезно подал руку графине де Майльи, помог ей войти на палубу и провёл в устроенную на небольшом возвышении цветочную беседку, где и уселся с нею на приготовленных креслах. Вслед за королём вошли остальные спутники; герцог Ришелье, назначенный маршалом поездки, подал сигнал серебряным рож-

ком, и гребцы дружно заработали вызолоченными вёслами. Галера плавно двинулась вверх по Сене.

От Сен-Клу до Шуази было всего вёрст двенадцать прямым путём, но около Парижа течение Сены описывает французское «S», так что по реке было уже вёрст двадцать две, ещё против течения. Но гребцы работали на славу, и менее чем через три часа гости принцессы Весны подъезжали к пристани замка Шуази.

Там галеру встретил Суврэ в светлом атласном наряде, сплошь усеянном цветами. В его руках был цветочный жезл.

Грациозно поклонившись прибывшим, Суврэ в звучных красивых стихах сказал, что его милостивая госпожа, маршалом двора коей он состоит, принцесса Весна, увидела из своего замка богатую галеру и выслала его спросить, с добрыми ли намерениями прибыли гости?

Ему ответил герцог Ришелье, представившийся в качестве маршала иноземного принца, который уже давно стремился сделать визит её величеству, богине соловьёв и влюблённых. Их цели самые добрые: они едут, чтобы чтить Весну всеми доступными им средствами.

В ответ на это Суврэ низко поклонился, грациозно поведя шляпой по воздуху, а затем, взяв из рук сопровождавшего его пажа серебряный рог, громко протрубил три раза.

Тогда, словно отдёргнутый невидимой рукой, занавес, протянутый над цветочной аркой, закрывавший ход с пристани, вдруг упал, и глазам подъезжавших предстала сама Весна,

окружённая роем своих придворных дам.

Как король, так и все его спутники и спутницы не могли удержаться от крика изумления и одобрения при виде открывшейся перед ними картины. Графиня Тулузская, изображавшая принцессу Весну, была и вообще-то одной из красивейших женщин версальского двора, а теперь, одетая в прозрачный хитон, была и очаровательна, и соблазнительна. Букетики цветов, которыми было усеяно её платье, были расположены так остроумно, что только маскировали кое-что, но ровно ничего не скрывали – ни высоких, упругих персей, ни гибкого, стройного стана, ни покатых плеч, ни мраморно-белой, словно точёной шеи.

Подойдя поближе к галере, Весна преклонила колено, простёрла к «иноземному принцу» свои дивные голые руки и мелодичным голосом прочитала приветственное стихотворение, в котором выражала свою радость по поводу прибытия прелестного гостя. Но одних слов было мало для выражения её восторга. По величественному взмаху цветочного жезла маршала заиграл невидимый оркестр, и под рыдания и рокот томных скрипок принцесса вместе с придворными дамами, одетыми почти так же, как и она, пустилась в страстную, восторженную пляску. Новый взмах жезла – и оркестр сразу замолк, а танцовщицы замерли в коленопреклонённых позах, простирая руки к королю.

Людовик пришёл в такой восторг, что даже вышел из своей роли.

– Bravo, bravo, графиня! – крикнул он, захлопав в ладоши. – Вы очаровательны, вы несравненны!

Он выскочил из галеры, подал руку Весне и повёл её к замку. Суврэ повёл де Майльи, следом за ними пошли парочками остальные кавалеры и дамы.

В большом зале замка приезжих ждали роскошно накрытые столы. Как мраморные стены, так и столы тонули в цветах. Всё было нарядно, красиво, богато, всё ласкало чувства.

Король, видимо очень довольный, да и проголодавшийся, с сияющим видом уселся за стол, напомнив присутствующим, что в царстве принцессы Весны, покровительницы любви, смеха и всякой улады, должны царить свободные нравы, а потому всякий веселится, как хочет, может и умеет, не заботясь о каком бы то ни было этикете.

Когда он кончил, снова заиграл невидимый оркестр.

Вообще в этом замке были приняты все меры, чтобы нескромный взор не смущал веселья пирующих. Даже прислуга была устранена: пользуясь изобретённым и осуществлённым механиком Лорио приспособлением, гость попросту писал на записке, что ему нужно, и стол опускался с запиской, чтобы вновь подняться со всем требуемым.

Во время обеда король был чрезвычайно весел и очень любезно разговаривал со своей дамой, графиней Тулузской. Графиня де Майльи с ревнивой грустью наблюдала за королём и его собеседницей. Она знала, что графиня Тулузская была года два тому назад побеждена королём, что последне-

му она очень нравилась, и если между ними не утвердилось прочной связи, то только из-за милой наивности Весны, которая с очаровательной улыбкой заявила однажды Людовику, что даже ему она не может быть долго верной – такая уж у неё натура!

Всё это было, но могло и вновь вернуться. Как знать, «эта негодяйка» (как мысленно называла Луиза принцессу Весну), осмелившаяся появиться перед королём почти совершенно голая, могла вновь раздражить его чувственность, и тогда...

Да, король начинал уже скучать с де Майльи, это она отлично сознавала. Каждый день она могла ждать, что её окончательно вытеснит из сердца короля новая привязанность, сама же она искренне, бескорыстно любила Людовика, и потерять его значило для неё потерять всё.

После обеда король, отдавший должное дивному погребу замка Шуази, почувствовал себя немного утомлённым и отправился отдохнуть в свою опочивальню. Вечером предстояло ещё чествование Весны, а после чествования – новое пиршество и новая дань дарам погреба. Необходимо было привести себя в порядок.

Остальные разошлись кто куда. Ла Тремуйль, озабоченный руководством чествования, отправился с главными участниками его на предназначенную лужайку. Ришелье, более всего заботившийся о цвете лица, удалился в свою комнату, чтобы смазать кожу, пострадавшую от трёхчасового

пробытия на солнце, им самим изобретённой помадой. Суврэ с Полетт вышли на террасу и отправились бродить по аллеям парка.

– Ну, Полетт, – сказал маркиз, – наступает решительная минута. Вы всё сделали так, как я говорил вам?

– Ох, Анри, как я боюсь! – сказала девушка, бледнея и закрывая лицо руками.

– Но чего же вы боитесь, глупенькая?

– Всего, Анри, всего! Боюсь, что не выдержу своей роли.

– О, этого не бойтесь! Женщины – прирождённые комедиантки!

– Злой!.. Боюсь, что король разглядит, какими ярко-белыми нитками сшиты все эти случайности... Господи! Но разве не бросится ему в глаза странность ряда совпадений: вас я узнала случайно по кольцу, но вашего спутника, голос которого я слышу целый день, в короле не узнала. Мало того, зная, что вы тут, я решаюсь надеть тот же костюм...

– Пойдите, Полетт, я вижу, что вы совершенно не вслушались в мои доводы. Хорошо, что мы заговорили с вами об этом, а то вы ещё, чего доброго, напутали бы потом, и тогда король действительно заподозрил бы меня и вас в хитрой интриге. Слушайте меня внимательно и проникнитесь той логической нитью, которой вам надо следовать в случае, если король захочет объяснений. Узнав меня по кольцу, вы догадались, что мой товарищ тоже принадлежит к числу придворных. Кто он? Вам это очень интересно узнать, так как

бедный юрист произвёл на вас большое впечатление. Но, желая узнать, кто такой другой незнакомец, вы не хотите обнаруживать себя. Приглашением в Шуази вы пользуетесь как средством примирить и то, и другое. Если в этом обществе нет вашего юриста, то вы ничего не добьётесь, но и не потеряете; ведь кроме меня, никто не обратит внимания на появившуюся Фортуну, думая, что это так и нужно по ходу праздника. Если же тот «другой» здесь, то он выдаст себя вскриком, преследованием. Вам будет легко скрыться от него среди кустов Шуази и, сбросив это платье, появиться в обычном. А его-то вы тогда уже узнаете. Для этого вечером, когда после чествования Весны все разбредутся по аллеям, вы поверх обычного платья наденете свой прошлый маскарадный наряд и полумаску. Ну а об остальном мы уже переговорили с вами. Д'Айен обещал свою помощь. Как видите, нам с вами беспокоиться нечего!

– И всё-таки мне страшно, Анри, страшно, что наступает минута, которой я ждала всю жизнь... А вдруг король не захочет меня?

– В этом случае я, Полетт, потеряю больше вашего! Ах, как Жанна измучила меня! Ну да не будем говорить обо мне! Во всяком случае, вам надо сегодня вечером идти ва-банк. Всё на карту, всё на одну ставку, Полетт, а там... будь что будет!

– Да вы подумайте только, Анри, если мне не удастся сразу пленить короля, то я потеряю и сестру, мою последнюю

покровительницу!

– «A vaincre sans perils – on triomphe sans gloire»,<sup>36</sup> Полетт... Батюшки, вот легка-то на помине... Вашей сестре лучше не видеть нас вместе. Полетт, скройтесь в боковую аллею, пока она нас не заметила!

Полетт юркнула в сторону, Суврэ один пошёл навстречу графине де Майльи, которая шла опустив голову. Когда, заслышав шум шагов маркиза, она взглянула на него, Суврэ заметил, что её глаза были полны слёз, а лицо искажено гневом, отчаянием, нешуточной мукой.

– «Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur votre tete?»<sup>37</sup> – спросил Суврэ, становясь в комически-патетическую позу. Луиза улыбнулась, но сейчас же из её глаз хлынули слёзы, и, обессиленная, она тяжело опустилась на ближайшую скамейку.

– Что с вами, дорогая графиня? – воскликнул Суврэ, встревоженно подбегая к ней.

– Ах, милый маркиз, – сквозь рыдания ответила ему Луиза, – если бы вы знали, как мне бесконечно тяжело! Вы сами страдаете от неразделённой любви и можете понять меня, хотя любовь неразделённая – ещё рай в сравнении с разделённой, но потом отвергнутой. Король стал совсем не таким,

---

<sup>36</sup> «Победа без опасности даёт торжество без славы» («Сид», трагедия Корнеля).

<sup>37</sup> «Для кого эти змеи, которые шипят над вашей головой?» («Андромаха», трагедия Расина).

как прежде. Я уже не могу наполнить его жизнь, он рассеян со мной; видно, что он озирается по сторонам в поисках нового счастья. И эта негодяйка графиня Тулузская, которая напропалую кокетничает с ним...

– Полно, графиня! Со стороны этой соперницы вам ничто не грозит! Самое большее, что может быть между ними, – это любовь на час. Но к таким забавам короля вы уже должны были бы привыкнуть. Однако вам действительно грозит опасность, хотя и с другой стороны...

– А, вы заметили? Кто она? – вскрикнула Луиза, у которой сразу высохли слёзы.

– Никто! Сам король не знает, кто та «она», которой суждено похитить вашу любовь, графиня. Я ровно ничего не заметил; я просто знаю короля, умею наблюдать и извлекать вывод из обстоятельств. Овладейте собой, графиня, сдержите ваши слёзы и постарайтесь выслушать и понять меня! Одна вы никогда не сможете удержать короля. Не сегодня, так завтра, не в этом месяце, так в будущем, но король серьёзно привяжется к другой женщине. На первых порах он будет скрывать от вас новую связь, но потом поспешит придраться к случаю, чтобы дать вам чистую отставку. Вам надо считаться с этой возможностью и принять свои меры, графиня! К королю Франции нельзя предъявлять такие требования, как ко всякому другому мужчине. Тут надо со многим мириться, и раз не можешь владеть им всецело и безраздельно, то, чтобы не терять совсем, необходимо согласиться на делёж.

Поэтому будьте начеку! Король не переносит плачущих женщин, слёзы приводят его в бешенство. Подавите в себе свою боль, графиня, улыбайтесь, смейтесь, шутите, но в то же время ни на минуту не теряйте короля из виду; и как только вы заметите, что король серьёзно привязывается к другой женщине, то возьмите её за руку, подведите к королю, киньте её ему в объятия и попросите только местечка и для себя. Заключите со своей соперницей нераздельный союз. Вместе вы навсегда свяжете короля. Порознь вы – ничто!

– Что вы говорите, маркиз! Разве это возможно? – с ужасом воскликнула графиня.

– Моими устами говорит верный друг и опытный человек, графиня! Подумайте о моих словах на досуге, и вы должны будете согласиться со мной. Но сделайте это поскорее – беда подкрадывается, словно вор ночью! А теперь дайте руку, графиня, и позвольте отвести вас в замок. До начала чествования Весны осталось немного времени. Прилягте, отдохните, наберитесь сил, чтобы не быть такой скучной и убитой, какой вы были во время обеда. Пойдёмте, графиня!

Луиза задумчиво пошла с маркизом в замок и, послушавшись его совета, легла отдохнуть, после чего незаметно задремала. Её разбудили звуки труб, сзывавшие гостей к новому развлечению.

Уже темнело, а в парке под сводами вековых деревьев дрожали ночные тени. Борьба угасавшего дня с властью воцарившейся ночи придавала всем предметам какие-то таин-

ственные, сказочные очертания. А на лужайке, где должно было происходить само чествование, дрожащий свет массы факелов заставлял плясать тени, придавая всему своеобразное оживление. Но вот, словно по мановению волшебного жезла, все травки, кустарники, скамейки, статуи, фонтаны, деревья – всё ожило, воскресло, проснулось и зажило своей таинственной жизнью, трепеща радостью бытия, переговариваясь друг с другом, обмениваясь то тревожным, то радостно-удивлённым шёпотом... Посреди лужайки на пьедестале, обвитом гирляндами цветов, в чёрном резном кресле сидела Весна, прикрытая прозрачным белым покрывалом. Она была почти совершенно обнажена, и сквозь тонкий флёр покрывала просвечивало белоснежное тело графини Тулузской. Она сидела неподвижно, словно изваяние. По бокам пьедестала два высоких, художественной работы треножника курились ароматными травами. На ступеньках пьедестала, у ног принцессы Весны, живописными группами расположились её придворные дамы, тоже молодые, красивые и почти обнажённые. Широким полукругом пьедестал обнимал железный ряд «жантильомов принцессы», одетых в живописные костюмы времён Генриха IV. Закованные в панцири, они стояли неподвижно, твёрдо сжимая в руках обнажённые шпаги, и ветерок шаловливо играл роскошными перьями их шлемов. Из небольшого павильона, находившегося в конце лужайки как раз позади пьедестала, неслись тихие, рыдающие звуки скрипок.

Но вот вдали замелькали факелы, и из главной аллеи показалась процессия «иноземного принца». Сам принц и его свита были разодеты в костюмы светлых, ласкающих тонов. Впереди шёл герольд – маркиз Жевр – в богатой бархатной одежде. Четыре молоденькие девушки, одетые только в розовое трико, бархатные береты да туфли, несли над «принцем» – Людовиком XV – лёгкий балдахин, украшенный страусовыми перьями. По бокам и сзади балдахина красивой толпой шла свита принца.

Процессия остановилась против неподвижно сидевшей Весны и её приближённых. Никто не шелохнулся, никто не раскрыл рта для приветствия. Видно было, что в царство Весны пришло какое-то большое горе, которое подавляло все сердца.

Герольд подошёл ближе, отвесил учтивый поклон принцессе и в красивых, звучных стихах, в которых сразу чувствовалась причудливая муза Мариво, сказал, что его государь страшно обеспокоен дошедшими до него вестями. Уверяют, будто принцесса Весна захирела и готова была отбыть обратно туда, откуда только что прибыла, хотя срок её царствования далеко ещё не истёк. Действительно, та картина, которую они теперь видят перед собой, свидетельствует о великой печали, царящей среди свиты принцессы. Неужели эти вести верны?

Герольд замолк, замолк и оркестр, аккомпанировавший еле слышными аккордами. Принцесса Весна и её свита ещё

ниже поникли головами. Наступила томительная пауза... И вдруг незримый оркестр ответил рыданиями, вздохами... и снова смолк.

И опять заговорил герольд. Он говорил о том, что его государь прибыл издалека, желая почтить обожаемую принцессу, и вот что же он застаёт! Принцесса скучна, грустна, принцесса хочет скрыться... О, перенесёт ли нежное сердце принца такое разочарование?

И снова только стон скрипок страстным вздохом понёсся ему в ответ.

Тогда, полный отчаяния, герольд пригласил «дев принца» развеселить заскучавшую принцессу.

Ряды приближённых «иноземного принца» раздвинулись, и оттуда показался рой танцовщиц, державших в руках гирлянды цветов. Оркестр заиграл сначала медленно, томно, нежно, потом всё пламеннее, необузданнее, страстнее...

Танцовщицы медленно приблизились к пьедесталу, с умоляющим видом простёрли к принцессе цветы, стали склоняться в размеренных, томных движениях. Но по мере того, как звуки незримого оркестра становились всё громче и пламеннее, они всё увеличивали страстность движений и, наконец, сложив цветы у ног Весны, закрутились, понеслись в огненном вихре вакхического танца.

И – о чудо! – сама принцесса Весна стала терять свою неподвижность. Вот она вздрогнула, откинула покрывало, встала.

Словно зачарованные восторгом, танцовщицы остановились и пали ниц перед ожившей принцессой.

Весна спустилась на две-три ступеньки и заговорила. Она говорила о том, что действительно злая тоска закралась в её сердце, но искренняя любовь и обожание божественного принца излечили её. Она снова ожила, снова весела и довольна, снова полна желанием пробыть здесь как можно дольше...

Скрипки запели всё бурнее, всё призывнее. Одна за другой пробуждались от тяжёлого сна придворные дамы Весны. Жантильомы весело замахали шпагами, потом вложили их в ножны и кинулись к дамам, приглашая их к весёлому танцу. Спустилась с пьедестала и сама принцесса Весна и закружилась в радостной пляске. Свита принца перемешалась с приближёнными принцессы. Всё затанцевало, запело, возрадовалось... Танцы стали общими... И только время от времени видно было, как дошедшие до апогея страсти парочки бегом скрывались среди кустов, чтобы тут же принести жертвы верховной покровительнице принцессы Весны – богине Венере...

Мало-помалу островакхический характер увеселения смягчился. Участники праздника разошлись по всему парку в ожидании, когда звуки труб призовут их к ужину. Везде: среди кустов, в глухих аллеях, в беседках, павильонах – слышался таинственный шёпот, раздавались сдержанный смех, звуки поцелуев. Весна справляла свой пир...

Король, взяв под руку маркиза Суврэ, пошёл с ним по аллеям. Его величество был в этот вечер особенно расстроен.

– Слушай, Суврэ, – сказал король, машинально давая маркизу увлечь себя в дальнюю аллею, – ты должен во что бы то ни стало разыскать мне того чертёнка с маскарада. Просто сам не понимаю, как могла эта девчонка до такой степени увлечь меня! Верить ли, я просто ни одной ночи не могу заснуть спокойно с того дня! Она дразнит меня упругостью своего молодого тела... Я должен иметь её, Суврэ! Я не могу...

Говоря это, король вместе с Суврэ подходили к темневшему вдаль искусственному гроту, жавшемуся полукругом к стене парка и выходявшему двумя покатыми выходами на одну и ту же площадку.

Вдруг около них замелькал огонь факела и показалась плечистая фигура д'Айена, который, видимо, был сильно рассержен и громко ругался.

– Что тут такое, д'Айен? – окликнул его король.

– Ах, это вы, государь, – отозвался граф. – Да помилуйте, ваше величество, как же не сердиться, когда эти дамы только и делают, что нарушают правила!

– Мой друг д'Айен очень серьёзно проникся ролью моего помощника, государь! – насмешливо заметил Суврэ.

– Да, ведь должен же я соблюдать данную мне инструкцию! – рассердился граф. – Мне сказано, что сегодня никто из дам или мужчин не должен быть в масках. А тут обхожу

я дозором парк, и вдруг из-за кустов шмыг какая-то женщина, и передо мною мелькнула бархатная полумаска. Я за ней. Кричу ей, она не отзывается. Догнал её, наконец, у этого грота, говорю, чтобы она сейчас же сняла маску, так как на сегодня это воспрещено, а она только смеётся в ответ. Я хотел силой заставить её снять маску, так куда там! Бегает, словно оглашённая, взад и вперёд. Ведь у грота два выхода...

– А ты не догадываешься, кто это может быть? – спросил Суврэ.

– Да в том-то и дело, что, по-моему, она не из наших. На ней совсем другой костюм, чем был определён для свиты принцессы Весны или иноземного принца. Вот это-то меня и тревожит.

– А что у неё за костюм, д'Айен? – полюбопытствовал король.

– Да Бог её знает, государь! По-моему, костюм богини счастья – Фортуны. Греческий узел, в волосах золотой обруч, широкая туника, сандалии, в руках рог изобилия...

– Суврэ, это – она! – вскрикнул король, выхватывая из рук д'Айена факел и бросаясь к одному из входов в грот. – Ты, д'Айен, можешь уйти! А ты, Суврэ, беги ко второму выходу, чтобы она не могла скрыться от нас на этот раз.

Д'Айен поспешно ушёл. Суврэ встал в позицию около левого выхода, король с факелом в руках вбежал правым ходом в грот. Увидев его, спрятавшаяся там женщина остановилась на мгновение, со стоном схватилась за сердце и потом

бросилась бежать к другому выходу Увидев там маркиза, она побежала обратно, рассчитывая, должно быть, прошмыгнуть мимо Людовика. Но король быстро воткнул факел в землю и схватил бегущую в свои объятия.

– Я нашёл тебя, девушка! – с торжеством крикнул он.

– О, ваше величество, это – вы! – с отчаянием простонала Фортуна. – Простите! Простите!

Она сделала попытку вырваться.

– Ну нет! Теперь ты от меня не уйдёшь! – торжествуя, ответил король. – Долой маску, сударыня: я должен знать, кто та очаровательница, которая осмелилась лишить своего государя сна и покоя! – Не обращая внимания на слабое сопротивление девушки, король сорвал с неё маску а затем с удивлением вскрикнул: – Девица де Нейль!

– Да, это я! – чуть не плача, ответила Полетт, опускаясь на колени – О, если бы я знала...

– Но теперь ты знаешь, кто я! – страстно произнёс король, подходя к ней и бурно прижимая её к своей груди. – Так скажи же, дерзкая девчонка, осмелишься ли ты и теперь продолжать дразнить меня, посмеешь ли ты и теперь отказать мне в том, чего я просил у тебя на маскараде?

– Если бы я даже смела, то не могу, государь! – страстным шёпотом ответила Полетт, простирая руки к королю.

Людовик снова обнял её. Их уста слились в безудержно-сладостном лобзании.

Около грота послышались весёлые возгласы. Король ото-

рвался от объятий Полетт, шепнул ей: «Сегодня же ты будешь моей! Ты получишь мои распоряжения через маркиза Суврэ!» – и направился к левому выходу.

Полетт слышала, как он сказал: «Пойдём, маркиз!», слышала лёгкий шум их удалявшихся шагов. Внезапная слабость овладела девушкой; она закрыла глаза рукой и почти без сил прислонилась к стене.

– Так вот как! – раздался вдруг около неё грустный, укоризненный голос. – Неужели ты для того просила взять тебя из монастыря, Полетт, чтобы интриговать против меня?

Полетт вскрикнула, открыла глаза и в трепетном свете догоравшего факела увидела сестру, которая стояла перед ней подобно живому укору совести.

Как это всегда бывает, чувствуя себя действительно виноватой, не зная, что сказать в своё оправдание, Полетт вместо извинения ответила сестре какой-то насмешливой резкостью.

– Молчи, безумная! – ответила та, подбегая к сестре и хватая её за руки. – Неужели ты в своём ослеплении не видишь, что, как ни увлётся тобою король, я ещё достаточно сильна, чтобы помешать ему овладеть тобой! Одно моё слово, и ты будешь в монастыре, но уже без возможности когда-либо выйти оттуда. Как! Ты шутя лишаешь меня самого дорогого в моей жизни, да ещё осмеливаешься говорить дерзости!

Полетт поникла головой и тихо заплакала. Черты лица Луизы смягчились.

– Не плачь, Полина, – мягко сказала она, обвивая стройный стан сестры, – не плачь, а лучше пойдём со мною и обсудим, как нам быть. Я уже давно ждала, что король увлечётся кем-нибудь. Мужчины вообще, а французские короли и подавно сделаны не из того теста, из которого пекут верных любовников... В этом случае ты всё-таки меньшее из зол. Пойдём и обсудим, как нам быть. Всего Людовика я тебе всё равно не уступлю и лучше погибну сама вместе с тобой. Но, может быть, нам удастся полюбовно поделить его! Ведь мы – родные сёстры, Полет!

Они ушли и долго совещались во мраке аллея, пока звуки фанфар не позвали их к ужину. Все заметили, что во время ужина графиня де Майльи была оживлённее и веселее, чем в последнее время. Ночное пиршество тянулось долго. Наконец король встал, а вслед за ним встало и разошлось по своим комнатам и остальное общество.

Мало-помалу огни в окнах замка гасли, и Шуази погружалось во мрак и тишину. Когда всё замерло и заснуло, дверь королевской комнаты тихо раскрылась, и оттуда показался Людовик со свечой в руках. Он осторожно прошёл коридором, завернул в боковой флигель замка и там толкнул одну из дверей.

Перед ним была погружённая в полумрак большая комната, обставленная с чисто восточной роскошью. Навстречу королю от окна встала и пошла какая-то женщина. Король радостно вскрикнул и быстрее зашагал к ней. Вдруг он оста-

новился, гневно топнул ногой и крикнул:

– Что это значит?

Только теперь он заметил, что встретившая его женщина была не Полетт, а Луиза де Майльи, причём её сестра сидела в дальнем углу на маленьком кресле.

– О мой возлюбленный государь! – нежно ответила Луиза, опускаясь на колени. – Сегодня я случайно подглядела и подслушала, что мой обожаемый Людовик увлёкся девицей де Нейль. Я была в первый момент сильно огорчена, но ведь я так люблю вас, государь! И я подумала, пусть сестра отдаст вашему величеству всю свою девичью свежесть, свою наивность в делах любви, чего так не хватает мне самой, лишь бы только и для меня остался уголок в вашем сердце, так как я не могу жить без любви вашего величества!.. О, мой государь! Позвольте нам обеим быть около вас, делить вашу священную любовь, услаждать ваш жизненный путь!

Людовик поднял графиню с земли, привлёк её к себе, поцеловал и взволнованным голосом сказал:

– Ты – прелестная женщина, Луиза, и я очень люблю тебя! Я никогда не оттолкну такого верного, любящего сердца, как твоё!<sup>38</sup> А теперь ступай, Луиза, ступай!

---

<sup>38</sup> Людовик с истинно королевской рассеянностью забыл потом об этих словах. В 1741 году Полина умерла, и её место заняла третья сестра, Диана, герцогиня де Лораге, с которой старшая сестра тоже делила любовь короля. Но в 1742 году Людовику пришлось увидеть четвертую и пятую сестру графини де Майльи – маркизу Гортензию де Флавакур и маркизу Марию де ла Турнель. Обе младшие были самыми красивыми из всей семьи, и Людовик принялся ухаживать за обе-

Де Майльи с очаровательной улыбкой поклонилась королю и скрылась в коридоре. Людовик лихорадочной рукой запер за нею дверь и с широко раскрытыми объятиями устремился к тому углу, где сидела съёжившаяся, скорчившаяся в испуганном забытии Полина де Нейль.

## IX ДУЭЛЬ

– Здравствуйте, мсье Столбин, – сказал маркиз Суврэ, входя рано утром в садик Очкасовых и обращаясь к сидевшему там в грустной задумчивости русскому, – не знаете ли, ваша очаровательная хозяйка уже проснулась?

Столбин улыбнулся и сделал рукой утвердительный знак.

– Ах да! – принуждённо смеясь, воскликнул маркиз. – Я и забыл, что вы не говорите на нашем милом французском языке!

В этот момент над занавеской одного из открытых окон показалась хорошенькая головка Жанны.

– Как? Это вы, маркиз? В такую рань? – спросила она.

– Что же делать, – ответил маркиз, – у меня важное дело и мало времени. Теперь девятый час, а в десять я непременно

---

ими. Флавакур наотрез отказалась разделить любовь Людовика, а Турнель одним из первых условий (она представила королю целый контракт, уцелевший до наших дней) поставила удаление от двора графини де Майльи и заключение её в монастыре. Людовик не постеснялся дать Майльи два дня сроку на выезд, хотя графине решительно некуда было деваться!

должен быть в Сен-Клу. Я хотел сначала писать вам, но дело так сложно, что это было бы слишком долго.

– В таком случае идите сюда, я накину что-нибудь на себя, – сказала Жанна. – Я ещё не одета. Ну, – сказала она входящему в комнату маркизу, – что за спешное дело у вас?

– Вчера, когда мы возвращались из Шуази, Полетт взяла с меня слово, что я побываю у вас в самом непродолжительном времени и всё расскажу вам. Дело в том, что эта маленькая шалунья отлично справилась со своей ролью и на славу разыграла предрешённую нами комедию. Всё шло как по маслу; вакхический характер празднеств произвёл своё действие на чувственность короля, и когда в нужный момент появилась Полетт, то король сразу и бесповоротно пленился ею. В Шуази его величество ни на миг не отпускал её от себя, и мне совершенно не удавалось переговорить с нею. Только на обратном пути она успела шепнуть мне, чтобы я повидался с вами и сказал следующие слова: «Даже в минуты первого торжества и упоения страстью Полетт не забыла обещаний, данных подруге!»

– Если это правда, – сказала Жанна, – то мечты лучших русских людей могут принять теперь более осязательный облик! Но скажите, – перебила она самоё себя, – а как же обошлось с де Майльи?

– О, сёстры отлично поделили короля между собою! Правда, в Шуази при короле почти неотлучно находилась Полина, но по переезде в Версаль обе сестры будут поочерёдно

пользоваться вниманием его величества.

На лице Жанны отразилась брезгливость.

– Не понимаю, – сказала она, – как это у вас, господ французов, темперамент может совмещаться с такой расчётливостью в делах любви! Конечно, раз уж погружаешься в политику, то всякие пустяки вроде излишней щепетильности, нравственной брезгливости и женской стыдливости приходится оставлять в стороне. Но всё-таки я никогда не могла бы дойти до такого откровенного цинизма, как молоденькая Полетт, только что выпорхнувшая из монастыря.

– Право, не знаю, что сказать вам на это, – задумчиво ответил маркиз. – Может быть, я не так уж щепетилен, как вы, но я не могу осуждать Полетт за то, что она, наметив себе определённую цель, идёт к ней прямо и твёрдо. Кроме того, не могу я осуждать её и потому, что такое разрешение семейного вопроса было придумано, подготовлено и подсказано мной самим...

– Вами? – вне себя от удивления воскликнула Жанна.

– Ну да, мной. Ведь вы знаете, я вмешался во всю эту историю только потому, что мне сказали: «Это нужно для Жанны!» Я – цельный человек, не умею отдаваться частью сердца или делать что-нибудь вполсилы. Полетт действительно способна привлечь внимание короля в желаемую сторону и изменить весь курс внешней политики Франции. Но имеет ли она достаточные данные, чтобы прочно утвердиться в благоволении короля? Нет, одна она оказалась бы эфемиридой,

блестящей бабочкой, рождающейся, чтобы умереть, сверкнув на мгновение. Король ценит в женщине ум, но важнее всего для него горячая кровь и молодое тело. Луиза де Майльи была уж чересчур женщиной, и король начинал скучать с нею. Полина де Нейль – чересчур человек, и это быстро утомило бы короля. Но вместе они взаимно дополняют в своих нежных цепях, пока случайность не порвёт прочного союза сестёр между собой. И вот, когда я взвешивал всё это, мне и в голову не приходило думать, нравственно ли такое разрешение вопроса, не цинично ли оно, не оскорбляет ли щепетильности порядочных людей. В моём мозгу огненной надписью сверкала фраза: «Это нужно для Жанны», и больше я ни с чем считаться не мог!

Жанна с нескрываемым удивлением смотрела на Суврэ. Она была очень добрым и хорошим человеком, но страдала некоторой ограниченностью суждений, чрезмерной педантичностью взглядов. Более мечтая, чем думая о жизни, она составила себе в уме какой-то идеальный мир, герои которого с трудом могли воплотиться в живых, действительных людях. Но, разочаровываясь в последних, она не поступалась составленными идеалами. Она с первого взгляда подводила встреченного человека под определённую категорию и смотрела на него сверху вниз, как на существо несовершенное, не соответствующее её героической мерке. И много нужно было для того, чтобы поколебать в ней составленное по первому взгляду мнение, отказаться от него!

Ещё в монастыре она сразу определила Полину как беспочвенную фантазёрку, пустую болтушку и ветреницу. Полина на её глазах духовно росла, поражала учителей, надзирательниц и знакомых мужским складом ума, недюжинной широтой взглядов и меткостью суждений, а Жанна ни на йоту не поступалась усвоенным с первого момента дружбы надменно-снисходительным отношением к подруге, пока разговор утром после знаменательного маскарада не заставил спастись плену с её глаз и не показал ей Полину в новом, совершенно неожиданном свете.

То же самое было и с маркизом де Суврэ. Бывая с Полиной у её родных в отеле Мазарин, она впервые встретила семнадцатилетней девушкой с маркизом, которому был тогда двадцать один год. Как мужчина, Суврэ даже скорее понравился ей, но она сразу определила его: «Фат, заботящийся только о жабо да манжетах; пустой человек, не имеющий твёрдых принципов; балагур и ломака, для которого строить шута – высшая цель жизни». И уже ничто не могло сдвинуть её с этого определения!

Ей было весело с маркизом, она бывала рада, когда встречала его, и по возвращении из России с удовольствием принимала его у себя. Может быть, бессознательно в её сердце даже нарастала любовь к нему, потому что не раз бывало, что она видела во сне, как Суврэ прижимает её к своей груди и покрывает огненными лобзаниями, что заставляло её дрожать от восторга и счастья. Но, просыпаясь, она неизмен-

но думала с искренним пренебрежением: «Боже мой! Какие нелепые сны видишь порой! Подумать только, чтобы я полюбила такого... Фу!» Суврэ был для неё просто человек «не как все», собачкой, которую можно было приласкать и подразнить, но любить!.. Любовь и этот «шут гороховый» – это казалось Жанне чудовищно несовместимым. Поэтому на все попытки маркиза объяснить ей в любви она отвечала самым откровенным смехом.

В последнее время где-то внутри её души пробуждались сомнения в правильности её взгляда на маркиза. Наружу эти сомнения до сих пор ещё не пробивались, но в это утро Суврэ как-то сразу показался ей иным.

Два обстоятельства поражали её. Во-первых, её удивляло, что этот человек, которого она считала таким пустым и поверхностным, оказывается умелым и дальновидным в самых тонких соображениях, что этот ломака так прост, искренен и сердечен. Во-вторых, её тревожило, что вместо обычного балагурства в его тоне теперь звучало что-то надтреснутое, мрачно-покорное, глубоко-скорбное.

«Это нужно для Жанны!» – мысленно повторила она и почувствовала, что в её сердце зазвенела сладкая, радостная песнь.

– Вы действительно оказали мне большую услугу всем этим! – ласково сказала она, протягивая маркизу руку.

Суврэ почтительно прижался губами к её руке; из его глаз скатилась и обожгла руку Жанны горячая слеза...

Жанна вздрогнула; её сердце забилося в сладком ужасе... Ах, если бы теперь он опять повторил ей прежние слова любви! Как жаждала и как боялась она этого!

Они оба молчали. Положение было томительным и напряжённым.

– И ради этого-то вы примчались в такую рань? – спросила Жанна, чтобы сказать что-нибудь.

– Я должен был сдержать данное слово, а необходимость быть утром в Сен-Клу выяснилась только вчера поздно ночью.

– Но вы могли бы заехать ко мне после окончания своего дела! – улыбаясь, сказала Жанна, ожидавшая, что Суврэ по обыкновению ответит с комическим пафосом что-либо вроде: «Я всегда стремлюсь как можно скорее увидеть свою богиню!»

Но Суврэ с невыразимой нежностью поднял взор на кокетливо улыбавшееся личико Жанны и грустно сказал:

– Я не был уверен, что буду иметь возможность когда-либо заехать к вам по окончании этого дела...

– Что вы говорите? – вскрикнула Жанна бледнея. – А, понимаю! – продолжала она, понижая голос до трепещущего шёпота. – Дуэль! Какая-нибудь дурацкая, бессмысленная дуэль из-за пустяков, из-за острого словца, дерзкой насмешки! Из-за глупостей ставят на карту жизнь, здоровье, и всё это шутя, легкомысленно, так себе... И вы ещё смели говорить... – рыданием вырвалось у неё.

Но она сама испугалась того, чего чуть не сказала, и замолчала, хватаясь руками за судорожно бившееся сердце. Она хотела бы так много сказать маркизу, но у неё не было слов; только рыдания дрожали в груди да мозг свинцовой крышкой гроба придавливало сознание надвигавшегося горя и отчаяния...

– В делах чести... – начал Суврэ, но замолчал, поникнув головой; он вспомнил, что дуэль действительно вызвана его мальчишеством, что Жанна права; но не всё ли равно?

Они молчали, оба погружённые в скорбную задумчивость. Наконец ржанье лошади маркиза, привязанной им к решётке сада, вернуло его к действительности.

– Моя Электра напоминает, что мне пора, – сказал он.

Жанна подошла к нему ближе и с каким-то отчаянием вскрикнула:

– Но ведь мне говорили, что вы отлично фехтуете!

Как ни казалось странным и непоследовательным это восклицание, но Суврэ с благодарностью взглянул на Жанну. Он понял ту скрытую логическую нить, которая привела её к этому, и ответил, потупив взор:

– Вчера вечером по возвращении из Шуази я получил записку от своего секунданта д'Айена, что его, тоже бывшего со мной в Шуази, уже поджидал секундант противника. Д'Айен просил меня никуда не уходить, чтобы он мог сегодня же (то есть вчера) сообщить мне условия дуэли, так как последняя, по всем признакам, состоится на следующее

утро. Поджидая графа, я прилёг на кушетку. Не знаю, долго ли я спал, да и спал ли на самом деле, но только вдруг я увидел, что ко мне подходит покойник-отец, которого я очень любил. Отец положил мне руку на голову и сказал: «Мы скоро опять будем вместе, сынок!» И я понял, что смерть стережёт меня... Напрасно старался д'Айен высмеять меня, внушить мне бодрость... При иных обстоятельствах я не обратил бы внимание на сонное видение, но теперь я с радостью приветствую избавительницу-смерть и заранее покоряюсь...

– Но почему? – со слезами в голосе спросила Жанна.

Суврэ поднял свои усталые, грустные глаза и ответил:

*Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,  
La vie est un opprobre et la mort un devoir.*<sup>39</sup>

– Нет! – с силой крикнула Жанна, обвивая руками шею маркиза. – Нет, Анри! Ты не умрёшь, ты не смеешь умереть! Ты должен жить для меня!

– Жанна! – радостным, изумлённым стоном вырвалось из наболевшей груди Суврэ. – Жанна, ты любишь меня, божество моё!

Вместо ответа Жанна склонилась на его плечо и тихо заплакала.

– Не плачь, богиня моя! – радостно воскликнул Суврэ,

---

<sup>39</sup> «Когда всё потеряно, когда нет более надежды, жизнь – это бесчестие, а смерть – обязанность» («Мерона», трагедия Вольтера).

покрывая заплаканное личико возлюбленной бесчисленными поцелуями. – Не плачь, моя Жанна! Теперь пусть хоть весь свет восстанет против меня! Я слишком дорожу своим счастьем, чтобы навеки лишиться его в тот самый момент, когда оно наконец-то блеснуло мне! Пусть все мертвецы выходят из гробов, пусть они грозят и предсказывают мне дурной конец – на зависть им я всё-таки буду жить, буду жить для тебя и тобой, Жанна!

Снова послышалось призывное ржанье Электры.

– Пора! – сказал маркиз, нежно вырываясь из конвульсивных объятий Жанны. – Не бойся за меня, любимая!..

– Я хотела бы умереть, чтобы не знать этой тревоги, этих сомнений... Анри, умоляю тебя, когда всё будет кончено, сейчас же лети сюда, чтобы успокоить меня. И поклянись мне, если ты будешь ранен или... Но я не хочу и думать о таком ужасе! Словом, если ты не будешь сам в состоянии успокоить меня, то пусть тебя принесут сюда, чтобы я сама могла ухаживать за тобой!

– Клянусь, дорогая! – торжественно сказал Суврэ и, мягко освободившись от цеплявшихся за него рук Жанны, поцеловал её и хотел выбежать из комнаты.

– Бога ради, подожди минутку! – раздирающим душу голосом крикнула Жанна. – Вот, – сказала она, расстёгивая воротник утренней блузки и снимая с белоснежной шеи довольно массивный, старинный крест. – Надень это, Анри! Не смейся надо мной! Это – святыня, большая святыня! Этот

крест спасал в бою и моего деда, и отца!

– Я не смеюсь, дорогая, – ответил Анри, благоговейно целуя крест. – Для меня это во всяком случае святыня, раз он висел на твоей груди!

Он надел крест, в последний раз прижал к своему сердцу Жанну и бросился вон из комнаты.

Жанна с рыданиями упала в кресло.

Вскочив на лошадь, маркиз что есть силы погнал её по направлению к Сен-Клу. Его глаза горели, лицо было полно самой дикой, решительной энергии, и всё его существо радостно трепетало. Он останется победителем в этом поединке! Иначе быть не может, иначе жизнь – просто злая насмешка!

Так домчался он до Сен-Клу, на одной из лужаек которого, около старой, заброшенной мызы, его уже ждал д'Айен.

– наших противников ещё нет? – спросил его Суврэ, осаживая лошадь.

– Нет, но до срока осталось ещё минуты две. Однако, Анри, я рад, что сегодня у тебя совсем другой вид и настроение, чем вчера!

– Э, милый мой, мало ли что не вообразишь себе под влиянием дурной минуты? – смеясь, ответил Суврэ, соскакивая на землю и подходя к графу с протянутой рукой. – Вчера я поддался непростительной слабости, но неужели ты мог думать, что я действительно жажду чести быть убитым бесславной рукой гасконца, ласкающей за деньги увядшие прелести маркизы де Бледекур?

– Значит, папаша... – начал д'Айен, пожимая руку маркиза.

– Может провалиться обратно в преисподнюю, – беззаботно подхватил Суврэ. – Ведь не из рая же явился он призывать любимого сынка к такому бесчестию? Впрочем, откуда бы он ни приходил, но удовольствия сегодня же соединиться с ним в лоне Авраамовом я ему не доставлю; это, что называется, «себе дороже стоит»! Однако их всё нет и нет! А скажи, кстати, что за чудак согласился быть секундантом этого рыжего чудовища?

– Поручик Декамп, знаешь – этот скромный, застенчивый голубоглазый юноша!

– Но ведь это, кажется, в высшей степени приличный человек! Как же он согласился?

– Я высказал ему это. Но Декамп очень мило ответил мне, что в таких делах никому отказывать нельзя, тем более человеку сомнительному, которому трудно найти секунданта.

– Что же, он, пожалуй, прав! Ну, а условия дуэли? Вчера ты не сказал мне ничего определённого.

– Да условия самые обычные: драться до того, пока один из противников не упадёт и не будет в состоянии встать. Секунданты будут только наблюдать за правильностью поединка, но сами оружия не скрестят. Как очень мило сказал Декамп, раз их не увлекает партийность или особые счёты, то сам бой делается скучным и теряет свою привлекательность. Однако вот и они! – сказал д'Айен, указывая на прогалину,

откуда показались два всадника.

– Извините, господа, что мы немного опоздали, – приветливо сказал Декамп. – Но лошадь шевалье де ла Хот-Гаронна оступилась и захромала...

– Что я отнюдь не считаю дурным предзнаменованием! – вызывающе кинул гасконец, соскакивая с лошади и привязывая её к дереву.

Секунданты обменялись установленными приветствиями, осмотрели площадь поединка, смерили шпаги.

– В позицию, господа! – крикнули они, когда все формальности были кончены.

– Однако слово, Шарль! – сказал Суврэ, взяв под руку графа д'Айена и отводя его в сторону – Если я буду ранен, ты должен отвезти меня к Жанне, она заставила меня поклясться в этом!

– Так вот в чём причина счастливой перемены в твоём настроении! – смеясь, ответил граф. – Ну, Анри, теперь уж я окончательно спокоен за тебя! Не захочешь же ты умереть, так сказать, на пороге своего блаженства! Да благословит тебя Бог, милый Анри!

– Однако скоро вы решитесь приступить к делу? – ворчливо окликнул их ла Хот-Гаронн.

– К вашим услугам, шевалье, к вашим услугам! – ответил Суврэ, подходя к противнику и делая ему изысканный установленный поклон.

Шевалье неуклюже ответил на приветствие, противники

встали в позицию и скрестили шпаги.

С первого же момента ла Хот-Гаронн повёл бешеную атаку. Он был очень силён, от его ударов жалобно звенела парирующая шпага противника, у него были верный глаз и твёрдая рука, но, как это сразу заметил д'Айен, в фехтовании гасконца не было той лёгкости, изящества, мастерства, которое замечалось в каждом движении маркиза де Суврэ. Гасконец нападал грубо, тяжело, маркиз же, словно шутя, парировал все его атаки.

Тем не менее д'Айену пришлось со стеснённым сердцем констатировать, что вескость ударов противника заставила маркиза начать отступление. Он успокоился только тогда, когда увидел, что голова Анри несколько втянулась в плечи, а спина слегка выгнулась, в то время как его горящий взор с особенной пытливостью впился в противника.

Граф не раз фехтовал ради упражнения с маркизом, не один раз присутствовал и при его дуэлях, а потому знал, что эта поза Суврэ предвещает один из блестящих, неотразимых выпадов.

Действительно, отразив третьей удар противника, Суврэ ловким финтом заставил гасконца слегка приподнять шпагу. В тот же момент он перенёс тяжесть своего тела с левой ноги на правую и уже хотел из-под руки поразить ла Хот-Гаронна, но в этот момент его нога, зацепившись за камешек, подвернулась. Этим воспользовался противник и изо всех сил ткнул Суврэ прямым ударом в грудь.

Маркиз, словно сноп, рухнул на землю. Из груди д'Айена вырвался крик отчаяния, но Суврэ в тот же момент как ни в чём не бывало вскочил с земли и, становясь снова в позицию, весело крикнул:

– «Et quel temps fut jamais si fertile en miracles!»<sup>40</sup>

Шпага противника попала в крест Жанны и не причинила, таким образом, ни малейшего вреда маркизу.

Эта неудача в момент преждевременного торжества смутила гасконца и окончательно лишила его хладнокровия. Он всё чаще и чаще пускался на неосторожные выпады, оставляя неприкрытой грудь. Только каким-то чудом пока ещё не пролилось ни капли крови!

– Не отдохнуть ли нам? – сказал наконец маркиз, отскакивая в сторону и опуская шпагу – С каждой минутой вы фехтуете всё хуже и хуже, шевалье! А мне ещё так хвалили ваше искусство! Не понимаю, «comment en un plomb vil l'or pur s'est-il change?»<sup>41</sup>

Снисходительность противника ещё более взбесила пламенного гасконца.

– В позицию, сударь, в позицию! – закричал он с пеной у рта. – В позицию, или я подумаю, что вы просто трусите!

– Ну что же, – небрежно ответил Суврэ, подходя. – Если

---

<sup>40</sup> «Какое время было когда-либо столь же чревато чудесами!» («Аталия» трагедия Расина)

<sup>41</sup> «Каким образом чистейшее золото превратилось в гадкий свинец?» («Аталия», трагедия Расина).

так, давайте продолжать. «Tu l'as voulu, George Dandin!»<sup>42</sup>

Шпаги снова скрестились, снова началась борьба между взбешённой силой и хладнокровной ловкостью.

– Нет, шевалье! – сказал Суврэ, нанося лёгкую рану в левое плечо гасконцу – Фехтование – положительно не ваша сфера. А ведь Буало недаром говорит: «Soyez plutot masjon, si c'est votre talent!»<sup>43</sup>

Шевалье в бессильном бешенстве бросил на смеющегося маркиза свирепый взгляд.

– Что за взгляд! – с иронией воскликнул Суврэ. – А знаете ли, шевалье, ведь у вас «d'assez beaux yeux pour des voux de province!»<sup>44</sup>

Вместо ответа ла Хот-Гаронн сделал неожиданный, смелый и сильный выпад, которым чуть-чуть не коснулся сердца Анри.

– Вот это – не совсем плохой удар, – продолжал маркиз, со смехом парируя атаку, – но и хорошим его тоже нельзя назвать, а так, посредственным. Впрочем, дивный Буало на этот случай говорит, что «il n'est point de degre du mediocre au pire».<sup>45</sup>

– Заткнёшь ли ты глотку, шут?! – крикнул гасконец, окончательно теряя власть над собой.

---

<sup>42</sup> «Ты этого хотел, Жорж Данден!» (Из комедии Мольера)

<sup>43</sup> «Будьте лучше каменщиком, если в этом ваше призвание»

<sup>44</sup> «Для провинциала у вас достаточно красивые глаза!» (Из комедии Грессэ).

<sup>45</sup> «Между посредственным и плохим нет переходных степеней».

– А почему бы и не поговорить за делом? – беззаботно ответил маркиз. – Одно другому не мешает, и я люблю, как говорит всё тот же обожаемый Буало, «passez du grave au doux, du plaisant a severe». <sup>46</sup>

– Ну, так погоди же, я заставлю тебя замолчать навеки! – с мрачной решимостью прохрипел гасконец.

– «Rodrigue, as-tu du coeur?» <sup>47</sup> – смеясь, воскликнул Анри.

Не успел ещё замолкнуть его смех, как гасконец перекинул шпагу из правой руки в левую. Но не Суврэ было ловить на такие примитивные фигуры. Он, смеясь, парировал удар и выбил шпагу из рук ла Хот-Гаронна.

– Дьявол! – с бешенством вскрикнул гасконец.

– Э, полно, друг мой! – с неизменной улыбкой ответил Суврэ. – «Ce ne sont que festons, ce ne sont qu'astragales!» <sup>48</sup>

– Слава Богу! – послышался из леса чей-то торжествующий голос. – Мы подоспели вовремя!

Дуэлянты обернулись и увидели, что к ним полным карьером нёсся маркиз д'Антен, а за ним – отряд королевских драгун.

– Господа! – задыхаясь от быстрой езды, сказал д'Антен, – попрошу вас вручить мне свои шпаги! Именем короля вы арестованы!

---

<sup>46</sup> «Переходить от важного к приятному, от забавного к серьёзному»

<sup>47</sup> «Родриге, есть ли у тебя сердце?» («Сид», трагедия Корнеля)

<sup>48</sup> «Всё это – просто фестоны и астрагалы!» (архитектурные украшения), – по смыслу – «Это – цветочки, будут и ягодки».

## Х ПОЛЕТТ ДЕЙСТВУЕТ

Дуэлянты были очень недовольны и поражены этим вмешательством, совершенно не зная, чему приписать его. Анри было жаль, что у него вырывают победу, бесспорно клонившуюся в его сторону; гасконец жаждал крови противника особенно страстно, так как беззаботная насмешливость Суврэ всколыхнула всю мстительность этой низкой, грубой натуры.

В первый момент взбешённый ла Хот-Гаронн даже не подумал подчиниться требованию д'Антен.

– Ну уж нет! – крикнул он, поднимая с земли выбитую шпагу. – Я не уйду отсюда, пока не покончу с этим господином!

– В таком случае вам придётся подчиниться силе, – спокойно возразил д'Антен, подъезжая к гасконцу – Я не допущу, чтобы пренебрегли королевским приказом!

– А вот посмотрите! – мрачно кинул ла Хот-Гаронн, становясь в оборонительную позицию.

– Полно, шевалье, – строго заметил ему д'Антен. – Бешенство ослепляет вас! Времена д'Артаньяна<sup>49</sup> прошли, не за-

---

<sup>49</sup> Тем из читателей, которые не знакомы с увлекательным романом Дюма «Три мушкетёра», поясняем, что Артаньян был гасконским дворянином, при бывшем совсем молодым и очень бедным человеком ко двору Людовика XIII и составив-

бывайте этого. Вы всё ещё не одумались? – сказал он, увидев, что гасконец продолжает с мрачной решимостью держать шпагу в оборонительной позиции. – Десять драгун сюда! Окружить шевалье де ла Хот-Гаронна! Ну-с, а теперь вы, может быть, всё-таки отдадите мне свою шпагу?

Видя всю бесполезность и нелепость дальнейшего сопротивления, гасконец с глухим проклятием сунул свою шпагу посланному короля.

– Ну а вы, милейший Суврэ, – улыбаясь, сказал д'Антен, – надеюсь, не станете причинять мне бесполезных хлопот?

– О, разумеется! – ответил Анри, подавая шпагу. – Но за мою уступчивость вы должны отпустить под честное слово графа д'Айена, который...

– Но я не имею ни малейших распоряжений относительно господ секундантов, они совершенно свободны! – ответил д'Антен.

– Ура! – ответил Суврэ. – В таком случае, милый Шарль, поезжай сейчас же в Клиши – ты уже знаешь к кому – и расскажи всё, как было. Но, Бога ради, не теряй времени даром!

Д'Айен молча пожал руки Суврэ и д'Антену, подошёл к своей лошади, отвязал её, вскочил в седло и помчался во

---

шим там свою карьеру В 1673 году он был убит при осаде Масгрихта на 62-м году жизни. В данном случае д'Антен намекает на очень красивый эпизод из жизни Артаньяна, когда последний вскоре после прибытия в Париж должен был последовательно драться на дуэли с тремя мушкетёрами; когда же гвардейцы Ришелье, враждовавшие с королевскими мушкетёрами, хотели арестовать их, то все четверо дали дружный отпор гвардейцам и не позволили отобрать у них оружие.

весь дух.

– Барро и Ноэль! – приказал двум драгунам д'Антен. – Подведите арестованных к лошадям! Ввиду оказанной вами попытки к сопротивлению, – обратился он к гасконцу, – я принуждён буду окружить вас своими людьми, а вы; маркиз, поедете рядом со мной!

– Ах, вот как! – прошипел де ла Хот-Гаронн, кидая злобный взгляд на Суврэ и д'Антена. – Один дружок оказывает другому дружеские послабления! Понимаю теперь, кому я обязан этим вмешательством. Маркиз де Суврэ, видимо, позаботился гарантировать себя от печального конца! Похвально, нечего сказать!

– Замолчите, сударь, и постыдитесь! – сурово оборвал его д'Антен. – О дуэли его величество узнал от кардинала Флери, который явился с требованием предупредить поединок и покарать маркиза де Суврэ, выставляя вас невинной овечкой. Зная об отношениях кардинала Флери к маркизе де Бледекур и о ваших отношениях к последней, нетрудно догадаться, что маркиза подняла весь этот скандал из боязни лишиться вас! Стыдитесь, шевалье!

Декамп, отвязывавший в это время лошадь и уже собиравшийся свернуть в сторону, при последних словах гасконца остановился и подъехал к нему. Обождав, пока д'Антен кончит свою суровую отповедь, молодой офицер сказал:

– Шевалье де ла Хот-Гаронн! Если у вас опять случится надобность в секунданте, то я прошу не обращаться за этим

ко мне. Я считаю, что во время дуэли и после прекращения её вы вели себя не так, как подобает французскому дворянину и рыцарю. Если же мои слова вам не нравятся, то я готов в любое время ответить за них с оружием в руках!

Он лёгким кивком головы поклонился гасконцу, почтительно простился с Суврэ и д'Антенем и уехал раньше, чем ошеломлённый ла Хот-Гаронн нашёлся сказать ему что-либо в ответ.

В Версаль согласно команде д'Анте́на отправились на рысях, девятивёрстное расстояние было пройдено почти в полчаса. У королевского дворца д'Антен спешился и прошёл в кабинет Людовика, где его величество был занят разговором с кардиналом Флери.

– Ваше величество! – отрапортовал д'Антен. – Мне удалось застать поединок в самый критический момент. По счастью, если не считать царапины, полученной шевалье де ла Хот-Гаронном, дуэль никаких серьёзных последствий не имела.

– Отлично, милый д'Антен! – ласково сказал Людовик. – Введи сюда этих господ, которые осмеливаются нарушать приказание своего короля.

– Осмелюсь доложить вашему величеству, – продолжал д'Антен, – что шевалье де ла Хот-Гаронн в дерзкой и явно непочтительной форме отказался повиноваться приказанию, отданному мною именем вашего величества, так что мне пришлось прибегнуть к силе.

– Вот как? – протянул король. – Так вот, значит, какова тихая овечка вашей эминенции?

Флери пожевал губами и спросил, поднимая на д'Антена мёртвенный взгляд выцветших глаз:

– Скажите, маркиз, ведь вы, кажется, – большой друг Суврэ?

– Да, ваша эминенция, – ответил спрошенный. – Но все приближённые его величества – большие друзья, объединяясь в лучах царственного благоволения.

Д'Антен отлично понял весь яд этого вопроса, но не хотел давать против себя лишнее оружие кардиналу, а потому ответил сдержанно и с полным достоинством.

За него вспыхнул король.

– Что вы хотели сказать этим вопросом, кардинал? – сурово спросил он.

– Да ничего особенного, ваше величество, ничего особенного! – ответил кардинал, поджимая бледные губы. – Я просто хотел установить факт.

– Вот что я вам скажу, кардинал, – в том же суровом тоне продолжал король, – раз вы ошиблись нечаянно в одном из жантильомов, то это не значит, что вы должны хотеть заставить меня умышленно ошибиться в другом, хотя и в обратную сторону!.. Д'Антен, введите арестованных! Ну-с, господа, – обратился он к Суврэ и гасконцу, когда те вошли в кабинет, – что это значит? Вы позволяете себе открыто пренебрегать королевским приказом? Разве во Франции не стало

судов, разрешающих претензии? А если ваше дело так тонко и щепетильно, что неуловимо для компетенции суда, то разве во Франции нет короля, первого дворянина государства, способного разобраться в деле чести? Нет, чёрт возьми, я более не намерен допускать подобное! Кто из вас вызвал другого на дуэль? Наверное, это был ты, Суврэ!

Суврэ слегка пожал плечами и посмотрел на гасконца. Ему было неловко указывать на последнего, но он думал, что тот сам должен ответить на вопрос короля. Однако шевалье и не думал брать вину на себя, продолжая упорно молчать.

– Я тебя спрашиваю, Суврэ, это ты вызвал шевалье де ла Хот-Гаронна? – крикнул король.

– Нет, государь, – волей-неволей ответил маркиз, – шевалье вызвал меня.

– Значит, ваша эминенция снова ошиблась? – иронически сказал король. – Впрочем, не всё ли равно? Ведь вы требовали самой суровой кары для вызвавшего. Я ни в чём не смею отказать вашей эминенции...

– Но, ваше величество, – смущённо ответил кардинал, – следовало бы узнать, не был ли шевалье поставлен в необходимость...

– А, так для шевалье могут быть, по вашему мнению, особые смягчающие обстоятельства? – насмешливо спросил Людовик. – Хорошо! Суврэ, что ты сделал шевалье де ла Хот-Гаронну?

– Но, государь, – улыбаясь, ответил маркиз, – ровно ниче-

го! Я спросил шевадье, какого цвета его камзол, и осторожно выразил сомнение в правильности указанного им оттенка...

– Только и всего? – удивлённо спросил Людовик. – Мой милый Суврэ, тут что-то не то!

– Наверное, ваше величество, – вступился кардинал, – в «вежливом» сомнении маркиза заключался какой-нибудь оскорбительный оттенок...

Суврэ вышел из себя. Ему было уже слишком очевидно, насколько кардинал старался во что бы то ни стало утопить его.

– Ваша эминенция совершенно правы, – твёрдо ответил он, – в моих словах был такой смысл, что шевадье оставалось или вызвать меня на дуэль, или уйти осмеянным. Он назвал оттенок своего камзола «бле-де-сиель», а я сказал, что, по-моему, его камзол «бле-де-кур». Всем, кто знает, что этот господин существует исключительно милостями своей любовницы, старухи Бледекур, пользующейся вашим отеческим расположением, кардинал, смысл моих слов ясен. Но если мои слова и были оскорбительны, то разве не оскорбительно было для его величества, что его первый министр и кардинал представляет ко двору его величества столь сомнительную личность?

– Эй, вы! – крикнул гасконец, топая ногой и готовый броситься на маркиза.

– Что такое? – крикнул на него король, вставая с места. – Вы забываетесь в присутствии короля?

– Если король, – в бешенстве ответил ла Хот-Гаронн, – позволяет своим фаворитам оскорблять в своём присутствии дворянина, то у дворянина нет никаких обязанностей по отношению к королю!

– Д'Антен! – крикнул король. – Немедленно отвести этого господина в Бастилию!

Д'Антен крикнул двух дежурных гвардейцев, и гасконца увели.

– Так вот каковы овечки у вашей эминенции? – снова сказал король. – И вы ещё решились требовать самых суровых кар для маркиза де Суврэ? Попрошу вашу эминенцию быть на следующий раз осторожнее как в рекомендации, так и в осуждении. Суврэ совершенно прав: представление ко двору такого господина есть оскорбление для меня!

Как и всегда в таких случаях, кардинал прибегнул к испытанному средству – отставке.

– Едва ли мне придётся впредь испытывать терпение вашего величества, – слащаво запел он, – потому что я с каждым днём чувствую себя всё более слабым и больным...

– Вот что, кардинал, – резко оборвал его Людовик, – если вы на этот раз вздумали завести свою старую песню об отставке, то вы выбрали плохой момент. Я как раз в таком настроении, что легко могу согласиться со слабостью и болезненностью вашей эминенции!

– Пока у меня ещё есть хоть капля силы, она вся принадлежит вашему величеству! – смиренно ответил кардинал,

видевший, что сегодня с его величеством творится что-то необычное, а потому обычные меры могут оказаться опасными.

– У вас больше ничего нет для меня, кардинал, на сегодня? – спросил король.

– Нет, я уже всё доложил вашему величеству.

– В таком случае, до свидания! Не смею задерживать далее вашу эминенцию!

Кардинал ушёл, теряясь в догадках, кто произвёл такую волшебную перемену в его застенчивом, робком питомце.<sup>50</sup>

Король и Суврэ остались наедине.

Людовик, красный от неулегавшегося гнева, расхаживал взад и вперёд по кабинету.

– Ты, может быть, воображаешь, что я на самом деле одобряю и извиняю твоё поведение? – крикнул он, останавливаясь перед Суврэ. – Стыдитесь, сударь, вы вели себя как мальчишка. Мне не надо таких друзей, которые готовы в любой момент заводить скандалы, словно подвыпивший мастеровой! Мне надоели вечные пререкания с кардиналом из-за вас всех! В изгнание, сударь, в изгнание! Это – единственное средство исправить вас!

Король снова забегал по кабинету. Суврэ молчал. Он знал, что Людовик не умеет долго сердиться и что после такой головомойки вскоре последуют полное прощение и примирение. Но он не мог отделаться от чувства величайшего изум-

---

<sup>50</sup> Флери был воспитателем Людовика XV в детстве.

ления, охватившего его после сцены короля с кардиналом. Людовик, этот робкий, застенчивый молодой человек, боявшийся кардинала до того, что однажды, когда королева пожаловалась на небрежение Флери к её просьбе, сказал ей: «Милая моя, разве можно просить чего-нибудь у кардинала? Надо либо обойтись своими средствами, либо отказаться от своего желания!» – этот самый Людовик вдруг выпрямился в настоящую царственную величину, дал зазнавшемуся попу истинно королевский отпор!

«Но его подменили, – думал он, – положительно подменили! Кто же совершил это чудо? Неужели Полетт?»

– Ну ты подумай сам, Суврэ, – вновь заговорил король уже более спокойным тоном, – какой вид имеет вся эта выходка! Ну, я понимаю – ревность, гнев, партийные счёты, особо сложившиеся обстоятельства могут поставить дворянина в такое положение, когда он уже не может считаться с тем, запрещены ли дуэли, или нет. Мой прадед, великий Людовик Четырнадцатый, однажды сам дрался на дуэли с придворным и другом из-за племянницы кардинала Мазарини. Но ты ни с того ни с сего подходишь к какой-то личности и вызываешь его на ссору! И для чего? Для того, чтобы проявить своё остроумие, чтобы позабавиться за счёт какого-то провинциального дурака?

– Но, государь, – ответил Суврэ, – недаром Грессэ говорит, что «les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs».<sup>51</sup>

---

<sup>51</sup> «Дураки существуют на земле для нашего развлечения».

Как ни привык король к манере Суврэ говорить при всех случаях и обстоятельствах цитатами, но теперь он уж очень не ожидал этого, да ему уже и надоело сердиться.

– Ах, Суврэ, – воскликнул он, смеясь от души, – ты положительно неисправим!

– «J'ai ri, me voila desarme»<sup>52</sup> – сказал Суврэ, опускаясь на одно колено.

– Ну нет, – возразил король, – я далеко ещё не обезоружен, и – погоди только, Суврэ! – когда-нибудь ты жестоко заплатишься за своё легкомыслие... Ах, у меня столько горя, столько забот! Знаешь ли ты, Суврэ, что сегодня утром умер от чёрной оспы герцог ла Тремуйль?

– Ла Тремуйль? – с ужасом вскрикнул Суврэ, даже подскочив от неожиданности. – Но ведь ещё недавно он был с нами?

– Да, но он чувствовал себя плохо ещё во время праздника Весны, и мне пришлось на другой же день отпустить его в Париж, где он и слёг. Ах, Тремуйль, Тремуйль. Верный друг и преданный слуга! И ты представь себе только, Суврэ, как брэнна жизнь и слабы человеческие силы и знания! Ещё неделю тому назад Тремуйль в расцвете сил, красоты и молодости веселил одним своим видом все сердца, а теперь от его обезображенных останков бегут все... И подумать только: три лучших парижских врача лечили его!

– Три врача? – с испугом переспросил Суврэ. – Но, го-

---

<sup>52</sup> «Я рассмеялся, и вот я обезоружен!» (Буало).

сударь, тогда всё понятно: «Que vouliez-vous qu'il fit contre trois?»<sup>53</sup>

Король рассмеялся и с явным благоволением потрепал маркиза за ухо. Непостоянный, в достаточной мере чёрствый и себялюбивый, Людовик был далеко не расположен серьёзно оплакивать кого бы то ни было, но он боялся нареканий, а потому должен был разыгрывать из себя скорбящего. Маркиз Суврэ, не перестававший шутить и теперь, был ему, таким образом, очень удобен; с ним, по крайней мере, можно было не притворяться. Поделись он, пожалуй, своим притворным горем с Жевром или Мортмаром, те начали бы подлаживаться под настроения короля, принялись вздыхать, охать, стонать!

– Но одной смертью герцога ещё не исчерпываются мои огорчения, – продолжал Людовик. – Конечно, мне очень жаль Тремуйля, но ведь в конце концов мы все там будем. Пусть Тремуйль умер слишком рано, но кто же умирает не рано? Ведь смерть никогда не является желанной гостьей! В таких случаях приходится жалеть не об отошедших, а об оставшихся, и, право же, одним из этих оставшихся являюсь я сам! Ты – мне верный друг, Анри, и я, пожалуй, откровен-

---

<sup>53</sup> «Что же, по-вашему, он мог поделать против троих?» В трагедии Корнеля «Гораций» старик Гораций, узнав, что после сражения Горациев с Куриациями двое из его сыновей убиты, а третий спасся бегством, предался отчаянию, но не по поводу смерти двоих, а по поводу бегства третьего. Тогда его спрашивают цитированной выше фразой. Старый герой ответил: «Он мог умереть!» Нечего и говорить, что Суврэ очень оригинально использовал первую фразу.

но расскажу тебе, в чём дело. Но смотри – никому ни единого слова об этом! Ты знаешь, существуют вещи, которых я не прощаю никому и никогда. Нарушение моего доверия из их числа!.. Только вот что, не позавтракать ли нам? Я что-то проголодался, да и ты, вероятно, не прочь подкрепиться после всех треволнений. Башелье! – сказал Людовик вошедшему на его звонок камердинеру. – Сегодня все приёмы отменяются; всем желающим видеть меня говори, что король оплакивает Тремулья и не может никого принять. Затем накрой нам здесь стол на двоих и принеси лёгкий завтрак – ну, два-три горячих блюда и несколько холодных. Поставь всё это сразу и уходи! Да не забудь вина! Ступай!

Когда довольно большой стол был сплошь уставлен холодными и горячими блюдами и бутылками вина, входившими в состав «лёгкого» завтрака короля, Людовик пригласил Суврэ занять место против него, уселся сам и, утолив острое чувство голода, заговорил:

– Не успел я вчера отдохнуть с дороги, как ко мне явилась целая депутация из камер-юнкеров в составе герцога д'Омана, Жевра и Мортмара. Они сообщили мне, что Тремуль плох, что надежды на его выздоровление нет никакой, а потому надо заранее считаться с его кончиной; поэтому-то они теперь же обращаются ко мне с почтительной просьбой оставить камер-юнкерскую должность Тремулья за его четырёхлетним сыном.

– Они не теряют времени даром! – воскликнул Суврэ, от-

давая честь паштету из фазанов с перигорскими трюфелями.

– Вот именно! – согласился король. – Конечно, в такую минуту я не мог дать им никакого положительного ответа. Я сказал, что Тремуиль ещё не умер, что Божья воля часто нарушает все людские расчёты, что меня самого десятки раз приговаривали к смерти, но если их мрачные предположения осуществляются, тогда я подумую.

– Прикажете налить вина вашему величеству? – сказал Суврэ, заметив, что король что-то ищет.

– Налей, вот того! Потому ли что не знали ничего верного или не хотели портить мне удовольствие в Шуази, но до вчерашнего вечера я даже не знал, что у ла Тремуиля оспа. Нечего говорить, как поразила и огорчила меня эта весть! Чтобы как-нибудь разогнать тоску и тревогу, я послал сказать Луизе и Полине, что прибуду к ним вечером поиграть в карты. Прихожу туда – там уже известно, что душа Тремуиля борется между жизнью и смертью! Оказывается, у сестёр уже имеется свой кандидат на освобождающееся место камер-юнкера, и они принимаются хлопотать за герцога Люксембургского!

– И он тоже! – воскликнул маркиз.

– Вот слово в слово то, что и я подумал тогда! – продолжал король. – Кое-как шутками и смешком мне удалось увильнуть от ответа. Но сегодня ко мне явился Флери с просьбой помешать дуэли кровожадного Суврэ с тихоньким ла Хот-Гаронном; я отдал распоряжения, а пока наводил справки,

где именно должна состояться дуэль, стал говорить с кардиналом о разных делах, и он очень ясно намекнул мне, что хотел бы видеть в этой должности молодого Флери, своего племянника. Я постарался не понять этого намёка, хотя он и привёл меня окончательно в отвратительное расположение духа, тем более что Флери сумел рассердить меня как подкопами против тебя, так и противодействием в одном деле, о котором я буду говорить с тобой далее. Ну, так вот, как видишь, я из-за смерти Тремуйля попал в очень неприятное положение. Отвергнуть кандидатуру герцога Люксембургского? Но Луиза никогда ни о чём не просит меня, и у меня язык не повернётся отказать ей в её первой серьёзной просьбе, да и Полина – такой очаровательный чертёнок... Отказать камер-юнкерам? Но это значит обмануть ожидания друзей и создавать недовольных в непосредственной близости от своей особы. Отказать Флери? Но, милый друг, хотя я сегодня и указал кардиналу его место, но, между нами говоря, он мне необходим. Да, да! Не делай таких насмешливых глаз, Суврэ! Помимо разных других соображений, скажу тебе следующее: кардинал Флери знает слишком много государственных тайн, и если я сегодня в двенадцать часов приму его отставку, то в половине первого кардиналу придётся сесть в самую уединённую башню Бастилии...

«Это надо запомнить и принять к сведению!» – подумал Суврэ.

– Но подумай сам, кто же пойдёт на службу к такому ко-

ролю, который в награду за долголетнюю службу сажает старика в крепость! Вот в том-то и дело, что это не так легко разрешить. Я просто в отчаянии – что я ни сделаю, будет плохо! Суврэ! Если ты – истинный друг мне, то должен посоветовать, как мне быть!

– Ваше величество, – сказал Суврэ, – для меня этот вопрос так неожидан, что я не могу сразу охватить его. Но ведь нет никакой необходимости теперь же решать его? Если осмелятся приставать к вам и далее с этим, то вы можете сослаться на то, что ещё не успели решить это. Вы, дескать, так огорчены смертью близкого друга, что вам ненавистна самая мысль о необходимости «делить ризы его»!

– А ведь, ей-Богу, так оно и есть, Суврэ! – воскликнул король, обрадованный, что ему подсказывают столь удобную увертку. – Но продолжай, милый Анри, продолжай!

– Если же в это время не удастся прийти к решению, как примирить все три домогающиеся стороны, то, чтобы не обижать ни одной из них, вашему величеству лучше всего будет назначить на должность покойного Тремуйля не одного из трёх предложенных кандидатов, а кого-нибудь четвёртого!

– Честное слово, ты молодец, Суврэ! – с жаром вскричал король. – Вот уж не раскаиваюсь, что открылся тебе! Ты совершенно прав! Если в это время мне не удастся склониться на чью-нибудь сторону, то я назначу камер-юнкером того, за кого ровно никто не просит! Но время терпит, мы ещё подумаем! Теперь далее, Суврэ, мои затруднения далеко ещё

не кончились! – Король налил себе стакан вина, залпом выпил его и продолжал: – Надо тебе сказать, что этот чертёнок Полетт меня совершенно очаровала. Что за женщина, чёрт возьми! И как ловко она сумела обойти не только меня – это ещё неудивительно, – но и тебя, знающего её уже давно!

– Вот именно, ваше величество, в последнем-то и нет ничего удивительного! – подхватил Суврэ. – Обмануть ваше величество было гораздо легче, чем меня. Ну мог ли я подумать, что под маскарадным костюмом богини Счастья скрывается моя скромная Полетт? Да я готов был подозревать кого угодно, высказывать самые нелепые предположения, но если бы мне сказали, что на маскараде нас интриговала Полина, то я просто расхохотался бы в лицо!

– Может быть, и так, – согласился король. – Так слушай! Я домогался Полины де Нейль просто как красивой девушки – даже не красивой, а скорее дразнящей, острой, пряной, – а нашёл в ней не только женщину, но и человека с проникновенным взглядом и широким кругозором. Я был просто поражён, когда она стала делиться со мной своими надеждами и планами. Как она верит в мощь Франции, как она широко понимает широту её задач! Ты знаешь, когда она говорила, у меня просто захватывало дух, точно меня поднимали на громадную высоту. О, если бы можно было создать всё то, что она говорила, и в том широком объёме, как говорила она! Тогда можно умереть спокойно! Имя Людовика Пятнадцатого не затеряется в бесконечном ряду всех других пред-

шествовавших и последующих Людовиков!

– Оно всё равно не затеряется, государь! – возразил Суврэ. – У всех прошлых Людовиков были почётные клички, но такой, какой дал народ вам, не было ни у кого. Людовики были Простаками, Заиками, Ленивыми, Толстыми, Святыми; был Людовик Лев, был Сварливый, был Великий, но Людовика Возлюбленного, как именует народ ваше величество, – ещё не было!

– Да, но придумай только подходящую кличку на тот случай, если бы мне удалось совершить то, что нарисовала передо мной Полина! Она как-то спросила меня: правда ли, что мне сватали принцессу Елизавету, дочь русского царя Петра Великого. И вот она начала рассуждать на эту тему, перейдя от этого сватовства к русским делам вообще. Она рассказала мне, что права принцессы Елизаветы, особы красивой, умной, очаровательной в обращении, доброй и чувствительной, нарушены воцарением царицы Анны Иоанновны, которая гонит всё русское и всюду даёт предпочтение немцам. И вот чувствительная Елизавета целыми днями льёт слёзы – так ей жалко погибающего наследия её великого отца и угнетаемых русских подданных. Полина указала мне на необходимость вмешаться в русские дела, разбив этот вопрос на две ветви: во-первых, французские короли всегда были рыцарями, а что может быть священнее для рыцарского долга, как не защита попранных прав достойной женщины! Во-вторых, помимо нравственного удовлетворения, Франция полу-

чит громадные материальные выгоды. Елизавета ненавидит немцев и обожает французов, да ещё вдобавок она будет обя-зана короной Франции. Значит, Россия станет верной союз-ницей Франции, которая с помощью первой сможет дать от-пор немецким притязаниям, смирить заносчивого прусско-го короля, свернуть шею австрийскому орлу, да и вообще стать вершителем судеб Европы. Мало того – Россия откроет широкие двери французской культуре, торговле и промыш-ленности. Мы получим широкий рынок сбыта, Россия ста-нет как бы суверенной провинцией Франции... Это ли не торжество, это ли не заманчивая картина французского мо-гущества и блеска? Ну скажи, Суврэ, разве в самом деле не ошибка Франции – не вмешиваться до сих пор в русские де-ла и давать немцам полновластно распоряжаться там?

– Ваше величество! – воскликнул Суврэ. – Я просто ослеплён картиной, которую вы нарисовали мне! Неужели всё это продумала крошка де Нейль, сидя за монастырской стеной?

– Ну да, у меня, говорю тебе, тоже на первых порах дух захватило. Но недаром же Полина просила меня до поры до времени ничего не говорить кардиналу, так как Флери вос-станет против этого плана уже потому, что не ему пришла счастливая идея. Сегодня я заговорил об этом с кардиналом. Господи, чего только он не наплёл! С рыцарской точки зре-ния, открытое выступление за права принцессы Елизаветы будет только несправедливым, так как она – дочь младше-

го сына царя Алексея Михайловича, царица же Анна – дочь старшего, а следовательно, права принадлежат именно последней, но не первой. С точки зрения политической выгоды, вмешательство не принесёт никакой пользы, так как Франция истощена и бедна, ей не под силу взвалить на себя войну со всей Германией, да и неизвестно ещё, захотят ли русские признать своей царицей принцессу Елизавету... Словом, не могу передать тебе все его доводы; хотя он и не сумел убедить меня, но на словах разбил по всем пунктам. И вот я совершенно не знаю, как же мне быть, Суврэ? Согласиться с Полиной – значит отстранить от кормила власти Флери. Но ведь именно в тот момент, когда страна в области внешней политики вступает на новый путь, необходимо, чтобы ею правила старая, испытанная рука. С другой стороны, неужели отказаться от всех тех блестящих надежд, которые навела мне Полина?

– О, это было бы очень грустно, государь!

– Но как же примирить их разногласие?

– Да очень просто, государь. Назначьте на один из дней тайное заседание, на которое пригласите как кардинала, так и девиц де Нейль. Ну, разумеется, надо будет пригласить ещё и других лиц: например, меня, государственного секретаря Амело, ещё кого-нибудь. Конечно, все остальные будут только для декорации, для вас же, государь, будет важно, как и что станут возражать обе противные стороны. Из их спора вам легко удастся вывести, кто из них прав. Вот тогда-то вы

и сможете прийти к определённом выводу!

– Твоя мысль была бы очень хороша, если бы не отличалась некоторым неудобством. Помилуй Бог, Суврэ! Что станут говорить, если французский король начнёт привлекать к участию в государственных совещаниях своих возлюбленных?

– А вы поступите наоборот, государь! Привлеките совещание к своей возлюбленной. Пригласите всех указанных лиц как-нибудь вечерком к графине де Майльи. Ваш прадед заслужил прозвание «Великого», государь, а между тем не одно важное совещание проходило в покоях маркизы де Ментонон!

– Суврэ! – воскликнул король. – Я уже не раз говорил тебе, что ты незаменим и неоценим! Благодарю тебя, Анри, твоя мысль великолепна, и я воспользуюсь ею! Но знаешь, Суврэ, раз ты помог мне в двух затруднениях, то поможешь и в третьем. Дело вот в чём. Полине неудобно и невозможно оставаться в её положении девицей. Её надо выдать замуж. Но за кого?

– Мало ли желающих найдётся! – заметил Суврэ.

– Много, но нет подходящих. Одни уже женаты, другие холосты, но не отвечают необходимым требованиям, а я совершенно не желаю давать Полине в мужья человека с недостаточно благородным именем. Третьи отвечают всем требованиям, но слишком надменны, а ты сам понимаешь, Анри: неудобно закидывать словечко там, где оно может быть и не

принято. И вот я второй день ломаю себе голову и ничего не могу придумать. Подумай ты, Суврэ! Может быть, у тебя найдётся подходящий человек?

– Скажите, ваше величество, что вы дадите мужу девицы де Нейль?

– Жених должен дать слово, что прямо от венца отправится путешествовать не менее как на год. Тогда он получит одновременно двести тысяч ливров, шесть тысяч годовой пенсии, а по возвращении из путешествия – квартиру в Версале, но отдельно от жены, которая будет назначена статс-дамой.

– Прибавьте ещё одну милость, государь, и жених у меня готов!

– Неужели?

– Архиепископ парижский давно добивается кардинальской мантии. Обещайте ему этот сан, и он сам поведёт к венцу своего племянника, виконта де Бентимиль!

– Но это великолепно! Ты прелесть, Суврэ! Молю Бога, чтобы он дал мне возможность как можно долее пользоваться твоими советами! – промолвил король.

– Это в большой степени зависит от вашего величества, – ответил маркиз. – Позвольте мне и впредь оставаться в той же тени, в какой я был до сих пор! Пусть никто не знает, никто не догадывается, что ваше величество советовались со мной по тому или другому поводу. Тогда у меня будет меньше завистников и врагов, а следовательно, появится мень-

ше поводов подкапываться под меня. Пусть ваше величество никогда никому не говорит, что та или иная мысль, то или иное решение подсказано мною. Вот единственная милость, о которой я прошу вас, государь!

– Суврэ! – сказал король, подходя к маркизу. – Король слишком беден, чтобы наградить тебя так, как ты заслуживаешь. Но твой друг может дать тебе только вот это... – и Людовик обеими руками взял Суврэ за голову, пригнул его немного к себе и поцеловал в самые губы. – А теперь, милый мой Анри, беги к архиепископу и позондируй почву. И если ты увидишь, что почва поддается, то уполномочиваю тебя сегодня же решить с архиепископом все подробности. Ступай, милый, да благословит тебя Бог!

«Великолепно! – думал маркиз, сбегая с лестницы дворца. – Жанна будет мною довольна! Голубка моя! Как мне хочется поскорее прижать тебя к своему сердцу! Но дело прежде всего. Итак, сначала в Париж к архиепископу, потом обратно в Версаль к Полетт, потом к Жанне!»

С архиепископом Суврэ закончил дело в нескольких словах. Старик бы в восторге, что наконец-то ему предоставляется возможность получить красную мантию, и сообщил маркизу, что его племянник на днях проиграл в карты последние остатки своего состояния, а следовательно, будет счастлив женитьбой на Нейль поправить свои дела. Архиепископ уже заранее давал слово за виконта, но обещал сегодня же переговорить с племянником и не позже завтраш-

него утра дать Анри окончательный ответ.

От архиепископа Суврэ помчался обратно в Версаль. Дома он застал одну только Полетт.

– Привет вам, виконтесса! – весело крикнул ей Анри.

– Виконтесса? – удивлённо переспросила Полетт. – Простите, Анри, но я, право, не понимаю, в чём тут остроумие!

– Да не остроумие, а самый бесспорный факт, Полетт! Не пройдёт и недели, как вы будете ею! – Суврэ рассказал Полине о переговорах с архиепископом и продолжал: – А теперь, Полетт, другое дело, из-за которого я, собственно, и приехал к вам. Правда, под угрозой вечной королевской немилости я обещал никому не говорить о том, что мне сообщил король, но мы всё равно связаны тайной прошлого, а потому одним преступлением больше или меньше – не всё ли равно!

– Но вы просто пугаете меня, Анри! – сказала Полина.

Суврэ передал ей вкратце свой разговор с Людовиком по поводу кандидатуры на место покойного Тремулья и вмешательства в русские дела.

– Так он всё-таки выболтал это кардиналу? – воскликнула Полетт, с досадой топнув ножкой. – Как я просила его не делать этого! Мне хотелось сначала подготовить его как следует, чтобы он сам мог дать отпор кардиналу. А теперь он всё перепутал, и кардиналу нетрудно было разбить его «по всем пунктам», как вы говорите!

– А разве ваш замысел не таков? Я по крайней мере вынес убеждение, что вы хотите именно этого!

– Этого, да не этого! – нетерпеливо сказала Полина. – Кто говорит о ниспровержении императрицы Анны? Кто сравнивает её права с правами принцессы Елизаветы? Ну да, права принцессы Елизаветы были нарушены, но раз этому дали совершиться, раз Анна короновалась, раз над ней совершён обряд помазания на царство, то с её царствованием придется мириться. Однако я знаю из самых верных источников, что здоровье императрицы очень плохое и что врачи не дают ей больше одного-двух лет жизни. Вот когда надо вмешаться, чтобы не дать утвердиться на престол её племяннице Анне и возвести на престол принцессу Елизавету!

– Но помилуйте, Полетт, ведь может пройти не два, а десять, двадцать, тридцать лет, пока императрица Анна умрёт! Ведь врачи так часто ошибаются!

– Да, но они никогда не ошибаются, если им сунут в одну руку крупную взятку, а в другую – склянку с каплями! Что вы на меня так смотрите! Политика не знает ни сентиментальности, ни щепетильности там, где налицо необходимость! Но вы можете быть спокойны, Анри, нам к этому средству прибегать не придётся: я знаю, что век императриц недолог, и вы можете доверять моим сведениям! Словом, так или иначе, но мы можем считаться с достоверным фактом, что императрица Анна проживёт недолго, и должны теперь же принимать меры к обеспечению трона за принцессой Елизаветой!

– Но подумайте, Полетт, не прав ли отчасти кардинал,

опасаясь, как бы открытое выступление Франции не вовлекло её в войну со всеми германскими государствами?

– А кто вам говорит об открытом выступлении? Неужели надо всегда и во всех случаях идти проторённой дорожкой? Пусть Франция помогает деньгами, дипломатическим давлением на другие государства; пусть она помогает сорганизоваться партии принцессы Елизаветы, извещает последнюю через своих агентов о намерениях враждебных держав, да и мало ли что? Право, тайная помощь, сочувствие в тайном заговоре принесут больше пользы, чем открытое вооружённое вмешательство. Наоборот, последнее могло бы быть только опасным для самой же принцессы Елизаветы! Вы знаете, Анри, я знакома с историей и много думала над ней. И вот что я вам скажу – если бы Лжедмитрия не сопровождали польские полки, то он, по всей вероятности, царствовал бы до преклонного возраста. Русский народ не поверит, что у Елизаветы все права на престол, если сажать её на трон придут французские войска!

– Словом, – вставая с кресла, сказал Анри, – я убеждаюсь, что моя мысль была как нельзя более удачной!

– Какая мысль?

– Король обратился ко мне за советом, как решить, кто прав – вы или Флери. Я посоветовал ему устроить совещание, на котором вам дадут возможность сцепиться с кардиналом, чтобы его величество мог решить, кого из вас послушать.

– Это вовсе не такая удачная мысль, Анри. Я могу заробеть, смутиться, а Флери – опытный боец. Если он теперь вдобавок узнает, что я с сестрой настаиваю на кандидатуре другого лица и что его племяннику грозит опасность не получить место покойного Тремуйля, то он всё поставит на карту, чтобы назло мне разбить мои планы!

– Кардинал никогда не узнает об этом, если вы сами не постараетесь дать ему знать о своих намерениях. А вы непременно должны найти способ сделать это!

– Анри, да вы совсем с ума сошли!

– А вот судите сами. Флери уже высказался против предложенного нами вмешательства, а следовательно, как бы вы ни убеждали его, он из простого упрямства будет действовать против вас. Но если до этого совещания вы сумеете показать ему, что от вас зависит судьба его племянника, он уже сам будет искать способ вступить с вами в соглашение. Смотрите, Полетт, ведь таким образом вы сможете дёшево купить кардинала!

– Но к чему же тогда вся эта комедия с совещанием?

– А как, по-вашему? Может быть, кардиналу просто прийти к королю и сказать: «Ввиду того, что мы с милой вашему сердцу дамой пришли к соглашению, я уже не вижу препятствий к вмешательству в русские дела?» Нет, Полетт, кардинала можно купить известным соглашением, чтобы он не мешал вам, но помогать вам он будет только в том случае, если вы сумеете убедить его в действительной целесообраз-

ности задуманного вами. Помните, Полетт, я убедился, что король только с очень большим трудом расстанется с кардиналом, а если расстанется, то сейчас же пожалеет об этом. В последнем случае кардинал может поставить какие угодно условия, и они будут приняты! Я знаю, Полетт, вы всегда мечтали, что выгоните Флери и будете управлять Францией.<sup>54</sup> Что вам дороже – первое или второе? Я думаю – второе! Так вот что я вам скажу если кардинал не пойдёт на соглашение, тогда, конечно, свалите его, если удастся; и свалить ещё мало: его надо убить, потому что иначе он сумеет и упав испортить вам всё. Но если есть возможность согласиться с кардиналом, идите на это! Не забудьте, что кардинал стар, а вы молоды. Всё равно он скоро умрёт. Но если вам удастся провести своё блестяще задуманное дело, то вы займёте при короле непоколебимую позицию!

– Пожалуй, вы правы, Анри... Значит, по-вашему, дать стороной знать Флери, что мы выступили против его племянника?

– Всенепременно!

– Но как это сделать лучше?

– А вот как. Ведь вы дружите с молодой Лебель? Скажите ей как-нибудь мимоходом, что кардинал хлопочет за того-то, но вы решили во что бы то ни стало провести другого

---

<sup>54</sup> Ещё из монастыря Полина писала своей подруге Дре, постригшейся в монахини, дословно следующее: «Я буду писать письмо за письмом моей сестре Де Майльи; она добра и возьмёт меня жить к себе. Я заставлю короля полюбить меня, выгоню Флери и буду сама управлять Францией».

кандидата. Лебель расскажет об этом отцу. Её отец полетит с этим известием к старухе Тансен, которая славилась прежде своими любовными похождениями, а теперь устраивает чужие. Тансен, как поставщица возлюбленных старухи Бледекур, сейчас же передаст это маркизе, а последняя, верный агент кардинала, доложит самому Флери!

– Какой вы милый, Анри! Всегда-то у вас найдётся совет, выход, путь!

– Ну, я вмешался в это дело далеко не бескорыстно. Однако я всё сказал и теперь лечу. Поручаю себя вашим святым молитвам, будущая виконтесса де Вентимиль!

– Да куда вы летите, Анри? Вот чудак! Сорвётся с места и бежит, точно его гонят! Посидите минуточку, расскажите мне, были ли у Жанны, сообщали ли ей про Шуази, что она сказала, как ваши дела?

– У Жанны был, всё ей рассказал, она осталась очень довольна. До свидания, Полетт, некогда!

– Ну, Бог с вами! Спасибо вам, милый Анри, – за всё! – сказала Полина, протягивая маркизу обе руки. – Но какой у вас свежий, довольный вид, Анри! Я уже давно не видела вас таким!

– Ах, Полетт, Полетт! – вскрикнул Анри, хватая девушку за обе руки и принимаясь весело кружить её по комнате. – Я так счастлив, так доволен, я точно снова на свет родился!

– Да пустите меня, сумасшедший! – пищала Полетт. – У меня голова кружится, я не могу больше!

Анри докружил Полину до кушетки и опустил там девушку, которая, словно сноп, упала на подушки. Тогда, весело напевая что-то, Суврэ бросился к дверям, чуть не сшиб с ног входившую в комнату де Майльи, даже не извинился перед ней, не заметив её, стремглав вылетел во двор, вскочил на лошадь, которую держал наготове конюх, и помчался по направлению к Парижу.

– Да что он, взбесился, что ли? – спросила Луиза, подозрительно посматривая на сестру.

– Нет, я думаю, что Жанна сменила гнев на милость, вот он и безумствует! – охая, ответила Полина. – Но что за сумасшедший! Можешь себе представить, Луизетт, я только назвала Жанну по имени, как он от восторга принялся крутить меня по комнате до тех пор, пока я не упала!

## XI

### **ВАРИСЬ, КАША, ПОКРУЧЕ!»**

Прошло около месяца. День уже начинал склоняться к вечеру, и невыносимый жар, томивший парижан с самого утра, понемногу спадал, когда к очкасовскому садику в Клиши подъехала стройная амазонка, великолепно сидевшая в седле и мастерски правившая породистой гнедой лошадью. Трудно было признать в этой амазонке, в этой пышной, нарядной, гордой женщине прежнюю скромненькую Полетт. Она на редкость похорошела, как хорошеет даже дурнушка

в первые месяцы счастливой, удовлетворённой любви. Придворные парфюмеры пустили в ход весь арсенал своих чудодейственных косметик, чтобы загладить, исправить и смягчить некоторые недостатки лица Полины. Костюм, над которым потрудились первые артисты портняжного цеха, счастливо подчёркивал грациозную округлость её форм, а выдающееся положение, которое она занимала при дворе, придало её манерам изящную развязность и величие.

Подъехав к решётке сада, Полина услышала доносившиеся оттуда голоса. Как будто кто-то учился. Ученик неуверенным голосом произносил слова, а старческий голос учителя ворчливо поправлял его. Полина даже приподнялась на стременах, чтобы посмотреть, в чём там дело. Но деревья, посаженные вдоль решётки, которые в начале этого рассказа мы застали почти обнажёнными, теперь покрылись густой, непроницаемой для взоров листвой, а внизу пышно разрослись цветочные кусты.

Отдав поводья выбежавшему к ней со двора слуге, Полина толкнула калитку и вошла в сад.

Ей представилась довольно комическая картина. Старик Очкасов, нацепив громадные очки, водил пальцем по раскрытой перед ним французской книге, а долговязый Столбин с робким видом читал вслух, вздрагивая каждый раз, когда Николай Петрович за малейшую ошибку обрушивался на него добродушно-грозной воркотнёй.

– Что я вижу! – весело воскликнула Полина. – Мсье Стол-

бин учится французскому языку, а мсье Николя с добросовестностью, которая равна разве только его нетерпеливости, посвящает его в эту премудрость!

– А, стрекоза-трещотка! – весело заворчал старик. – Что давно не бывали? Мне без вас как-то скучно! Ну совсем как однажды в моём петербургском доме сверчок завёлся. Сначала из себя трескотнёй выводил, а потом, когда я попривык, даже скучно стало от его молчания!

– О, у вас для меня всегда найдётся какое-нибудь лестное сравнение! – засмеялась Полетт. – Учитесь-ка вы поскорее французскому языку, мсье Столбин, тогда хоть вы меня в этом доме защитите!

– Учусь! Стараюсь! – не без некоторого усилия выговорил Столбин.

– И успехов не делаю! – ворчливо договорил старик. – То же, защита вам понадобилась! Это от вас всякому защищаться надо!

– А Жанна дома? – спросила Полетт – Да не у вас ли маркиз Суврэ?

При этом вопросе лицо старика сразу омрачилось, седые брови угрюмо опустились, в углах старческого рта появилась скорбная, мрачная складка.

– Там! – сердито, почти невежливо ответил он, показывая рукой на дом, и сейчас же накинулся на Столбина. – Ну а вы чего уши развесили? Рады, что можно поротозейничать? Беритесь за книжку, мсье лентяй! Учиться надо!

– Будем учиться! – с милой улыбкой ответил по-французски же Столбин.

Полина с недоумённой улыбкой прошла в комнату Жанны. Действительно, маркиз Суврэ был тут.

– А, прелестная виконтесса де Вентимиль! – воскликнул Анри.

– Милочка! Но как ты дивно похорошела! – удивилась Жанна, бросаясь целовать подругу.

– Ладно уж, ладно! – засмеялась в ответ Полина. – Нечего мне комплименты говорить! Всё равно вижу, что сидели и нежничали! Вот что весна-то значит! То, бывало, прежде моя Жанна всё нет да нет, и слышать об Анри не хотела, а теперь – на-ко поди! Кстати, – продолжала неугомонная болтушка, – какую трогательную картину застала я в саду! Этот Столбин, такой долговязый и такой покорный да тихонький...

– Да, – сказала Жанна, – он удивительно старателен и делает поразительные успехи. Просто на глазах видишь, как он всё свободнее начинает говорить!

– Хотя ваш батюшка делает всё, чтобы затруднить ему усвоение предмета! – насмешливо заметил Суврэ.

– Да, – согласилась Полина, – мсье Николя уж чересчур ворчит на него. Но скажи, Жанна, это он сам захотел?

– И сам захотел, да и нужно это по некоторым соображениям...

– По каким?

– Да неужели тебе никогда не приходило в голову, Полина, что Столбин будет нам крайне полезен в России?

– Ну конечно приходило, но при чём в России французский язык?

– А разве может он вернуться в Россию под своим именем? – спросила Жанна.

– Ну конечно, нет, но и за француза ему тоже не удастся выдать себя...

– Да это и не нужно...

– Особенно, – продолжала виконтесса, – при таком учителе, который в произношении и сам-то не очень силён. Кстати, Жанна, что это значит: когда я спросила твоего отца, где ты и не здесь ли Анри, то он сначала посмотрел на меня свирепыми глазами, а потом сразу стал сердитым и хмурым!

Жанна и Анри переглянулись, но молчали.

– Э, господа, но у вас что-то не всё ладно? – продолжала Полина. – Да полно, уж и вправду ли нежничали вы перед моим приходом? Анри взволнован, Жанна грустна? Дорогие мои! Вы ведь знаете, что я...

– Страшно любопытна! – договорил Суврэ.

– Фу, какой вы гадкий, Анри! Вы знаете, что я очень люблю вас обоих и что в сущности я – не такая пустая болтушка, какой кажусь. Поделитесь со мной своим горем. Может быть, и я что-нибудь дельное придумаю!

Жанна опустила голову.

– Ну что же, рассудите нас, Полина, – сказал Суврэ, – если

только Жанна ничего не имеет против.

– Пусть! – сквозь зубы кинула Жанна.

– Так видите ли, Полина, – продолжал Анри, – у нас действительно разногласие, и немалое, на мой взгляд. Вы были поверенной моих сердечных тайн, Полетт, вы знаете, как долго и как нежно я люблю Жанну. Знаете вы и то, что мне удалось пробудить к счастью мою принцессу-ледишку. Но я хотел бы сделать её окончательно счастливой, а разве может быть счастье – я разумею прочное, открытое, полное счастье, – если отношения между двумя людьми не урегулированы! А кто мы сейчас друг другу? Как смотрит на нас свет? Да и каково нам самим? Встречаться урывками, украдкой, воровать своё счастье у самих себя! А когда я говорю Жанне, что нам надо повенчаться, она начинает говорить о своём прошлом, уверять, что она опозорена и недостойна носить моё имя. Но какое мне дело до её прошлого? Твоё настоящее, твоё будущее – вот что беру я, Жанна, а прошлое похоронено и забыто в далёкой России. И как можно говорить о позоре! Разве в насилии позор?

– Нет, Анри, – грустно ответила Жанна, – я говорила не только это, да и не совсем так. Я говорила только, что если твоя любовь пройдёт, то что бы ты ни говорил теперь, а тогда не утерпишь, чтобы не укорить меня прошлым. Но это не остановило бы меня. Гораздо большим препятствием в моих глазах является то, что, став твоей женой, я делаюсь французской подданной, а между тем у меня имеются нравствен-

ные обязанности перед родиной...

– А перед отцом у тебя нет обязанностей, Жанна? – с жаром произнёс Анри. – Разве тебе не жаль этого достойного старца, который не может примириться с совершающимся на его глазах. Пусть он закоснел в своих понятиях, но ведь нельзя же не уважать старости?

– Если отец не может отрешиться от ложных взглядов, тем хуже для него. Но он стар, Анри, а я молода, тогда как Россия вечно юна. Нельзя жертвовать молодым старому – это противоестественно! Наконец, ты не имеешь права требовать этого от меня, Анри. Вспомни, что я сказала тебе в первый день нашей любви: «Я буду любить тебя до тех пор, пока любится и пока твоя любовь не станет поперёк моему долгу». Берегись, Анри!.. Настаивая на своём желании, ты подвергаешься опасности второго «пока»!

– Однако мы продолжаем пререкаться и сами судим себя, – заметил Анри, – а ведь мы пригласили, с обоюдного согласия, судьёй Полетт...

– Которая скажет, что вы не правы, Анри! – с жаром подхватила виконтесса.

– Вот видишь! – с торжеством заметила Жанна.

– Я не прав? Но что вы говорите, Полина! – воскликнул поражённый Суврэ, уверенный, что Полина встанет на его сторону.

– Да, вы не правы, Анри, и я сейчас докажу вам это.

– Это интересно!

– А вот послушайте. Должна вам сказать, Анри, что я заранее улыбалась, представляя себе вас в виде влюблённого. Мне так живо представлялось, что вы не скажете просто: «Жанна, я люблю тебя!» или «Жанна, я твой навеки!», а сначала встанете в позу и приведёте соответствующую цитату.

– Ну нет! – перебила её Жанна, невольно улыбаясь. – Я заранее взяла с Анри честное слово, что он не будет мучить меня стихами!

– Ну вот, – продолжала Полина, – действительность оказалась ещё хуже моих представлений. Как, вместо того, чтобы наслаждаться достижением заветнейших грёз, вы морализуете, Анри? Но вы просто недостойны выпавшего на вашу долю счастья! Прежде вы жаждали хотя бы просто благосклонной улыбки Жанны, сами говорили мне, что сочтёте высшим счастьем, если она позволит вам хотя бы говорить ей о своей любви. Вы добились большего, но теперь вам мало и того. Вы ставите новые требования, ещё дальше отводите те границы, в которых, по-вашему, должно заключаться полное счастье. Что же может гарантировать, что, добившись осуществления этих желаний, вы не поставите ряда новых, всё менее и менее осуществимых требований? Бывают такие натуры, которые не умеют быть счастливыми. Из-за них не стоит поступаться своим «я», Анри!

– Но всё это – только рассуждения, Полетт; где же доказательства?

– Извольте и доказательства. Любовь должна быть прежде

всего свободной и не налагать цепей. А вы хотите связать Жанну, не поступаясь лично ничем. Любовь должна облагораживать людей, способствовать им в их лучших стремлениях, а вы хотите на основании каких-то мифических прав любви помешать Жанне исполнить то, что она считает своим высшим долгом. Мало того, вы не исполняете своих обязательств. Жанна сказала вам, что её любовь не должна мешать её долгу к родине, и вы согласились с этим, а теперь начинаете проповедовать, что она не так, как нужно, понимает свой долг, и так далее. Мало того, вы недостаточно деликатны, так как, желая добиться своего, спекулируете на любви Жанны к отцу. Вы знаете, что её это и без того мучит, и всё-таки подливаете масла в огонь?! Нет, Анри, если бы на месте Жанны была я, то я с самой очаровательной улыбкой распахнула бы перед вами дверь и предложила бы прогуляться подальше!

– Ну что же, может быть, она так и сделает! – с горечью сказал Анри, опуская голову.

Жанна подошла к нему и, положив руки ему на плечи, промолвила:

– Нет, Анри, я сделаю всё возможное, чтобы этого не случилось! Так трудно, так страшно быть вечно наедине со своей мстью, со своим прошлым!. Когда ты со мной, я дышу спокойнее, искреннее, верю в будущее торжество... Но к чему же ты делаешь всё, что способно разъединить нас? Дай мне сначала исполнить свой долг, дай мне видеть мою родину освобождённой от засилья немецких конюхов и выгнан-

ных из Германии немецких принцесс, и тогда...

– Жанна! – воскликнул Суврэ, лицо которого просветлело, – моя Жанна! Так обещаю тебе по крайней мере, что когда твоя родина не будет нуждаться в тебе, ты дашь мне руку, чтобы я мог повести тебя к алтарю!

– Это я могу обещать тебе, Анри! – торжественно сказала Жанна.

– Ну и на том спасибо, – послышался с порога ворчливый бас старика Очкасова, – что же делать, настали времена, когда нам, старикам, хоть в гроб живыми ложись! Не нужны мы стали, молодёжь по-новому жить хочет!

– Мне бесконечно тяжело, что я служу причиной вашего огорчения, – сказал Суврэ, вставая и кланяясь старику.

– Эх, маркиз! – добродушно сказал Николай Петрович. – На вас-то я вовсе не сержусь. Если я сам со своей дочкой возлюбленной ничего поделывать не могу, так где уж вам-то её на свой лад переделать! Спасибо вам хоть за то, что в будущем свете мне показали; авось удастся мне перед смертью увидеть дочку честной супругой... хоть и басурмана! – по-русски добавил он.

– Удастся, мсье Николя, удастся! – затараторила Полетт, вскакивая с места и хватая старика за руку – Идите к нам, подсаживайтесь, и я сейчас расскажу вам, что у меня имеется новенького. Вы увидите, что у нас очень много надежд, а ведь вы сами слышали, какие условия поставила Жанна!

– Нет уж, пойдёмте лучше в сад, – сказала Жанна, – а то

здесь слишком жарко. Кстати, скоро должен появиться ещё один человек, который даст вам самые последние сведения о России.

– Вот как? Кто же это такой? – спросила Полетт.

– Это – Нарышкин, бывший в последнее время самым близким человеком к царевне Елизавете. Нарышкин – человек очень энергичный, умный, но чересчур увлекающийся. Он затеял целый заговор и хотел одним мановением руки возвести царевну на престол. Но разве такие дела совершаются без подготовки, сразу? Конечно, нечего и говорить, что заговор был сейчас же обнаружен. Нарышкину пришлось бежать из России, и вся эта нелепая затея только ухудшила положение принцессы Елизаветы!

– Однако, – сказала Полетт, – значит, в России действительно имеется хорошая почва для переворота, и её следует только немного подготовить?

– На это тебе ответит Нарышкин, а теперь идёмте в сад, и ты расскажи нам, что у тебя имеется новенького!

Общество перешло в сад, где и расселось вокруг стола, куда слуги принесли воду со льдом и вино.

– Боюсь только, что мсье Столбин не поймёт меня, – сказала Полетт.

– Я понимаю гораздо лучше, чем говорю, – отозвался тот.

– А чего он не поймёт, он спросит у меня, – заметила Жанна. – Ну говори же, Полетт, говори!

– Так вот, дорогие мои. Вы знаете, что в последнее вре-

мя главный интерес сосредоточился вокруг кандидатуры на место покойного Тремулья. Король, осаждаемый с трёх сторон, совершенно потерял голову, но мне с сестрой удалось всё-таки склонить его на нашу сторону. Не буду описывать вам все наши мытарства, ухищрения, старания. Скажу просто, что теперь в моих руках находится подписанный королём приказ о назначении на место Тремулья, дающий право указанному в приказе лицу требовать в случае отмены приказа возмещения в четыреста тысяч ливров. Вместо имени там оставлено пустое место. Стоит мне только вписать туда кого-либо – и готово!

– Молодец, Полетт! – сказала Жанна.

– И что только эти бабы с нашим братом делают! – ворчливо кинул Очкасов.

– Конечно, Луиза, как истинная овечка в области политики, хотела сейчас же вписать имя герцога Люксембургского. Но я попросила её предоставить это дело мне. Пока имя не вписано, приказ является сильным оружием в моих руках. Ведь мы хотели показать кардиналу Флери степень своего влияния. Уже тот факт, что приказ у меня, доказывает нашу победу и торжество. Но как знать, говорила я, в какую сторону обернутся обстоятельства? Вчера днём выяснилось, что то совещание, которое мы задумали ещё в прошлом месяце, должно состояться сегодня...

– Разве? – спросил Суврэ. – А я ничего не знал!

– Вот поэтому-то я и отправилась разыскивать вас у Жан-

ны! – ответила принцесса. – Вы внесены в список приглашённых лиц. Ну, слушайте дальше! Уже совсем поздно вечером ко мне вдруг является маркиза де Бледекур и просит принять по очень важному делу. Оказалось, что её прислал ко мне сам кардинал. Флери передал мне через неё свои условия: или я дам сейчас же честное слово, что на место Тремуйля будет назначен молодой Флери, или все мои планы и замыслы потерпят полное крушение: он не только провалит мои проекты в глазах короля, но даже, если король всё-таки согласится со мной, устроит так, что Франции станет невозможным вмешиваться в русские дела, не восстановив против себя всей Европы. Маркиза Бледекур прямо указала мне, что кардинал не остановится ни перед чем. Война или мир – это всецело зависит от моего ответа!

– Но разве кардинал знал о существовании имеющегося у тебя приказа? – спросила Жанна.

– Нет, но он понимает, что, если к его желаниям присоединюсь и я, тогда король не устоит.

– Что же вы ответили? – спросил маркиз.

– Я ответила, что не могу дать теперь никакого ответа, что я рада миру с кардиналом, но не испугаюсь и войны. Во всяком случае, я должна сначала знать, могу ли я твёрдо рассчитывать на поддержку кардинала, если решу оказать ему просимую любезность. Маркиза дала мне от имени Флери его честное слово! После ухода маркизы, кинувшей мне на прощанье, что кардинал усмотрит в уклончивости ответа вызов,

я стала обдумывать положение. Я решила до исхода нашего совещания ни в коем случае ничего не решать. Посмотрю сначала, как будет держать себя кардинал. Кроме того, я хотела посоветоваться и с вами, друзья мои.

– Полетт, – сказал маркиз, – повторяю вам то, что я однажды уже говорил вам: не перетягивайте струн, потому что даже победа над кардиналом будет для вас поражением. Вы поступили очень умно, выказав такую твёрдость. Но сумеете вовремя пойти на соглашение!

Полетт хотела что-то ответить, но в этот момент калитка сада открылась, и показался высокий красивый молодой человек, одетый со всей щепетильностью французских щёголей XVIII века. Полная гордого достоинства свобода манер ясно доказывала его принадлежность к хорошему обществу. Это был Семён Кириллович Нарышкин,<sup>55</sup> один из многих интимных друзей Елизаветы Петровны, за которого она одно время даже мечтала выйти замуж, причём был проект объявить Нарышкина и Елизавету императором и императрицей. Излишняя горячность Нарышкина повела к обнаружению заговора, что, как уже знает читатель, заставило его бежать во Францию и поселиться там под псевдонимом Тенкин.

Представив Нарышкина всему обществу, Жанна сказала: – Мы между своими, Семён Кириллович, а потому оста-

---

<sup>55</sup> С. К. Нарышкин (1710–1775) – генерал-аншеф, действительный камергер (1741). Был посланником в Англии (1742).

вим всякие подходы и полунамёки. Двое из этих господ, а именно милая виконтесса де Вентимиль и мой друг, маркиз де Суврэ, будут присутствовать сегодня на совещании, где решится вопрос о французском вмешательстве в наши дела. Едва ли мне надо говорить вам, что этот момент может оказаться поворотным в ту или другую сторону для наших общих стремлений. Поэтому нашим друзьям важно прийти на совещание как можно более вооружёнными фактическими данными...

– А главное, – перебила её Полетт, – не будем терять времени, потому что его у нас очень мало. Через десять минут я должна ехать и увезти с собой маркиза.

– Но, пожалуйста, спрашивайте, виконтесса, – с любезным поклоном ответил Нарышкин, – я к вашим услугам!

– Мне важно узнать следующее: каково здоровье императрицы, нет ли распоряжений относительно престолонаследия, каковы отношения между принцессой Анной, её величеством и герцогом Бироном, как относится общество ко всему происходящему и...

– Позвольте мне сначала ответить на эти вопросы, виконтесса! – прервал её Нарышкин. – Здоровье её величества плохо. Припадки подагры всё усиливаются, кроме того, её лейб-медик Шварц говорил мне по секрету, что императрице грозит опасность со стороны одного из нежнейших внутренних органов. Сообразно с физическим страданием нарушается также правильная деятельность мозга. Императрица

никогда не была сильна головой, но в последнее время она становится окончательно игрушкой в руках Бирона...

– Ну, она всегда была ею! – заметила Жанна.

– Но не до такой степени, как теперь. Прежде герцог хоть немного опасался её, если не как императрицы, то как ревнивой женщины, а теперь он без удержу предаётся своим развратным наклонностям. Между прочим, усилением влияния герцог воспользовался, чтобы нарушить добрые отношения между императрицей и принцессой Анной. Теперь уже считают непреложным фактом, что императрица ни в коем случае не сделает принцессу Анну своей наследницей...

– Но к кому же перейдёт трон? – спросила Жанна.

– Этот вопрос не решён. Императрица ждёт последствий брака принцессы с принцем Ульрихом и, как уверяют, передаст корону их потомству. Говорят, что указ уже заготовлен, но его держат в секрете...

– Но ведь этот брак ещё не заключён? – спросила Жанна. – Насколько я слышала, его собираются отпраздновать этим летом?

– Да, это – правда.

– А если бы императрица умерла теперь же?

– То это было бы равносильно полному крушению всех наших планов, – перебил Жанну маркиз Суврэ, – потому что партия принцессы Елизаветы ещё не окрепла и, следовательно, не будет способна решительным ударом сделать кандидатуру царевны бесспорной!

– Мне кажется, что маркиз совершенно прав, – сказал Нарышкин. – Мой собственный печальный опыт показал мне, что наше общество в достаточной мере разобщено. Если послушать наших бояр, когда они говорят под влиянием даров бога Бахуса в безопасном месте, то они готовы хоть сейчас кинуться на защиту поправленных прав царевны; но в решительный момент никто не хочет идти первым, каждый опасливо озирается по сторонам, а этим промедлением может воспользоваться всякий кому не лень! Мне кажется, что этим случайным замечанием я ответил также и на ваш последний вопрос, виконтесса. Наше общество негодует, наше общество возмущено, но это негодование, это возмущение проявляются лишь в пустом ворчании. Только тогда, когда каждый недовольный вполне ясно увидит свою выгоду в перемене царствования, можно рассчитывать на действительную помощь общества. Но необходимо принять во внимание также и то, что интересы отдельных частей общества различны, а потому на его недовольстве ещё ничего строить нельзя.

– То есть, иначе говоря, – сказала Полетт, – вы считаете, что переворот в России почти невозможен?

– Нет, виконтесса, – ответил Нарышкин, – этого я отнюдь не считаю. Я нахожу только, что на общество полагаться нечего, хотя бы потому, что в том смысле, как понимаете его вы, французы, общества у нас в России нет.

– Что же нужно для осуществления переворота?

– Прежде всего деньги, потом помощь иностранной дер-

жавы.

– В чём вы видите помощь иностранной державы?

– В умелом отвлечении русского правительства от внутренних забот к внешним.

– Ещё один вопрос. Если, по-вашему, на общество полагаться нечего, то на какой же слой... на какую же касту, что ли, могут опереться заговорщики?

– Главным образом на военных. У нас, в России, это и всегда было решающей силой, а теперь русским военным грозит ряд ограничений, что вызывает среди них глухое брожение.

– Но ведь вы только что упоминали об отвлечении внимания правительства к «внешним заботам», а последние всегда вызывают передвижение войск ближе к границам. Как же в таком случае войска будут в состоянии оказать помощь заговорщикам?

– Внешнее давление должно сказаться внезапно, заставить правительство потерять голову и дать возможность заговорщикам нанести решительный удар до выступления войск. Повторяю, очень многое в данном случае зависит от удачно избранного момента.

– Считаете ли вы возможным осуществление переворота при жизни императрицы?

– Возможным – да, но очень трудно осуществимым.

– Можно ли рассчитывать на помощь вашего духовенства? Мне говорили, что оно пользуется большим влиянием на народ.

– Духовенство всей душой будет стоять за партию царевны; особенно теперь, когда на священников пошли гоненья. Так, ещё недавно одного из священников за смелую проповедь посадили на кол.

– В чём была ваша личная ошибка при последнем заговоре?

– Я неправильно учёл момент. Вам, конечно, известно, что мы ведём теперь войну с Турцией. В обществе распространились слухи, что военные действия начались очень несчастливо для России, и наша знать стала искренне возмущаться. Я и подумал, что правительству не на кого сейчас опереться: знать служилая ворчит, военные в походе Я полагался на оглушающий эффект стремительности действий, но результат получился противоположный, никто не пошёл за мной, и я сам еле унёс ноги.

– Благодарю вас, мсье Нарышкин, – сказала Полетт вставая. – Из ваших слов я вынесла то же убеждение, которое уже давно сложилось у меня: задуманное нами дело требует громадной подготовительной работы и большой тонкости различных сплетений! А теперь я должна ехать и увезти с собой маркиза, нам пора!

Когда Полетт и Суврэ уехали, Нарышкин спросил Жанну:

– Скажите, пожалуйста, Анна Николаевна, кто такие эти господа?

– Виконтесса де Вентимиль – моя товарка по монастырской школе, а ныне – подруга французского короля. Маркиз

де Суврэ принадлежит к числу близких друзей короля и... мой жених!

– И оба они так увлечены переворотом в пользу царевны?

– О да!

– Отлично! – сказал Нарышкин, потирая руки с довольным видом. – Варись, каша, покруче!

## ХII СОВЕЩАНИЕ

Все уже были давно в сборе, а его величество Людовик XV всё ещё не появлялся. Сёстры-хозяйки сильно волновались, хотя и по совершенно различным поводам. Полетт пугало это опоздание как признак отсутствия у короля интереса к задуманным ею широким планам. Луиза, наивная и безразличная к политическим делам, беспокоилась за судьбу ужина. Ведь король, в виде особенной милости, дал ей знать, что после совещания будет ужинать у неё в качестве простого гостя наравне со всеми. Зная, как любил поесть Людовик, Луиза воспользовалась этим днём, чтобы приготовить по добытому ею сложному рецепту очень тонкое блюдо из дроздовых филейчиков, слегка замаринованных в настоящем на горьких травах вине, нашпигованных трюфелями и тонувших в нежном, как предзакатное облачко, соусе из тёртых на сливках шампиньонов, заправленных петушиными гребешками. Это блюдо надо было есть сейчас же, как только оно

было готово, и Луизу очень волновало, что совещание из-за опоздания короля затянется и всё перестойт.

Волновался и Флери, хотя лучше всех скрывал это. Раздосадованный на «дерзкую девчонку», осмелившуюся с такой смелостью пойти ему наперекор, он поставил своей задачей дать ей сегодня блестящее сражение, раздавить её наивные доводы, доказать королю её ничтожество и заронить в его душу опасение тех бед, которые могут последовать, если дать место в политике страны женскому влиянию. Флери чувствовал себя хорошо вооружённым и теперь перебирал с государственным секретарём Амело ряд заметок и докладов, подготовленных им в определённом порядке. Но король всё не шёл... Как знать, вдруг он решил, не советуясь ни с кем, пойти той дорогой, которую среди пламенных ночных ласк предуказывает ему развратная, тщеславная любовница? О нет, кардинал сумел бы отомстить. Но дадут ли ему время на это? Правда, король ещё сегодня утром был особенно любезен с ним, но любезность его величества не может ввести в заблуждение такого матёрого волка, как он, Флери! Он отлично помнит, как лет десять-двенадцать тому назад король был особенно любезен с герцогом Бурбонским и особенно настойчиво просил его не опаздывать на охоту, на которую все собирались. Но не успел король выйти из комнаты, как его именем герцога арестовали и отправили в ссылку! Как знать, может быть, и его, Флери, отсюда отвезут прямо в Бастилию? С таким комедиантом, как Людовик, можно было

всего ждать, следовало всего опасаться...

Вдруг послышалось взволнованное отодвигание стульев, шарканье ног, и по комнате полетел тревожный шёпот: «Его величество!», пробудивший кардинала от тревожных дум.

– Здравствуйте, милая графиня! – сказал король, мило- стиво отвечая на приветствие всех присутствующих, рабо- лепно бросившихся ему навстречу – Но что с вами, милая де Майльи? – продолжал он, всматриваясь в лицо фаворитки. – Здоровы ли вы?

– Ваше величество, ваше величество! – воскликнула об- радованная этим вниманием Луиза. – Я так переволновалась в это время, так боялась, что вы, государь, не придёте!

– Ах, правда, я опоздал, – улыбаясь, ответил Людовик. – Но что же так взволновало вас, графиня?

– Ваше величество! – ответила де Майльи. – Я пригото- вила удивительное блюдо, которому ваше величество, надеюсь, отдадите честь, и боялась, как бы оно не перестояло.

Король громко рассмеялся, поддержанный улыбками всех присутствующих.

– Не находите ли вы, ваша эминенция, – обратился он к кардиналу, – что эти милые сёстры удивительно напоминают евангельских Марфу и Марию.

– Да, ваше величество, – ответил кардинал, – тем более что король является представителем Господа на земле.

– А можно ли поинтересоваться, из чего состоит ваше блюдо? – спросил король, делая вид, что не почувствовал

стрелы кардинала, направленной в него ответом Флери.

– Это сложно, очень сложно, ваше величество! Главной сутью этого блюда являются откормленные особым способом дрозды.

– Дрозды? Это интересно! Во всяком случае, милая графиня, мы постараемся не испортить вам эффекта, и как только любезная хозяйка даст нам знать, сейчас же прервём своё заседание, чтобы отдать честь её заботливости и вниманию. Так не будем терять время. Прошу вас, господа, садитесь и давайте поговорим. Впрочем, Суврэ, отвори обе двери и затвори следующие. Помните, господа, если вы не хотите, чтобы вас подслушивали, никогда не совещайтесь при закрытых дверях. Вы должны всё время иметь перед глазами соседние комнаты!

Король уселся в кресло, кардинал вместе с Амело занял место перед небольшим круглым столиком, на котором разложил свои бумаги. Полетт села около короля перед своим письменным столиком, стоявшим в этой же комнате. Остальные, чувствуя себя статистами, а уж никак не действующими лицами, разместились где попало.

– Господа, – сказал король, – я нарочно позвал сюда всех своих друзей, чтобы запросто посоветоваться с вами об очень важном деле. Прошу всех говорить и высказываться просто и без всякого стеснения. Возражайте, спорьте, доказывайте – мне это будет тем приятнее, что, прислушиваясь к дебатам, я получу возможность составить себе определённое

мнение. Если оно будет на стороне прелестного автора проекта, мы передадим последний на окончательное обсуждение совета министров, а нет, так мы не дадим ему без пользы подвергаться опасности оглашения. Но сначала, господа, я должен изложить вам, так сказать, «историю вопроса».

В прелестной головке виконтессы де Вентимиль зародился проект, который, по её мнению, должен знаменовать для Франции новую эру. Выслушав этот проект, я пришёл в восхищение и не мог не поделиться им с кардиналом Флери. Но благородные седины, покрывающие умудрённую долголетним опытом голову его эминенции, создались на почве чрезмерной работы на государственную пользу. Эти седины говорят и мне, и каждому из нас, что отличием ума кардинала являются осторожность и бережность в обращении с государственными интересами. И когда кардинал с точки зрения последних стал указывать мне на слабые стороны проекта, я не мог не согласиться и с ним. Я долго думал об этих разногласиях и заподозрил, а не лежит ли истина где-нибудь посередине? И я решил: пусть виконтесса изложит нам частным образом свой замысел, пусть кардинал сделает свои возражения. Тогда каждый из присутствующих выскажется в свою очередь, и мы увидим, стоит ли нам давать этому проекту дальнейшее движение.

Вот, господа, причины, почему я решил придать всему этому совещанию характер частного собеседования. Мы в гостях у милых сестёр, мы между своими, можем просто по-

говорить об интересующем нас деле. Так давайте говорить! Милая виконтесса, познакомьте нас со своим замыслом!

Полетт начала говорить. Сначала она ещё волновалась, но потом её речь потекла плавно и без запинки. Она даже почти не справлялась со сделанными заранее заметками и говорила горячо, красиво и так убедительно, что Амело, высохший на государственной службе чиновник, не раз с удивлением и восхищением поднимал на прелестного оратора взор своих умных, выцветших глаз, которые при этом загорались почти юношеским пламенем. Полетт чувствовала одобрение аудитории, и это придавало ей новые крылья.

Читателю уже приходилось встречаться на страницах нашего повествования со взглядами на этот счёт Полины, а потому мы не будем передавать в точности её речь и ограничимся сжатым конспектом её доводов, чтобы указать, на чём именно базировались возражения кардинала.

Виконтесса начала со статистических данных, доказывающих, что положение Франции ухудшается; она слабеет, а потому нужен приток новых сил, нужно слияние с другой страной. Этой страной может быть только Россия.

– Я могу сравнить Россию, – сказала Полетт, – с гигантом, который незаметно рос в тиши и вдруг предстал перед изумлёнными глазами мира во всём своём величии. Он молод, неопытен, не знает, куда девать свои силы, но если бы поставить его перед красавицей-Францией, то северный гигант пленился бы ею, и их прочный союз дал бы одному опору

опыта, другому – опору неисчерпаемой силы.

Полетт перешла затем к описанию внутреннего положения России и того, что она может дать Франции.

Россия колоссально богата, если же она и истощена теперь, то правильным руководством ею можно добиться громадных выгод для Франции. В России большое и сильное народонаселение. Франция сумеет организовать его, превратить в дисциплинированную армию, которой и будет распоряжаться в своих выгодах. Русский народ трудолюбив и очень честен, отличается великодушием и признательностью и не забудет, чем обязан Франции.

Но, как известно, в данное время полными хозяевами России являются враждебные Франции немцы. До тех пор пока царствует теперешняя императрица или другое лицо её характера, нечего и думать о союзе между Россией и Францией. Этот союз возможен только в том случае, если Франция поможет вступить на престол принцессе Елизавете, права которой были попорчены избранием императрицы Анны.

– Я вовсе не хочу сказать этим, – заявила Полетт, – что Франция должна послать свои войска для того, чтобы свергнуть с трона царствующую императрицу. Но, по имеющимся у меня сведениям, императрица со дня на день может умереть, и тогда-то Франция и должна помешать вступить на престол Анне Леопольдовне и помочь принцессе Елизавете. Конечно, помогая последней, Франция должна выяснить, какие шансы имеет царевна. Эти шансы следующие: простой

народ обожает царевну, духовенство стоит за неё горой, особенно после того, как недавно священников стали сажать на кол; дворянство обижено предпочтением, оказываемым немцам, военные ропщут на притеснения. Франция только должна помочь объединиться всем недовольным. Принцесса Елизавета этого не забудет. Она и вообще-то обожает Францию, да кроме того отличается преданностью, постоянством и великодушием.

Всё общество слушало виконтессу не прерывая.

Обрисовав в сильных, ярких чертах картину той помощи, которую может оказать Франция партии Елизаветы Петровны, Полетт закончила:

– Вот, господа, та новая эра, которая может открыться для вашей страны резким поворотом нашей внешней политики. До сих пор почему-то считалось выгодным интриговать со всеми против всех, заигрывать с Пруссией против Австрии, подмигивая Австрии, когда она ополчилась против Пруссии. Те, кто привык к подобной двусмысленной политике, разумеется, не могут согласиться со мной, так как им трудно сразу освоиться с прямой и честной политикой открытого союза с дружественной державой. Но, господа, не забудьте, что французы искони были рыцарями, и тот путь, который открываю перед вами я, не только выгоден, но и более подходит к рыцарской натуре Франции!

Полетт закончила. Ропот одобрения пробежал среди слушателей. Сам король не мог удержаться от бурного выраже-

ния своего одобрения.

– Отлично, отлично, милая виконтесса, – заметил он, хлопая в ладоши, – вы говорите прекрасно, и – ей-Богу! – я не представляю себе, что можно возразить вам! Ну что же, милый кардинал, неужели вы заранее не признаете себя побеждённым? Нет? Удивительно! Ну так послушаем вас! Говорите, милый кардинал, возражайте, чёрт возьми!

– Ваше величество, прелестные дамы и вы, многоуважаемые господа мои! – начал кардинал, окидывая присутствующих хитрым взглядом умных глаз. – Признаюсь вам, я поражён и восхищён! Боже мой, какой ораторский талант только что выказала перед нами прелестная виконтесса де Вентимиль! Нет, природа положительно несправедлива! Одним она не даёт ничего, другим – слишком много! Я теряюсь, я смущён. Не знаю, как я буду возражать на такую блестящую речь! Ведь Господь не дал мне дара красноречия, и мой ответ будет языком цифр и фактов. Но что такое сухая деловая речь после подобного образца ораторского искусства? Конечно, нетрудно говорить, имея в распоряжении точные факты. Но говорить, совершенно не зная предмета, как то делала виконтесса, и в то же время быть столь убедительным – это, признаюсь, действительно мастерский дар слова.

Однако я черпаю некоторую опору в милостивых словах его величества, коему благоугодно было сказать, что у нас происходит не государственный спор, а просто разговор, частная болтовня среди друзей. Друзья не должны сердить-

ся на правду, и потому да простит меня прелестная виконтесса, если я подвергну суровой критике отдельные тезисы, выставленные в её речи.

Ваше величество, уважаемые господа мои! Пожалейте меня, так как трудная задача выпала на мою долю! Четыре разных человека борются во мне – министр, священник, философ и рыцарь! Как рыцарь я восклицаю, что цветом человечества всегда были женщины; но философ тут же нащёптывает мне ядовитый вопрос: что было бы, если бы люди вздумали питаться не полезными злаками, а приятными цветами? И тут же священник бормочет над моими ушами известный стих из Ветхого завета, в котором так жестоко осуждается женщина; а министр не может не припомнить, в какую пучину бед повергло Францию влияние маркизы де При.<sup>56</sup> Увы! В том-то и заключается приятное отличие женщин от мужчин, что первые повинуются чувству и воображению, а вторые – разуму и фактам. Это блестяще сказалось в речи виконтессы. Но, господа, это отличие приятно в частной жизни, а в государственных делах более чем опасно. Мы не должны, не смеем забывать доводы разума и фактов, отдаваясь во власть чарующего воображения!..

В заключительных словах виконтессы мне был брошен упрёк в мелочности и двусмысленности политики. Но я руководствовался в государственном строительстве именно тем, чем не может похвастаться виконтесса: точным знани-

---

<sup>56</sup> См. предисловие, гл. IV.

ем обстоятельств. Неужели я не задумывался о России? Нет, господа, я много думал об этой молодой северной стране, и доказательством тому служит та осведомлённость, которую я сейчас обнаружу перед вами. Виконтесса всё время пользовалась общими местами, она сама никогда не видела России и знает о ней лишь понаслышке. А передо мной, господа, донесения агентов,<sup>57</sup> специально для этого командированных, и письма дипломатов дружественных стран.

Вспомните, господа, сравнение, сделанное виконтессой. Россия – это гигант, который незаметно вырос и теперь не знает, куда применить свои силы. А вот вам, господа, определение человека, жившего и изучившего Россию...

Кардинал взял одну из бумаг и прочёл:

«Я не могу дать Вашему Превосходительству более простой и верной идеи о России, как сравнив её с ребёнком, который оставался в утробе матери долее обыкновенного срока, рос там в продолжение нескольких лет и, появившись на Божий свет, совершенно не знает, как пользоваться своими руками и ногами, затёкшими и вконец ослабевшими от ненормальности роста. Россия – это уродец, купленный для выгоды предприимчивым хозяином. Этим хозяином является Австрия, которая руководит всеми движениями уродца-России».

– Вот, господа, – продолжал кардинал, – разница в самой

---

<sup>57</sup> Флери имеет в виду записку о русских делах, поданную ему ещё в 1738 году Лалли.

исходной точке вопроса. Оказывается, что Россия – не гигант, способный самостоятельно вершить свою судьбу, а уродец, которого надо отбивать у хозяина – Австрии. Где же тут молодые силы, та новая, свежая кровь, которую думает влить в старческие жилы Франции виконтесса де Вентимиль? Но, господа, это – общие рассуждения, перейду к частным возражениям на отдельные утверждения.

Флери взял другую бумажку и, смотря в неё, продолжал:  
– Виконтесса говорит, что Россия «колоссально богата». Но это – голословное утверждение. Факты говорят, что доходы России составляют в настоящее время только 55 миллионов ливров, да и то на словах, на бумаге. А в действительности мы видим, что в 1732 году правительству, несмотря на самую жестокую систему выколачивания податей, удалось собрать только одну десятую часть того, что должно было поступить. Виконтесса объясняет это тем, что страна истощена неправильным руководством. Но, обращаясь к отдельным статьям дохода, мы видим, что соляной промысел, табак и рудничное дело сданы на откуп по самой низкой цене в частные руки. Спрашивается, господа, если откупные договоры долгосрочны – а это так и есть, – то каким образом может Франция, не нарушая прав русских подданных, увеличить эти статьи дохода? Мало того, Россия бедна потому, что доходы идут, минуя казну, в руки дворянства и высшей знати. Значит, увеличение богатства России может быть произведено за счёт тех самых лиц, которые должны отдать

нам страну? Но в таком случае не будет худших противников Франции, как те самые люди, которые, по мнению виконтессы, только и мечтают о союзе с нами. Да и позвольте спросить вас, господа, сколько же десятков лет придётся Франции вкладывать в Россию деньги, чтобы начать получать какой-нибудь доход от этого сомнительного предприятия? Конечно, виконтесса стоит слишком далеко от доходов французской казны, и участвует только в её расходах. Виконтессе неизвестно, что Франция не может вынести такие затраты. Я не хочу смущать присутствующих упоминанием точных цифр состояния нашей казны и перехожу к следующим возражениям.

Виконтесса утверждает, что в России большое и сильное народонаселение. Но вот что мне пишет агент: «Поля в России остаются необработанными по пять-шесть лет, потому что народ бежит куда попало от невозможных порядков. Простой народ измождён, ослаблен, выродился. Неурожаи, вечный голод, непрекращающиеся повальные болезни довели его вконец».

Виконтесса утверждает, что русский народ отличается честностью. А вот что мне пишет мой агент: «Если Вашей эминенции требуются подробности, то могу достать таковые, так как во всей России нет ни одного человека, который устоял бы против самого скромного подкупа». Иначе говоря, господа, мы поднимем благосостояние России, а когда это совершится, то другая держава сунет русским министрам

небольшую взятку, и плодами наших стараний воспользуются другие.

Итак, господа, действительность, факты, цифры развенчивают ту радужную картину выгодного союза с Россией, которую нарисовало нам пламенное воображение увлекающейся виконтессы. Перейдём теперь к способам осуществления её проектов.

Виконтесса хочет, чтобы Франция помогла царевне Елизавете вступить на русский трон. По мнению виконтессы, у царевны очень много шансов. Так разберём их.

«Простой народ, – говорит виконтесса, – обожает царевну». Но почему же он допустил восшествие на престол императрицы Анны? Господа! Что-нибудь одно: или народу нет никакого дела до царевны, или он ничего не может поделать в России. В обоих случаях с народом считаться нечего.

Виконтесса уверяет, что за царевну стоит духовенство, особенно после того, как его стали сажать на кол. Отмечу, что это многократное выражение неточно. До сих пор известен только один такой случай, когда священника за явно бунтовщическую проповедь подвергли этой казни. Конечно, возмутительность факта не уменьшается от его единичности. Но, как видите, господа, русские, которых нам хотят нарисовать пламенными заступниками духовенства, дали спокойно совершиться этому злодеянию. Так что же мы будем говорить о симпатиях или антипатиях духовенства, раз и оно ничего поделать не может? Мало того, известно ли виконтес-

се, за какие именно слова проповеди этого священника посадили на кол? Нет? Ну а мне известно! Священник сказал: «Хлеб не родится, потому что женский пол царством владеет; какое ныне житьё за бабой?» Но, господа, разве принцесса Елизавета – не «баба»? Так как же можно рассчитывать на духовенство в качестве опоры для переворота, раз этот переворот должен совершиться в пользу женщины?

Виконтесса утверждает, что на стороне царевны армия. Но никакими фактическими данными это не подкрепляется. А вот что я могу прочесть вам, господа: «Народная ненависть к немецкому правительству всё растёт, но оно имеет надёжную опору в гвардии». Затем польский посол доносит своему правительству, что, разговорившись с одним из враждебных немцам боярином, он, посол, высказал опасение, как бы русские не поступили с немцами так же, как поступили с поляками при Лжедмитрии. «Не беспокойтесь! – ответил боярин. – Теперь это невозможно, ведь тогда у правительства не было гвардии!»

Тут уж мы, господа, подходим к значительному разногласию. Оно и понятно: виконтессе явно неизвестно, что Левенвольду, прихвостню Бирона и обер-шталмейстеру государыни, было поручено скомплектовать несколько гвардейских полков, где офицерами являются почти исключительно иностранцы. Этими гвардейскими полками пользуются для выколачивания недоимок. Гвардейцы попросту принимают недоимщиков на штыки. Господа, военные, которые столь позор-

ным образом служат своему знамени, не пойдут в штыки за царевну Елизавету на своё немецкое правительство!

Я не отрицаю того, что в полках, где преобладает русский элемент, имеется много приверженцев принцессы Елизаветы. Но виконтесса хотела внушить нам, что вся армия пойдёт при перевороте за царевну. А факты говорят нам, что полки, состоящие из наиболее дисциплинированных и лучше всех оплачиваемых солдат, встанут на защиту правительства.

И ещё одно возражение по существу, господа. Допустим, что нам удастся превозмочь всё это и возвести царевну Елизавету на трон отцов. Что служит нам гарантией благодарности царевны? Как знать, не сочтёт ли она, утвердившись с нашей помощью на престоле, более выгодным для себя заключить союз с нашими врагами?

Виконтесса хочет внушить нам, что это противно нравственным качествам царевны, которая якобы отличается «преданностью и постоянством». Но это — голословные утверждения. В политическом отношении царевна ничем не могла ещё проявить эти качества, а её интимная жизнь говорит против обладания ими: едва ли кому-нибудь не известно, что царевна Елизавета с самых юных дней только и делает, что меняет свои самые интимные привязанности. Я не буду говорить вам о массе случайных эпизодов этого рода. Достаточно имён тех, кто пользовался более прочной привязанностью царевны. Господа, ведь царевна всего только лет пятнадцать как может жить жизнью женщины, а между тем

вот список её прочных привязанностей: Бутурлин; император Пётр Второй, её племянник; Нарышкин, её двоюродный брат; солдат Шубин, фурьер Лялин, певчий Разумовский... Господа, неужели это перечисление свидетельствует о постоянстве?

Итак, господа, вот построенный на точных фактах и цифрах ответ тому, что создало пылкое воображение прелестной виконтессы де Вентимиль. Повторяю, мы можем выразить своё искреннее восхищение красноречием и умом очаровательной виконтессы. Я первый готов забыть свой возраст и священнический сан и объявить себя пламенным рыцарем виконтессы. Но всё это только здесь, где мы, как выразились его величество, просто разговариваем по-дружески среди друзей. Если же мы перенесём своё восхищение в область действительного государственного строительства, если мы пойдём тем путём, на который зовёт нас виконтесса, то окончательно погубим Францию, думая спасти её.

Вот мой вывод, господа, вот, ваше величество, моё искреннее суждение. Но, может быть, я ошибаюсь во многом? Быть может, виконтесса может возразить что-либо? Я жду! И я первый с радостью признаю свою ошибку, если мне докажут, что я не прав!

Кардинал замолчал, с видом полного торжества осматриваясь по сторонам.

Полина сидела ни жива ни мертва, сознавая, что она ничего не в состоянии возразить на вескую речь кардинала.

Да, она сама была виновата! Не подготовившись как следует, не запасаясь какими-либо цифрами, она задумала увлечь присутствующих своей горячностью. И вот она не только погубила то дело, на котором думала построить своё благополучие, но и отрезала себе возможность на будущее активно вмешиваться в политику.

Все присутствующие тоже молчали. Все, не исключая короля, чувствовали себя разочарованными. Речь виконтессы заставила в их сердцах зазвучать самые восторженные, рыцарские чувства. Флери разрушил это очарование... Как это было досадно! Но что же говорить против языка цифр, фактов и рассудочности?

– Полетт! – еле слышно шепнул виконтессе Суврэ. – Если вы сейчас же не воспользуетесь тем, что я сделаю, и не пойдёте на соглашение с кардиналом, то ваше дело погибло!

Сказав это, он встал с места и приблизился к королю. Звук шагов маркиза вывел Людовика из грустной задумчивости.

– Как это ни печально, господа, – сказал король, – но с кардиналом нельзя не согласиться! А жаль!.. Но впрочем, ведь нам предстоит ещё обсуждение высказанного? Быть может, нам всё-таки удастся примирить это разногласие, которое, быть может, только на первый взгляд кажется непримиримым? Может быть, кто-нибудь надумал что-либо? Суврэ, я вижу по твоему лицу, что ты составил определённое мнение относительно слышанного. Ну, что ты скажешь, мой милый Анри?

– Ваше величество, позволите ли мне быть совершенно искренним и высказать моё мнение совершенно свободно? – спросил маркиз.

– Но, разумеется, Суврэ, я жду этого от тебя! – промолвил король.

– Ваше величество! Я смотрю в лицо графини де Майльи и вижу, сколько страдания написано на нём. Графиня мучается за судьбу дроздов! Ваше величество! Пожалейте как дроздов, так и прелестную хозяйку!

– Ты прав, Суврэ, – смеясь, ответил король, – ведь я обещал графине, что мы не испортим ей эффекта от придуманного любезной хозяйкой блюда. Говоря откровенно, я даже проголодался и с удовольствием отправлюсь ужинать. Если вы позволите, графиня, то мы готовы!

– О, ваше величество, – радостно воскликнула Луиза, – вы снимаете с моей души тяжёлый камень!

– Ну так пойдёмте, господа; ведь договорить мы можем и за дроздами! Быть может, это пикантное блюдо наведёт нас на счастливую мысль. Пойдёмте, господа!

Король встал и радостной походкой направился к столовой. Остальные поспешили последовать непосредственно за ним. В гостиной остались только Полетт, сидевшая по-прежнему перед своим письменным столом, да кардинал, укладывавший в портфель с помощью Амело свои записки и бумаги.

– Ваша эминенция, – вставая, сказала Полетт, – не могу

ли я получить от вас кое-какие сведения?

– Пожалуйста, дитя моё! – ответил кардинал, вставая и подходя к виконтессе. – Амело, ступайте, вы мне не нужны больше! В чём дело, виконтесса?

– Я хотела бы знать, как зовут вашего племянника.

– А зачем вам это, дитя моё, если смею спросить?

– Да вот... – Полетт отперла имеющимся при ней ключиком ящик своего письменного стола, достала оттуда королевский указ и продолжала: – Его величество поручил мне заполнить пробел в этом указе, и я сделала бы это ещё раньше, если бы была уверена, что точно помню имя вашего племянника!

В глазах кардинала сверкнуло торжество. Но он был слишком хитрой лисой, чтобы сдаться сразу.

– Как? – с хорошо разыгранным испугом воскликнул он. – Вы хотите сделать камер-юнкером моего беспутного племянника? Но это невозможно! Я уже обещал вдове Тремуйля, что употреблю всё своё влияние на пользу её малолетнего сына. Нет, нет, виконтесса, это невозможно!

– Простите, ваша эминенция, – твёрдо ответила Полетт, – но я с сестрой перебрала всех возможных кандидатов, и мы решили, что более подходящего, чем ваш племянник, и более достойного нет!

– Но я не могу, право...

– Нет уж, вам придётся подчиниться в этом случае, кардинал, – улыбаясь, возразила Полетт. – Я хочу быть столь же

непреклонной к вам, каким вы только что были по отношению ко мне!

– Господи, Господи! – пробормотал кардинал, делая вид, будто он колеблется. – Что же я могу поделать? Рыцарь перевешивает во мне старика и министра! Виконтесса, я не в силах противиться вам! Пусть будет по-вашему! Но только что же вам самим беспокоиться: позвольте, я впишу имя этого мальчишки, которому свалилось на голову такое неожиданное счастье! – Кардинал присел к столу, вписал имя племянника и сказал: – Может быть, вы позволите мне, виконтесса, взять этот указ с собой? Я сегодня же увижу этого счастливого и пораду его!

– Пожалуйста, берите, – с очаровательной улыбкой ответила Полетт – Ведь так приятно, когда неожиданно получаешь радостный сюрприз!

– Да благословит вас Господь, виконтесса! – ответил кардинал, пряча указ в широком внутреннем кармане платья. – Я уверен, что ваша доброта сейчас же призовет и на вас тоже нежданную радость! А теперь ступайте, виконтесса, в столовую! Подумайте только, что станут говорить про меня, бедного старого священника, который остаётся наедине с такой очаровательной особой.

Полетт, смеясь, ушла в противоположную дверь, бегом обежала коридором и попала в столовую с другой стороны в тот самый момент, когда вслед за королём рассаживались и остальные гости. Как её появление, так и приход кардинала,

вошедшего через минуту после неё, не привлекли ничего внимания, кроме маркиза Суврэ, который еле заметно одобрительно кивнул головой виконтессе.

В самом начале ужин проходил при полном молчании, изредка прерываемом восторженными восклицаниями короля по адресу того или другого блюда. Когда же его величество отведал дроздов, то только крякнул и стал с жадностью уничтожать лакомое блюдо.

– Очаровательная вещь! – воскликнул он наконец, тяжело отдуваясь после четвёртой порции дроздов. – Графиня, вы непременно должны сообщить моему повару секрет этого кушанья! Давно уже я не ел с таким аппетитом! Я вам крайне признателен, милая графиня!.. Ну, а теперь, – продолжал он, – мы можем и поговорить окончательно о нашем вопросе. Хотя, собственно, и говорить-то почти нечего... Но конечно, конечно, – поспешил он сказать, встретившись с умоляющим взглядом Полины, – надо договориться до конца!

Лакеи быстро и бесшумно собрали грязную посуду, поставили на стол ряд ваз с варёнными в сахаре и меду фруктами и прочими сладостями, освежили батарею бутылок и ушли, напутствуемые приказанием графини не входить, пока их не позовут.

– Итак, – сказал король, отхлёбывая из бокала вино, – вы находите, милейший кардинал, что проект этой фантазёрки никуда не годится и нам надо решительно отказаться от мысли завязать сношения с Россией?

– Да Боже меня упаси! – с самым искренним ужасом заявил Флери. – Как бы посмел я думать подобное? Проект виконтессы очарователен, и нам надо во всяком случае заняться его осуществлением!

Все присутствующие с полным недоумением взглянули на кардинала, а король от неожиданности чуть не выронил бокал из рук.

– Но мне казалось, – растерянно сказал король, – что вы назвали проект виконтессы гибелью для Франции?

– Отнюдь нет, ваше величество, это просто недоразумение!

– В таком случае я прошу вас объяснить, – почти с неудовольствием сказал король. – Право, мне даже странно... Но говорите, ваша эминенция, говорите! Я с нетерпением слушаю вас!

– Ваше величество, – заговорил Флери, – я помню те слова, которые были сказаны мною и невольно вызвали данное недоразумение. Я сказал, что путь, на который зовёт нас виконтесса, может окончательно погубить, а не спасти Францию. Но что я имел в виду, говоря «путь»? Не стремление к сближению с Россией, а те способы, которые предлагала виконтесса...

Должен сказать, я несколько увлёкся, желая дать виконтессе маленький урок государственной и житейской мудрости. Я хотел показать, как опасно пускаться в политическую авантюру, если не представляешь себе в самом точном

виде физиономии намеченной страны, если основываешь-ся не на фактах, а на предположениях. Ведь в общих чер-тах виконтесса верно обрисовала картину положения Рос-сии, а я нашёл возражения, и виконтессе уже нечего было мне ответить. Представьте себе, господа, что мы действи-тельно увлеклись бы призывом виконтессы и направили бы свои взоры в сторону России, но вдруг натолкнулись бы на одно из тех разногласий, которые я привёл вам. Ведь это бы-ло бы способно поставить нас в тупик, могло бы перевернуть все наши намерения!

Нет, господа, отвергая путь, предлагаемый виконтессой, я не отвергаю цели. Нам действительно необходимо искать прочного союза с молодой страной, и действительно другой страны, кроме России, я не вижу. Но и в этом отношении мы должны идти серьёзно, твёрдо, не давая обольщать себя никакими химерами.

Я уже указывал вам, что утверждения виконтессы мож-но толковать и так, и этак. А нам нужно взять за руководя-щую нить нечто неизблемое, не зависящее от условий. Так, например, виконтесса уверяла нас, что принцесса Елизаве-та будет благодарна нам за помощь, что она по натуре отли-чается великодушием и постоянством. Но к чему нам стро-ить что-либо на этом? Я предпочитаю связать царевну опре-делённым договором и обеспечить Францию твёрдыми га-рантиями, что этот договор будет соблюдён. На этом вернее строить наше благополучие, чем на весьма шатком фунда-

менте личных качеств.

Вот, господа, на одном этом примере я показал вам, в чём заключается всё разногласие между мной и автором восхитительного проекта, в чём я видел опасность пути, рисуемого виконтессой. Что нам за дело, пользуется ли царевна Елизавета привязанностью всей той холопствующей массы, которую представляет собою русское общество? К чему мы будем строить что-либо на этом, раз мы знаем, что ныне царствующая государыня вступила на престол помимо каких-либо симпатий, никогда любовью не пользовалась, а правит страной десятый год? Если любовь есть, то это – лишний маленький козырь в нашей игре, но не руководящая нить, нет!

Точно так же к чему мы будем опираться на недовольство или симпатии армии? С небольшими затратами мы всегда сумеем купить один полк, а при разумном направлении этого полка можно в удачно выбранный момент произвести желаемый переворот. Главное – подготовка, организация. А симпатии, недовольство... Э, если Господь пошлёт императрице Анне ещё пятьдесят лет жизни, то она процарствует их всё благополучно, несмотря ни на какие недовольства!

Так вот, господа, как я смотрю на это дело, вот в чём лежит единственное разногласие между мной и виконтессой!

– Но позвольте, кардинал, – сказал Людовик, – если Россия действительно так бедна, истощена и обезлюдела, то какую же пользу может принести нам союз с ней?

– И опять-таки скажу вам, государь, – с хитрой улыбкой

ответил Флери, – что если следовать путём, нарисованным нам виконтессой, то не будет никакой пользы; если же приступить к этому делу с осторожностью и рассудительностью, то и из обедневшей России можно извлечь свою пользу. Например, таможенный доход даёт русскому правительству в Риге около двух миллионов ливров да в Петербурге около трёх, итого в обоих этих городах около пяти миллионов. А почему так мало? Да потому, что русские чиновники воруют! Представьте себе, что мы предложим русскому правительству восемь миллионов за обе эти таможни и сами будем держать там сторожевую службу. Во-первых, мы поднимаем доход по крайней мере до двенадцати миллионов и таким образом дадим русскому правительству на три миллиона больше, да себе положим в карман столько же – один миллион уйдёт на расходы. А во-вторых, таким путём мы ограничим ввоз в Россию немецких товаров и облегчим доступ французским. Это – только некоторые из всех тех мер, которые можно осуществить. И заметьте, государь, эти меры тем и хороши, что нам дела нет, честен русский народ или нет, богат он или беден. Следуя моим путём, мы добиваемся всего при всяких обстоятельствах!

– Господа, – сказал король, – не имеет ли кто-нибудь возражений, вопросов, сомнений?

– Я хотел бы спросить, – сказал Амело, – каким образом его эминенция предполагает возможным вести в России подготовительную работу, раз мы не имеем даже официальных

сношений с нею? Послать туда эмиссаров... но это слишком рискованно и может раньше времени обнаружить намерения Франции!

– А в самом деле, кардинал, как вы думаете сделать это? – спросил король.

– Но, ваше величество, – смеясь, ответил Флери, – почему вы спрашиваете об этом меня, а не виконтессу, автора проекта?

– Ваша эминенция, – ответила Полетт, – если бы я считала себя в силах вынести на своих плечах всё это трудное и сложное дело, то не было бы нужды и в этом совещании. Как могу я дерзнуть на указание таких деталей, которые требуют многолетней государственной опытности?

– Я ещё раз повторяю, – смеясь, сказал кардинал, – что вы – редкая женщина, виконтесса! У вас такой широкий ум, такая находчивость, что куда нам, мужчинам! Я уверен, что у вас имеется продуманный полный план действий, но вы хотите дать мне высказаться, чтобы разбить меня вконец. Ну да пусть будет по-вашему!

Я не могу сейчас подробно ответить на ваш вопрос, государь, и укажу только общие черты своего проекта.

В данный момент Россия ведёт с Турцией войну. Последняя пошла очень благополучно для русских и скоро будет закончена. Когда приступят к выработке мирного договора, наш резидент в Турции вмешается и сведёт на нет все успехи русского оружия. Через дружественный нам шведский двор

мы сумеем дать понять России, что так будет всегда, пока Россия не возобновит с нами правильных дипломатических сношений. В результате императрица должна будет назначить к нам посла, а мы пошлём своего посла в Россию.

Нашим послом будет человек, совмещающий в себе храбрость, осторожность, внешнее обаяние, дипломатическую увёртливость – словом, для должности русского посла мы подыщем совершенно особенного человека. Посол будет осторожно зондировать почву, войдёт в сношения с царевной, его дом будет главной квартирой наших действий. А когда приспееет час, он даст сигнал к поднятию занавеса над политической комедией, которую мы так разыграем!

– Но если этот час не приспееет до того момента, когда императрица скончается? – воскликнула Полетт.

– Виконтесса, для Франции лучше не начинать этого дела совсем, чем начать его преждевременно! – ответил за кардинала Суврэ.

– Совершенно верно, – сказал король. – Итак, проект моей милой виконтессы оказался приемлемым? Я очень рад этому!

– Но надо ещё так много обсудить... – сказала Полетт.

– Только не теперь! – заявил король. – У меня и без того голова кружится от такого длинного серьёзного разговора. Ваша эминенция, в ближайшем будущем мы примемся с вами за работу над этим вопросом, потому что он интересует меня, и я хочу быть всё время в курсе дела. А нашим секре-

тарём будет милая виконтесса де Вентимиль! Ну, а теперь, господа, забудем о России, о царевнах, императрицах и та-моженных сборах и предадимся отдыху и веселью!

\* \* \*

Так, за кубками крепкого вина и пряными блюдами из честолюбия куртизанки, продажности попа-министра, трогательной преданности влюблённого маркиза и ленивого тщеславия короля, родилась санкция проекта, которому суждено было существенно изменить положение русских дел. Франция думала только о себе; она хотела капитализировать русское неустройство, холопство, бездеятельность и опутать Россию тонкой, но прочной сетью бесконтрольного политического влияния. Но ни кардинал Флери, хваставшийся своей осведомлённостью, ни сама Россия, пожалуй, не знали, сколько неисчерпаемых возможностей таится в этой великой стране.

Да, Франция ошиблась в расчётах, иначе не стала бы она подводить ту сложную интригу, которая составит содержание следующей книги. И если автору удалось заинтересовать читателя судьбой Столбина и его Оленьки, судьбой маркиза Суврэ, Жанны, её любви и мести, то пусть последует за автором из тёплой парижской весны 1739 года в суровую петербургскую осень 1740 года!

# Часть вторая

## ЕЛИЗАВЕТА

### I

## В ЛАБИРИНТЕ ИНТРИГ

«Если до получения этого письма наши друзья, о прибытии которых меня известила вчерашняя депеша, ещё не успеют выехать из Парижа, то я надеюсь, что вместе с верительными грамотами Ваше Превосходительство пришлёт мне подробные инструкции относительно всех затруднений, о которых я имею честь сообщить Вам ниже. Положение всё запутывается, и маркизу будет легче изложить мне словесно взгляды королевского правительства, чем Вашему Превосходительству сделать это письменно. Повторяю, положение так запутывается, становится настолько сложным, что может показаться, будто ради интересов Франции я иду против французских же интересов. Я положительно затрудняюсь достаточно кратко и ясно изложить вам всё это...»

Писавший эти строки – французский посол при русском дворе Иоахим-Жак Тротти маркиз де ла Шетарди – положил перо, встал и задумчиво подошёл к ярко топившемуся камину, у огня которого стал потирать зазябшие руки.

Он был в меру высок, хорошо сложен, строен и одет со всей изысканностью прирождённого победителя сердец. Орлиный нос и энергичная дуга бровей придавали выражение смелости и отчаянной решимости его выхоленному, красивому лицу, которое, однако, при более внимательном наблюдении несколько отталкивало избытком самонадеянности и надменности.

Но теперь выражение самонадеянности значительно отступало перед той крайней озабоченностью, о которой ясно говорили нахмуренный лоб и сдвинутые брови посла. Действительно, его положение было не из лёгких. Он просит инструкций, которые даже при помощи курьера могут быть доставлены ему не ранее как дней через пятьдесят, так как даже верховой с расставленными подставами проходил расстояние от Петербурга до Парижа в двадцать – двадцать пять дней. А между тем необходимость действовать может возникнуть теперь же! Так как же изложить своему правительству положение момента настолько ясно, чтобы сразу была видна создавшаяся необходимость действовать именно так, а не иначе?

После довольно долгого раздумья Шетарди пожал плечами, энергично махнул рукой и, вернувшись к письменному столу, продолжал писать:

«Прежде всего начну с некоторого маловажного трения, которое я предвижу. Конечно, в данном случае вопрос идёт только о небольшой подробности этикета, но без специаль-

ных инструкций Вашего Превосходительства я не могу уступить в этом.

Сегодня утром я частным образом виделся с Остерманом. Во время разговора эта старая лиса упомянула, что отсутствие аккредитивов к новому правительству не мешает неофициальному ведению переговоров между нами, так как смерть императрицы Анны не лишает русского двора возможности видеть во мне представителя его христианнейшего величества, тем более что и герцог-регент не удосужился до весны дать послам торжественную аудиенцию, а следовательно – всё равно пришлось бы слишком долго ждать официального признания.

Я не могу скрыть своего удивления, возразив, что аккредитивы будут даны мне не к регенту, а к императору Иоанну III,<sup>58</sup>

---

<sup>58</sup> Иоанна Антоновича называют как Иоанном Третьим, так и Шестым. Иоанн Грозный (IV) был первым венценосным Иваном, имевшим титул царя, – до него были только великие князья.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.